

Девушка Online

ЗОИ САГГ

Zoella

ПЕРВЫЙ РОМАН
ОТ СЕНСАЦИИ
YOUTUBE

Annotation

Дебютный роман сенсации YouTube Зои Сагг побил все рекорды уже в первую неделю продаж. Было распродано более 78 000 экземпляров. Зои, или Zoella, – популярный блогер и влогер из Великобритании. Ее канал на YouTube насчитывает более 7 млн человек. «Девушка Online» – это анонимный блог пятнадцатилетней Пенни Портер, в котором она делится со своими подписчиками самыми сокровенными мыслями и тайнами своей жизни.

- [Зои Сагг](#)
  -
  - [Год назад...](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)

- [Глава двадцать пятая](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
  - [Глава двадцать седьмая](#)
  - [Глава двадцать восьмая](#)
  - [Глава двадцать девятая](#)
  - [Глава тридцатая](#)
  - [Глава тридцать первая](#)
  - [Глава тридцать вторая](#)
  - [Глава тридцать третья](#)
  - [Глава тридцать четвертая](#)
  - [Глава тридцать пятая](#)
  - [Глава тридцать шестая](#)
  - [Глава тридцать седьмая](#)
  - [Глава тридцать восьмая](#)
  - [Глава тридцать девятая](#)
  - [Глава сороковая](#)
  - [Глава сорок первая](#)
  - [Глава сорок вторая](#)
  - [Глава сорок третья](#)
  - [Глава сорок четвертая](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
-

Зои Сагг

Девушка Online

Я посвящаю эту книгу всем, кто сделал ее появление реальностью. Всем, кто подписался на мой канал, смотрел видео и читал блог. И не важно когда: в 2009 году или вчера. Ваша поддержка для меня – всё. У меня нет слов, чтобы передать, как я люблю каждого из вас. Благодаря вам эта книга увидела свет.

Зои Сагг, известная как Zoella (Зоэлла), – двадцатичетырехлетний видеоблогер из Брайтона, Великобритания. Ее влоги о красоте, моде и стиле жизни привлекли миллионы подписчиков на YouTube, а количество просмотров видео растет с каждым месяцем. Она выиграла награду «Космополитан» за лучший блог о красоте в 2011 году, а в следующем была признана лучшим бьюти-блогером. Зои получила звание самого популярного британского блогера в 2013 году на *Radio 1 Teen Awards*, а в 2014 удостоилась звания самого любимого блогера Великобритании на *Nickelodeon Kids Choice Awards*. На награждении *Teen Choice Awards* 2014 года Зои назвали «Веб-звездой» красоты и моды.

Год назад...

22 ноября

Всем привет!

Я решила начать блог.

Этот блог.

Спросите почему?

Вы знаете, что будет, если открыть банку колы, которую перед этим хорошо взболтали? Вот именно так я себя и чувствую. Мысли просто захлестывают меня, переполняют – но я слишком не уверена в себе, чтобы говорить об этом вслух.

Папа однажды посоветовал мне вести личный дневник. Уверял, что это отличный способ выразить самые сокровенные чувства. Говорил, что, когда я вырасту, то перечитаю записи и еще больше начну ценить школьные годы. Похоже, он окончил школу так давно, что совсем позабыл, каково это на самом деле – быть подростком.

Нет, я все-таки попробовала эту идею с дневником. И перед тем, как капитулировать, даже сделала три-четыре записи. Звучали они примерно так:

«Сегодня шел дождь. Испортила туфли. Дженин хотела прогулять математику. Не прогуляла. На естествознании Джон Барри ковырял карандашом в носу, и у него пошла кровь. Я рассмеялась, а он обиделся. Неловко вышло. Спокойной ночи, дневник».

Не Бриджит Джонс, в общем. Не впечатляет.

Если честно, я не вижу смысла в записях, которые могу прочесть только я сама.

Мне хочется думать, что кто-то может разделить мои чувства.

Вот я и решила завести этот блог, чтобы у меня была возможность поделиться с людьми тем, о чем я думаю. Тогда и так, как я сама решу. Не хочу постоянно волноваться, что произведу не лучшее впечатление, ляпну глупость или обижу друзей.

Именно поэтому я буду вести блог анонимно, скрываясь за ником.

Тогда я смогу остаться собой.

Мой лучший друг Вики (конечно, его по-другому зовут, но если скажу настоящее имя, меня можно будет вычислить) назвал бы это «эпической трагедией»: мне приходится скрывать, кто я есть, чтобы быть собой. Но что Вики понимает? Он же не девочка-подросток, страдающая от неуверенности в себе (на самом деле, он мальчик-подросток, страдающий от неуверенности в родителях, но это уже другая история).

Забавно, я всего лишь тинейджер, а у меня столько поводов для переживаний... Хотя я же решила быть откровенной, так что скрывать мне нечего – вот они:

Хит-парад заморочек девочки-подростка

1. Ты обязана всегда выглядеть на все сто;

2. Но это невозможно, когда твои гормоны сходят с ума;
3. И поэтому у тебя сейчас столько прыщей, сколько не будет больше за всю жизнь (что делает пункт номер один невыполнимым);
4. Мало того, теперь ты сама решаешь, когда и сколько шоколадок купить (что обостряет проблему из пункта три);
5. Всем вдруг становится небезразлично, что на тебе надето;
6. И твоя одежда тоже должна выглядеть на все сто;
7. Ты должна уметь позировать как супермодель;
8. Чтобы делать селфи каждый божий день;
9. И выкладывать их в соцсетях на всеобщее обозрение;
10. А после всего этого тебе еще нужно быть чертовски привлекательной для противоположного пола.

Представьте, что напечатав эти строки, я драматически заламываю руки и тяжело вздыхаю.

Но если серьезно, я же не единственная, кому выпала тяжелая подростковая доля.

Я очень надеюсь, что мои ровесницы втайне разделяют мои чувства.

И возможно, настанет день, когда мы поймем, что не одиноки, и поэтому не надо больше притворяться, а можно быть собой.

Это было бы так здорово.

Ну а пока я буду искренней только в своем блоге. А в реале придется оставаться ненастоящей.

Здесь я буду писать о том, что чувствую на самом деле, и надеюсь, что вы (кем бы вы ни были) поддержите эту идею.

Тогда у нас с вами в сети появится уютный уголок, где можно без притворства говорить на важные для девушек темы.

Забыла сказать: я увлекаюсь фотографией (разве не чудо, что камера умеет останавливать время, навсегда сохраняя в памяти волшебные моменты: красивые закаты, дни рождения, глазированные капкейки с соленой карамелью, покрытые глазурью...). Так что здесь будет много моих фотографий. Но селфи от меня не ждите. Сами понимаете, анонимность.

Пожалуй, на сегодня все. Спасибо всем, кто дочитал до конца (если кто-нибудь вообще читал)! Если есть, что сказать по этому поводу, дайте знать в комментариях.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава первая

Нынешние дни...

Привет, Пенни. Ты знала, что Уильям Шекспир – анаграмма к «В орфографии слаб^[1]»?

Я читаю эсэмэс от Эллиота и глубоко вздыхаю. За всё время, что я сижу на генеральной репетиции Ромео и Джульетты (три часа жизни, потраченные впустую), Эллиот прислал мне сотню несвязанных между собой фактов об авторе пьесы. Конечно, это он из лучших побуждений, чтобы я не умерла со скуки, но неужели кому-то и впрямь интересно будет узнать, что Шекспир перешел в баптизм в 1564 году, или что у него было семь братьев и сестер?

– Пенни, сфотографируй, как Джульетта наклоняется из окна трейлера.

– Хорошо, – киваю я мистеру Биконсфилду и хватаю камеру.

Мистер Биконсфилд ведет актерское мастерство у старших классов. Он – один из тех учителей, что пытаются быть на короткой ноге с учениками. Просит называть его «просто Джейф» и изводит тонны геля для волос на модную укладку. Это с его легкой руки действие Ромео и Джульетты перенеслось в бруклинское гетто, так что наша Джульетта не стоит на балконе, а выглядывает из окна трейлера.

Моя лучшая школьная подруга Меган без ума от мистера Биконсфилда. Но иначе и быть не может: во всех спектаклях он отдает ей главную роль. Мне кажется, он слегка чокнутый. Учителя не должны тусоваться с подростками. Они должны волноваться о школьных проверках и помечать что-то в учебниках – ну, или чем они там еще в учительской занимаются?

Я поднимаюсь на сцену, приседаю и направляю объектив на Меган. На ней рэперская кепка и толстая фальшивая золотая цепь с крупным, тоже золотым знаком доллара – конечно, фальшивым. В настоящей жизни она такое под страхом смерти бы не надела, что еще раз доказывает, как сильно ей нравится мистер Биконсфилд. Я уже подобрала хороший ракурс, но тут раздается шепот Меган:

– Смотри, чтобы прыщ в кадр не попал.
– Что? – тихо переспрашиваю я.

– Прыщ, сбоку на носу. Снимай так, чтобы его не было видно.

– А... Хорошо!

Я подаюсь в сторону и ставлю крупный план. Освещение в этой точке не очень, но зато кожа кажется ровной. Я делаю фото и поворачиваюсь, чтобы спуститься в зал. Мой взгляд скользит по пустым креслам. Кроме меня, на репетицию пришли только мистер Биконсфилд и двое помощников режиссера. Я с облегчением выдыхаю. Сказать, что я хорошо переношу толпу – это все равно что заявить, будто Джастин Бибер ладит с папарацци. Не представляю, как люди вообще могут выступать перед публикой. Я постояла на сцене всего пару секунд, чтобы сделать фото, но уже успела почувствовать себя не в своей тарелке.

– Спасибо, Пен, – раздается голос мистера Биконсфилда, и я тут же спускаюсь в зал.

Вот что еще меня раздражает в этом учителе: привычка фамильярничать с учениками. Он со всеми на ты. Нет, правда, когда родственники зовут меня Пен – это одно, но когда учитель...

Я возвращаюсь на свое укромное место с краю от сцены. Телефон снова вибрирует.

Ты не поверишь! Во времена Шекспира Джуллетту играли мужчины! Скажи Олли, вот лицо у него будет ☺

Я поднимаю глаза на Олли. Он смотрит на Меган.

– Но,тише, что за свет в ее окне, – произносит Олли с неубедительным американским акцентом.

Я только вздыхаю. Его не портит даже костюм современного Ромео, хотя он намного хуже, чем у Меган (что-то среднее между Снуп Догтом и типичным неудачником из шоу Джереми Кайла).

Эллиот терпеть не может Олли. Считает его напыщенным эгоистом и называет «Ходячий Селфи». Но он совсем его не знает. Эллиот учится в частной школе в Хове и судит об Олли всего по нескольким случайным встречам на пляже и в городе.

– А меня Пенни будет фотографировать? – уточняет Олли, произнося слова на американский манер. Говорить с акцентом он начал сразу, как только его утвердили на роль. Наверное, все именитые актеры так делают, чтобы «вжиться в образ».

– Сейчас щелкнет, – отвечает «просто Джейф».

Я убираю телефон и снова взбегаю на сцену.

– Только снимай меня с лучшей стороны, – тихо просит Олли, чье

лицо едва видно под огромным козырьком украшенной черными стразами бейсболки.

– Напомни, какая сторона – лучшая?

Олли смотрит на меня как на дурочку.

– Просто сложно выбрать, – шепчу я в ответ, заливаясь краской.

Олли только хмурит брови.

– У тебя обе стороны симпатичные, – в отчаянье выпаливаю я. Боже, да что это такое со мной творится?! Услышь этот разговор Эллиот, он бы в истерике забился. В эту секунду Олли расплывается в улыбке, и его лицо сразу становится мальчишески-простодушным.

– Правая лучше, – отвечает он и снова поворачивается к Джульетте.

– С моей стороны правая или с твоей? – решаю уточнить я.

– Пен, фотографируй уже, у нас мало времени, – раздается голос мистера Биконсфилда.

– С моей, естественно, – шипит в ответ Олли, опять глядя на меня как на слабоумную.

Даже Меган смотрит на меня осуждающе. Покраснев от стыда, я делаю кадр не проверив, правильно ли падает свет и как подобран угол. Просто нажимаю на кнопку и поспешно ретируюсь.

Я ожидаю окончания репетиции (успевая за это время узнать от Эллиота, что Шекспир женился в восемнадцать и написал тридцать восемь пьес), и мы всей компанией идем в кафе «Джи Би», где готовят отличные молочные коктейли и картошку фри.

Мы выходим на пляж и тут со мной ровняется Олли.

– Как делишишки? – заговаривает он, растягивая гласные на нью-йоркский манер.

– Ээээ... Хорошо, спасибо. – Рядом с ним я теряю дар речи. В обычной одежде Олли еще красивее, чем на сцене. У него светлые, небрежно уложенные волосы и голубые глаза, которые в свете зимнего солнца кажутся бездонными как море. Честно сказать, я не уверена, что Олли – мой тип, слишком уж он идеален: лицо звезды бой-бэнда и тело атлета. И все же я очень стесняюсь, ведь все внимание главного красавчика школы обращено сейчас ко мне одной.

– Хотел спросить... – начинает он, улыбаясь от уха до уха.

И тут же мой внутренний голос заканчивает за него вопрос: «Что ты делаешь в свободное время? И почему я раньше тебя не замечал? Может, согласишься на свидание со мной?»

– ...можно посмотреть, как я на фото получился? Я должен быть уверен, что выгляжу супер.

– А, да. Конечно. Покажу, когда в «Джи Би» придем.

И с этими словами я проваливаюсь в яму. Конечно, не в настоящую глубокую яму, и проваливаюсь не с головой, разумеется. Но я спотыкаюсь, и меня заносит в сторону, как заядлого алкаша. Вот именно за это я и ненавижу Брайтон – здесь полно ям, и все они словно специально созданы и расположены так, чтобы я обязательно в них угодила! Я делаю вид, что это был такой специальный маневр, а Олли притворяется, что ничего не случилось.

Мы заходим в кафе, и Олли садится на диванчик рядом со мной. Меган вскидывает брови, и мне сразу становится неловко. Вообще, Меган умеет смотреть на меня так, что я сразу чувствую себя провинившимся ребенком. Я отвожу взгляд и начинаю изучать рождественское оформление зала: красную и зеленую мишуру и механического Санта Клауса, смеющегося «Хо-хо-хо» каждый раз, когда кто-то проходит мимо. Рождество – мое самое любимое время года. Есть в новогодней поре что-то успокаивающее. Когда я снова поворачиваюсь к столу, то с облегчением замечаю, что Меган уткнулась в свой телефон.

В голову приходит идея для нового поста в блоге, и кончики пальцев начинают едва заметно барабанить по столу. Иногда мне кажется, что школа – это большая театральная постановка, в которой каждому отведена своя роль. По сценарию Олли должен сейчас сидеть не рядом со мной, а с Меган. Они не встречаются, ничего подобного, просто стоят на одной ступени школьной социальной лестницы. И Меган никогда не проваливается в ямы. Она словно скользит по жизни, и ее блестящие каштановые волосы плавно покачиваются от легких дуновений. Вот к Меган подсели двойняшки Кира и Амара. У них в этом воображаемом сценарии нет ни одной реплики. Но и в реальной жизни Меган относится к ним так, будто они всего лишь девочки из массовки.

– Принести вам какие-нибудь напитки? – улыбаясь, обращается к нам официантка с блокнотом в руках.

– Да, сууuper, – громко отвечает Олли, так старательно изображая американца, что хочется сказать: «Я не с ним».

Мы все заказываем молочные коктейли, а Меган берет минералку.

– Ну что, я посмотрю? – поворачивается ко мне Оли.

– Что? Ах, да. – Я выуживаю из сумки фотоаппарат и начинаю пролистывать фотографии. Найдя нужный снимок, я протягиваю Олли камеру и замираю, ожидая его оценки.

– Здорово получилось, молодец.

– О, я тоже хочу на себя посмотреть! – Меган выхватывает

фотоаппарат и начинает рьяно давить на кнопки. Я замираю.

Вообще я человек не жадный, могу даже отдать брату половину шоколадок из рождественского календаря, но моя камера – это совсем другое. Она – моя самая ценная вещь, моя отдушина.

– О. Бо. Же! Пенни! – возмущается Меган. – Надо же так сфоткать! Я тут как будто с усами. – Она швыряет фотоаппарат на стол.

– Осторожно! – вскрикиваю я.

Меган едва поднимает на меня глаза, потом снова берет камеру и жмет на все кнопки подряд, пытаясь удалить фотографию.

Я с силой вырываю у нее фотоаппарат, и один из нарощенных ногтей Меган цепляется за шнурок.

– Ай! Ты мне ноготь сломала!

– А ты чуть не сломала камеру.

– Ты только о своей камере и думаешь, – язвительно отвечает Меган. – Я не виновата, что ты сделала такое жуткое фото.

В моей голове тут же рождается достойный ответ: «*Я не виновата, что ты заставила себя так сфотографировать из-за прыща на носу*». Но вслух я этого, конечно, не говорю.

– Дай-ка посмотрю. – Олли забирает у меня фотоаппарат и начинает истерически хохотать, а Меган бросает на меня яростный взгляд.

К горлу подступает ком. Я молясь, чтобы недавний кошмар не повторился, и тут мне становится невыносимо жарко. Я не могу дышать. Кажется, будто все знаменитости, чьи фото развесаны на стенах кафе, пристально смотрят на меня. Песня из музыкального автомата вдруг звучит слишком громко. Красная обивка стульев режет глаз. Я не могу контролировать свои ощущения. Ладони покрываются испариной, а сердце стучит как бешеное.

«Хо-хо-х» – приветствует посетителей механический Санта Клаус, но теперь его смех кажется зловещим, а не веселым.

– Мне нужно идти, – шепчу я.

– А что с фото? – капризно спрашивает Меган, поправляя свои длинные темные волосы.

– Сотру.

– А твой коктейль? – спрашивает Кира.

Достаю из кошелька деньги и кладу на стол, надеясь, что никто не заметит, как сильно трясутся руки.

– Пусть кто-нибудь выпьет. Я вспомнила, что обещала кое с чем маме помочь, мне надо идти домой.

На секунду мне кажется, что Олли искренне расстроен.

– Ты завтра будешь в городе? – спрашивает он.

Меган недоуменно смотрит на Олли.

– Думаю, да. – От сильного жара у меня начинает все плыть перед глазами. Если мне не дадут выйти на свежий воздух, я потеряю сознание. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать Олли: «Выпусти меня!»

– Класс, – Олли встает с дивана и возвращает мне фотоаппарат. – Может, увидимся.

– Может.

Одна из двойняшек (я их уже не различаю) спрашивает, все ли в порядке, но я молчу. С трудом добираюсь до двери и выхожу на пляж. Громко кричит чайка, громко смеются люди. В мою сторону движется компания девушек. На них веселенькие розовые футболки и туфли на каблуках, хотя на дворе декабрь. У одной из девушек на голове фата. Я закатываю глаза. Вот что еще меня раздражает в Брайтоне, кроме ям: каждую пятницу к нам приезжает толпа народа, чтобы погулять на девичнике или мальчишнике. Я быстро ухожу с дороги и направляюсь к воде. Дует холодный ветер, я подставляю ему лицо. Стоя на мокрой гальке, я смотрю, как волны накатывают на берег, и постепенно успокаиваюсь.

Глава вторая

Большинство девчонок в обморок упадут, если, придя из школы, застанут свою маму за примеркой свадебного платья. Но мне не привыкать.

– Привет, Пен, – кричит мне с лестницы мама, едва я успеваю открыть дверь. – Ну, как тебе? – Она опирается на перила и эффектно вскидывает руку, каскад темно-рыжих волос спадает на ее плечи. Свадебное платье цвета слоновой кости, с завышенной талией и кружевными цветами на горловине, смотрится на ней великолепно. Но я так устала, что только киваю в ответ.

– Специально сшито в духе фестиваля Гластонбери, – объясняет мама, спускаясь с лестницы. Она целует меня в щеку, и я улавливаю привычный аромат роз и пачули. – Тебе нравится? Думаю, «дети цветов» его бы оценили.

– Да, очень милое.

– Милое? – переспрашивает мама, не веря своим ушам. – Нет, не милое! Это потрясающее, божественное платье!

– Это всего лишь платье, дорогая, – улыбается вошедший в гостиную пapa.

Он смотрит на меня и многозначительно поднимает брови, я отвечаю тем же. Возможно, я внешне больше похожа на мать, но характером пошла в отца. Он гораздо прагматичнее мамы.

– Как день прошел? – интересуется пapa, обнимая меня.

– Ничего. – Внезапно мне очень хочется перенестись в прошлое, чтобы мне снова было пять лет. Тогда бы я забралась папе на колени и попросила почитать мне добрую сказку.

– Ничего? – Пapa делает шаг назад и заглядывает мне в глаза. – Ничего хорошего или ничего плохого?

– Ничего плохого, – отвечаю я, чтобы не волновать родителей.

– Отлично, – довольно отвечает пapa.

– Пен, ты сможешь помочь завтра в агентстве? – спрашивает мама, прихорашиваясь перед большим зеркалом.

– Ладно. Это надолго?

– Всего на пару часов вечером, пока я буду на свадьбе.

Мои родители заправляют агентством по организации тематических свадеб «Вместе навсегда». Мама открыла его, когда оставила карьеру актрисы, чтобы больше заниматься мной и братом. Она обожает проводить

необычные свадьбы и примерять платья будущих невест. Наверное, она скучает по чудесным нарядам из оставленной в прошлом театральной жизни.

– Ужин скоро? – спрашиваю у папы.

– Через час. Сегодня будет «пастуший пирог».

– Здорово, – радуюсь я. Папина картофельная запеканка с мясом – пальчики оближешь. – Я подожду наверху.

– Хорошо, – хором отвечают родители.

– Счастье ты мое! – восклицает мама и целует папу в щеку.

Я поднимаюсь на второй этаж и прохожу мимо родительской спальни. Останавливаюсь у комнаты Тома. Из-за двери доносится хип-хоп, который я раньше на дух не переносила. Но теперь Том учится в университете и приезжает домой только на каникулы. Сегодня его музыка меня совсем не раздражает, даже наоборот. Раз она играет, значит, Том приехал. Я по нему очень скучала.

– Привет, Том-Том, – кричу я брату.

– Привет, Пен-Пен, – доносится ответ.

Я прохожу в конец коридора и поднимаюсь по еще одной лестнице. Моя комната находится под самой крышей и гораздо меньше остальных спален, но я ее просто обожаю. Скошенный потолок и деревянные стены делают ее необыкновенно уютной, а если присмотреться, то из окна можно увидеть тонкую полоску моря. Даже когда на улице темно и залива не видно, мысль о том, что он там, на горизонте, меня умиротворяет. Я включаю гирлянду, растянутую над туалетным столиком, зажигаю аромасвечи с запахом ванили и опускаюсь на кровать.

Теперь я могу спокойно обдумать произошедшее в кафе. Этот случай был третьим по счету. При этой мысли у меня внутри словно что-то обрывается. Теперь приступы не спишешь на случайность, как в первый раз, или на невезение, как во второй. Меня пробирает дрожь, и я укутываюсь в толстое пуховое одеяло. Его тепло напоминает мне о том времени, когда я была маленькой и мама делала мне палатку из одеял. Я могла часами лежать в таком домике с фонариком и книгами, прячась от внешнего мира.

Я сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза, но тут раздается стук за стеной. Три удара. Я вскакиваю и стучу два раза в ответ.

Это Эллиот. Он живет в соседнем доме, и его спальня в мансарде через стенку от меня. Давным-давно мы придумали секретный код. Если кто-то стучит три раза, это значит: «Можно к тебе зайти?». Два удара в ответ расшифровываются как «Да, можешь прийти прямо сейчас».

Я быстро стягиваю школьную форму и переодеваюсь в уютный комбинезончик расцветки «под снежного леопарда». Эллиот терпеть не может домашние комбинезоны. Он вечно бурчит, что того, кто их придумал, нужно повесить вниз головой на брайтонском пирсе. Но Эллиоту простительно так говорить, он очень стильный парень. Эллиот не просто слепо следует моде – он так ловко комбинирует на первый взгляд несочетаемые вещи, что невозможно отвести глаз от его образов. Обожаю фотографировать его луки.

Я слышу, как Эллиот хлопает входной дверью, бросаю взгляд на зеркало у туалетного столика и тяжело вздыхаю. Я всегда вздыхаю, когда смотрю на свое отражение. У меня уже выработался рефлекс: посмотрела в зеркало – вздохнула. На этот раз причина не в веснушках, которых у меня на щеках не меньше, чем крапинок на перепелином яйце. В свете свечей их совсем не видно. На этот раз дело в волосах. Удивительно: если ветер растреплет волосы Олли, то он становится похожим на красавчика-серфера, а если мои, то они смотрятся так, будто я два пальца в розетку сунула.

Я быстро расчесываю кудряшки, но лучше не становится: теперь я похожа на одуванчик. Мало того, что я рыжая (хотя Эллиот и говорит, что у меня волосы цвета «клубничный блонд», блонда в моих волосах нет совсем), так еще и кучерявая. Лучше бы у меня были гладкие блестящие волосы, как у Меган. Я бросаю попытку расчесаться: в конце концов, Эллиот видел меня даже с немытой головой, когда я неделю валялась с гриппом.

Раздается звонок в дверь, и я слышу внизу голоса мамы и Эллиота. Он наверняка похвалил ее свадебное платье, он обожает мою маму, а она – Эллиота. У нас вся семья от него в восторге, Эллиот нам как родной. Будь наша воля, усыновили бы его. Родные мама и папа Эллиота – юристы. Они все время пропадают на работе и даже прия домой не отдыхают, а зарываются в бумаги. Эллиот уверен, что его подменили в роддоме. Мать и отец его никогда не слушали и не понимали. Однажды Эллиот попытался намекнуть, что ему нравятся мальчики, а его папа ответил: «Ничего, сынок. Все со временем проходит». Будто сексуальные предпочтения так легко поменять!

В коридоре слышатся шаги Эллиота.

– Леди Пенелопа! – торжественно произносит он, распахивая дверь.

На нем старомодный костюм в тонкую полоску, подтяжки и красные конверсы – повседневный вариант.

– О, лорд Эллиот! – восклицаю я в ответ (на прошлых выходных мы пересматривали «Аббатство Даунтон»).

Эллиот внимательно смотрит на меня сквозь очки в черной оправе.

– Рассказывай, что стряслось.

– О чём это ты? – я улыбаюсь и встряхиваю волосами, словно ничего не случилось.

– На тебе лица нет, да еще этот жуткий комбинезон надела. Ты его достаешь, только когда или все совсем плохо, или по физике задали большую домашку.

– А разве это не одно и то же? – хихикаю я в ответ и плюхаюсь на кровать.

Эллиот с обеспокоенным видом садится рядом, и я признаюсь ему:

– У меня... У меня опять был страшный приступ паники.

Эллиот крепко обнимает меня за плечи.

– Бедняга. А когда? Где?

– В «Джи Би».

– Ха, неудивительно, у них такой интерьер – любому плохо станет. А если серьезно, что случилось?

Я рассказываю, как было дело, и с каждым словом все сильнее смущаюсь. Сейчас произошедшее кажется сущим пустяком.

– Ну и что ты забыла в компании Меган и Олли? – недоумевает Эллиот, когда я заканчиваю ныть.

– Они тут ни при чём, это все из-за меня, – сбивчиво отвечаю я на его выпад. – И что я так по пустякам нервничаю? Нет, понимаю, когда первый приступ был, но тут-то...

Эллиот наклоняет голову (он так всегда делает, если что-нибудь обдумывает).

– Может, тебе написать об этом в блоге?

Эллиот – единственный, кому я рассказала про свой блог. Он узнал о нем сразу же, как только я написала первый пост, потому что: а) я ему доверяю, б) с ним я настоящая, так что из блога он ничего нового обо мне не узнает.

– Думаешь? Не слишком удручающий пост получится?

– Нет. Тебе станет легче, когда ты выговоришься. Может, лучше сможешь себя понять. А потом, вдруг среди твоих подписчиков найдется человек, кто через это уже прошел. Помнишь, что было, когда ты пожаловалась на свою неуклюжесть?

Я киваю в ответ. Месяцев шесть назад я написала в блоге о том, как налетела на мусорный контейнер и чуть не угодила в него с головой. Тогда число моих подписчиков увеличилось от 202 до 1000 за одну неделю. Никогда до этого моей записью не делилось столько человек. А из

комментариев выяснилось, что не я одна родилась с геном неуклюжести.

– Может, ты и прав...

– Я *несомненно* прав, леди Пенелопа, – улыбается Эллиот.

* * *

15 декабря.

Нужна помощь!!

Привет, друзья!

Всем спасибо за чудесные комментарии к моим фоткам из «Рая коллекционера». Я очень рада, что вам тоже понравился этот необычный магазинчик, в котором чего только не найдешь.

На этой неделе мне непросто дается новый пост, потому что со мной начали происходить пугающие меня вещи. Когда я начинала вести блог, то пообещала быть в нем абсолютно искренней, но тогда даже представить не могла, что у «Девушки Online» будет 5 432 подписчика – спасибо, что вы есть! Честно говоря, мне немного не по себе от того, что столько народу узнает мою тайну, но Вики говорит, что мне станет легче, если я ей поделюсь. Что ж, попробую.

Некоторое время назад я попала в автокатастрофу. И хотя все обошлось – никто не умер и не покалечился, – это был худший день в моей жизни.

Мы с родителями возвращались домой в жуткий ливень – такой, что казалось, будто машина угодила в волну цунами. За стеной дождя ничего не было видно, дворники работали с бешеною скоростью, но толку от этого было мало. Мы выехали на широкую двухполосную дорогу, и нас подрезал какой-то лихач. Что было дальше, я не очень хорошо помню. Кажется, папа нажал на тормоз и попытался уйти от столкновения, но на скользкой дороге машина вылетела на встречную полосу и перевернулась.

Не знаю, как вы, а я такое только в кино видела. А когда в фильме переворачивается машина, то она или сразу же взрывается, или в нее влетает грузовик. Так что в ту секунду у меня в голове была одна мысль: «Мы все умрем!» Я звала маму и папу, даже не зная, что с ними. Они выкрикивали мое имя в ответ, но я не могла к ним перебраться, как ни пытались. Я словно угодила в ловушку и беспомощно висела вниз головой на заднем сиденье.

Слава богу, никто не погиб. Какой-то хороший человек увидел, что произошло, и остановился, чтобы помочь. Приехали спасатели и быстро нас вытащили, а полицейские отвезли нас домой, где мы до рассвета пили сладкий чай, укутавшись в теплые одеяла.

Сейчас наша жизнь вернулась на круги своя. Во дворе припаркована новая машина, которая никогда не попадала в аварии. Родители предпочитают не говорить о случившемся, а все остальные твердят: «Тебе так повезло, ни одной царапинки». И я согласна, мне повезло. Но хотя на теле у меня нет ушибов и ссадин, внутри словно что-то сломалось.

Не думаю, что все попадавшие в аварию начинают испытывать панические приступы, но меня они не отпускают. Если я попадаю в стрессовую обстановку, то тут же словно возвращаюсь на место происшествия. Меня начинает бить дрожь, становится нестерпимо жарко, дышать - тяжело. Со мной такое случилось уже три раза, и я боюсь, что эти приступы будут повторяться снова и снова. Не знаю, как с этим жить.

Извините за такой угрюмый пост. Обещаю на следующей неделе снова стать той девушкой **Online**, к которой вы привыкли, и порадовать вас вкусненькими кадрами из «Шоккивоккидуда»! Но если среди вас есть кто-нибудь, прошедший через приступы паники, пожалуйста-пожалуйста, напишите в комментариях, как их остановить! Мне достаточно титула самой неуклюжей девушки во Вселенной, и титул самой отчаянной паникерши я с удовольствием уступлю кому-нибудь другому.

Спасибо, что прочитали!

девушка Online уходит в offline xxx

Глава третья

На следующее утро я просыпаюсь от привычного хора голосистых чаек за окном. Лучи зимнего солнца пробираются в комнату через просвет в занавесках. Хороший знак. Последние дни я вставала, когда за окном было еще темно.

Эллиот оказался прав: я отписалась в блоге, и мне стало легче. Как только он вчера ушел домой, я сразу же села за компьютер. Сначала мне было сложно подбирать слова, но, как только я написала пару предложений, все чувства и мысли сами собой вырвались наружу. Когда я закончила пост, глаза у меня слипались, так что я не стала, как обычно, дожидаться комментариев, а закрыла ноутбук и пошла спать.

Пока мое тело пытается смириться с тем, что ему придется встать с постели и встретить новый день, я обвожу взглядом спальню. Мама и папа шутят, что стены моей комнаты можно не оклеивать обоями, потому что каждый сантиметр увенчен фотографиями. Когда место на стенах закончилось, я протянула над кроватью веревку, на которой, как флаги, развешиваю фото (в основном снимки винтажных нарядов Эллиота или его дурачеств на пляже). Здесь висит и моя любимая фотография, которую я сделала год назад в рождественское утро. На ней мама, папа и Том сидят рядом с елкой и держат в руках горячие кружки с кофе, от которых поднимается густой пар. Я смотрю на это фото и вспоминаю, как в следующее мгновение мама увидела, что я шпионю за ними с камерой, и подозвала к себе. Мы все расселись на диване и стали петь смешную версию традиционной «We Wish You a Merry Christmas»^[2]. Именно это мне и нравится в фотографии: ей под силу остановить чудесное мгновение и навсегда сохранить память о нем.

Беру со стола выключенный мобильный телефон. Пару секунд он загружается, а потом тишину разрывают звуковые отчеты о пришедших на мейл письмах. Я открываю почту, переполненную уведомлениями о новых комментариях в блоге. Поднимаю с пола ноутбук и с замирающим сердцем открываю крышку. Несмотря на то, что я уже целый год веду блог «Девушка Online», и мои подписчики всегда оставляют положительные комментарии, я до сих пор не могу избавиться от мысли, что в один день все может резко измениться. Что, если моя последняя запись показалась им слишком... слишком угнетающей?

Но все в порядке, даже очень хорошо. Я быстро проглядываю

комментарии, которые пестрят словами «спасибо», «смелая», «честная», «любим тебя». Облегченно выдохнув, начинаю внимательно читать ответы на мою запись, и на глаза наворачиваются слезы.

Спасибо, что поделилась с нами...

Похоже, у тебя панические атаки. Не переживай, у меня тоже бывают...

А я думала, что я одна такая...

Теперь я не одинок...

После такого никто не остался бы прежним...

Спасибо за честность...

Со временем будет легче...

А ты пробовала релаксацию?

Ты такая смелая, что написала...

Я читаю еще и еще, и мне начинает казаться, будто меня укутали в теплый, сотканный из любви плед. Какое облегчение узнать, что у меня были «панические атаки», которые на самом деле существуют (я-то подумала, что у меня ум за разум зашел). Я мысленно делаю пометку «посмотреть в Интернете, какправляться с паническими атаками».

Внизу скрипит дверь родительской спальни и слышатся негромкие шаги по коридору. Папа идет готовить фирменный воскресный завтрак. Мы с Эллиотом никогда не пропускаем это первоклассное шоу.

Все сковородки в доме идут в ход: папа обжаривает бекон, три разновидности сосисок, картофельные оладьи и яйца с помидорами. Какие у него получаются оладьи! От одной мысли в животе урчит.

Я пять раз стучу в стену, что на нашем языке значит «Уже проснулся?». Эллиот тут же стучит три раза в ответ, спрашивая, можно ли прийти, и я разрешаю, ударяя по стене дважды. Каждая клеточка моего тела радуется. Все налаживается. Панические атаки уйдут, как только пройдет шок от аварии, и жизнь войдет в свое привычное русло. А самое радостное – сейчас у нас будет «воскресный завтрак».

– Яйца-пашот или омлет? – спрашивает Эллиота папа. Каждое воскресное утро он надевает свой поварской костюм: серая толстовка, спортивные брюки и полосатый сине-белый фартук.

– А какой омлет? – уточняет Эллиот. Кому-то этот вопрос может показаться странным, но только не моему папе: он знает не менее двухсот различных рецептов омлета.

– С нарезанный кубики лук репчатый, посыпанный лук-резанец,

месье, – пытается папа изобразить француза. Он часто говорит на такой манер, когда готовит, считая, что так он больше похож на шеф-повара.

– Тогда мне омлет, пожалуйста, – отвечает Эллиот и поднимает руку:
– Дайте пять!

Папа хлопает деревянной лопаточкой по его открытой ладони.

Эллиот пришел в пижаме, накинув поверх шелковый халат с бордово-зеленым орнаментом пейсли. Кажется, что Эллиот – сошедший с экрана герой черно-белого кино. Только трубки во рту не хватает.

Я наливаю себе стакан апельсинового сока, когда на кухню вползает Том. Тот факт, что он поднялся с постели раньше девяти утра в выходной – еще одно подтверждение тому, что папа готовит божественный завтрак.

Правда, то, что Том поднялся, совершенно не значит, что он проснулся.

– Доброе утро! – громко говорит Эллиот, чтобы Том его наверняка услышал.

– Угу, – бурчит Том в ответ, плюхается в кресло и роняет голову на стол.

– Кофеин для мистера Тома, – объявляет Эллиот, наливая в чашку густую черную жидкость из кофеварки.

Том приподнимает голову ровно настолько, чтобы получилось сделать глоток, и закрывает глаза, снова пробормотав «угу».

От плиты доносится головокружительный запах жареного бекона. Чтобы переключиться, я начинаю намазывать маслом кусок хлеба. Еще немного, и у меня в прямом смысле потекут слюнки.

– Привет-привет! – в кухню впархивает мама. Она единственная, кто прилично одет, потому что сразу после завтрака поедет открывать агентство. И как всегда, она отлично выглядит. Прямо мини-платье изумрудного цвета чудесно гармонирует с ее темно-рыжими волосами. Когда я надеваю что-то зеленое, то сразу становлюсь похожа на новогоднюю елку, а вот мама умеет носить этот цвет.

– Надеюсь, у всех хорошее настроение этим декабрьским утром? – спрашивает мама, обойдя стол и потрепав каждого по голове.

– Какой чудесный день, – напевает в ответ Эллиот.

Мама подходит к папе и целует его в спину, шепча:

– Пахнет восхитительно!

Папа разворачивается и крепко ее обнимает. Мы смущенно отводим глаза. Как здорово, что спустя столько лет в браке у мамы с папой сохранились такие отношения. Иногда они слишком рьяно демонстрируют их на публике, но зато не просиживают вечера в полном молчании, как родители Эллиота.

– Ты не передумала? Поможешь Андреа вечером в агентстве? – спрашивает мама, подсаживаясь ко мне.

– Да, помогу. Эллиот, может, прогуляемся утром по Лейнз?

Том страдальчески вздыхает. Он терпеть не может походы по магазинам, особенно шопинг. Наверное, поэтому на нем сейчас заношенная оранжевая футболка и штаны от красной пижамы.

– Конечно, да! – восклицает Эллиот, мой брат по духу.

– А потом поиграем в автоматы на причале? – с надеждой добавляю я.

– Конечно, *нет*, – отрезает Эллиот, хмуря брови, за что получает от меня по носу салфеткой.

Когда мама встает из-за стола за кленовым сиропом, Эллиот наклоняется ко мне и тараторит:

– ОМГ, твой пост ночью был просто сумасшедший! Видела, сколько комментов?

Я демонстративно раскланиваюсь и улыбаюсь, чувствуя себя ужасно глупо от того, что горжусь своим успехом.

– Говорил же, что справишься. А ты чуть было катастрофу не раздула, – самодовольно добавляет Эллиот.

– О какой катастрофе речь? – спрашивает мама, возвратившись к столу.

– Ни о какой, – отрезаю я.

– О «Титанике», – находится Эллиот.

Два часа спустя мы с Эллиотом играем в автоматы на конце причала.

– Не обижайся, – перекрывает Эллиот пикианье «одноруких бандитов». – Но в этой глупой игре нет смысла. Совсем.

Я бросаю еще одну монетку и сжимаю ладони, молясь о победе. Поднос с монетками выдвигается вперед, и те, что лежат на краю, вздрагивают, но остаются на месте. Разочарованно вздыхаю.

– Знаешь, эти автоматы совсем как Майспейс и овсянка: от них нет толку!

Я вставляю в прорезь еще одну монетку и мысленно пою «Ла-ла-ла», чтобы заглушить нытье Эллиота. Что ж поделаешь, раз ему так нравится не любить мою любимую игру.

Поднос с монетками медленно выезжает, и кажется, я снова проиграла. Но тут один двухпенсовик падает, а за ним целая лавина монет обрушивается в поддон. От радости я даже хлопаю в ладоши.

– Получилось! – радостно кричу я и обнимаю Эллиота, чтобы сильнее его раззадорить.

Он хмурит брови, но по искоркам в глазах, спрятанных за очками в

красной оправе, я вижу, что он едва сдерживает улыбку.

– Я выиграла! – Собираю монетки из лотка.

– Ты выиграла... – Эллиот смотрит на деньги у меня в руках, – целых двадцать пенсов. На что потратишь такие бешеные деньги?

Наклонив задумчиво голову, отвечаю:

– Для начала обеспечу безбедное существование всем родным и близким, потом куплю себе «мини-купер» с откидным верхом... а на сдачу возьму чувство юмора для моего друга Эллиота!

Он делает вид, что хочет меня стукнуть, а я хохочу, ловко уверачиваясь.

– Ладно, пошли в Лейнз, а то не успеем, – предлагаю я.

Лейнз – моя самая любимая часть Брайтона (после моря, конечно). Когда сворачиваешь в этот лабиринт из вымощенных улочек и затейливых магазинчиков, кажется, что тебя перенесло на двести лет в прошлое.

Я засматриваюсь на девушку, идущую нам навстречу: на ней длинный цветастый комбинезон и шляпка трилби янтарного цвета. Выглядит великолепно. Рука тянется к фотоаппарату, но девушка неожиданно исчезает за углом.

– А ты знала, что паб «Дом крикета» раньше назывался «Сляб и рыбный лоток»?

– «Ляг на рыбный лоток»? – Я спускаюсь на грешную землю в недоумении.

– Нет же! «Сляб и рыбный лоток»! Когда здесь была рыбацкая деревушка, «слябом» моряки называли меру, равную десяти тысячам селедок.

– Ну ты точно Вики, – смеюсь я.

Эллиот – ходящая и говорящая Википедия. Не представляю, как он удерживает в голове这么多 разных фактов. Его мозг как жесткий диск на шесть терабайт (жесткий диск на шесть терабайт – самый большой жесткий диск на сегодняшний день, это тоже Эллиот рассказал).

В кармане выбирает телефон. Сообщение от Меган. Тут же вспоминается вчерашний поход в «Джи Би», и во рту пересыхает. Как ни странно, эсэмэска очень дружелюбная.

Привет! Все в силе? Хоро

Я совсем забыла о сегодняшнем вечере. В начале недели я, полуслыша, предложила Меган устроить пижамную вечеринку, как в старые добрые времена. Захотелось вернуть в нашу дружбу прежнюю открытость и

легкость.

– Кто пишет? – спрашивает Эллиот, проходя мимо интересного ювелирного магазинчика. Витрина выпуклая, и кажется, что магазин раздуло от неимоверного количества продающихся там серебряных цепочек, браслетов и колец.

– Меган, – невнятно шепчу я, чтобы Эллиот не услышал.

– Что ей нужно?

Услышал.

– Спрашивала, все ли сегодня в силе.

– А что сегодня будет?

Потупив глаза на мостовую, признаюсь:

– Я пригласила ее на пижамную вечеринку.

– На пижамную вечеринку? Опомнись, ты уже в десятом классе учишься.

– Знаю. Я не думала, что она согласится. – Чувствую, как горят щеки.

– Зачем тогда звала?

– Хотела весело провести время, – отвечаю я, пожимая плечами.

– Да, веселее только с моими родителями весь вечер сидеть, что теперь мне и светит.

– Не обижайся. – Я беру Эллиота под руку. На нем винтажное шерстяное пальто, очень теплое и мягкое на ощупь.

– Не буду, – вздыхает он. – Мне на понедельник надо доделать большущую работу по истории, так что лучше останусь дома. Кстати, в этом здании раньше размещался офтальмологический центр Брайтона и Сассекса.

Вот бы все друзья были как Эллиот: он никогда не злится на меня дольше десяти секунд!

Мы проходим мимо кондитерской «Шоккивоккидуда». Из нее выходят покупатели, а вместе с ними – и запах теплой выпечки.

– Зайдем в «Тик-Ток» за горячим шоколадом? – У меня еще есть полчаса в запасе.

– Взойдет ли сегодня луна? – театрально произносит Эллиот.

Он открывает дверь и галантно пропускает меня вперед.

В кафе тепло и пахнет сладостями. Здесь продают лучший горячий шоколад в Брайтоне. Уж поверьте нам с Эллиотом, мы это проверили научно-опытным путем. Пока Эллиот выбирает пирожные, я сажусь за столик и пишу ответ Меган:

Да, приходи часов в 8 xP

– ОМГ! У них появились кексы с новым вкусом! – Эллиот округляет глаза. – Клубника с кофе.

– Bay!

– Будешь?

Одобрительно киваю. Я плотно позавтракала, но местечко для кекса всегда найдется.

– Отлично. Тогда я закажу.

Эллиот возвращается к прилавку, а я откидываюсь на спинку стула, наслаждаясь уютной обстановкой. В эту секунду открывается дверь, и в зал входит парень. Я сразу же узнаю в нем старшего брата Олли, Себастьяна. Следом за ним важно входит сам Олли. Я хватаю меню и делаю вид, что внимательно его изучаю. Надеюсь, они меня не заметят и сядут в другом конце кафе. Но тут у меня под ухом раздается звук отодвигаемого стула.

– Пенни! – Рядом садится Олли и улыбается мне своей очаровательной улыбкой.

С другой стороны стола стоит Себастьян и смотрит на меня, как удав на кролика. Себастьян на два года старше меня. Он самый популярный и самый заносчивый парень в одиннадцатых классах. К тому же он лучший теннисист в области. Ходят слухи, что при встрече с Энди Маррейем^[3] Себастьян посоветовал ему поработать над ударом слева. Охотно верю.

– Что будешь? – резко спрашивает он Олли.

– Молочный коктейль, шоколадный.

– Серьезно? Может, его еще сладким конфетти посыпать?

Олли пристыженно опускает глаза. Раньше я его таким не видела.

Себастьян качает головой и вздыхает:

– Какой же ты еще ребенок.

– Ладно, я возьму кофе, – отвечает покрасневший Олли. Он сейчас такой забитый, что мне его жалко.

Себастьян подходит к прилавку и встает в очередь за Эллиотом. Боюсь представить, что сделает Эллиот, когда увидит, что за наш столик уселся Ходячий Селфи.

– Какая неожиданная встреча, – заговаривает со мной Олли, разматывая шарф. – Каких-нибудь полчаса назад я как раз спрашивал у Меган твой номер телефона.

– Правда? – голос предательски срывается на визг. Прокашлявшись, уточняю:

– А зачем? – Теперь я говорю глубоким мужским басом.

Сгорая от стыда, я смотрю на скатерть и мечтаю, чтобы она превратилась в плащ-невидимку.

– Хотел спросить, сможешь ли ты завтра со мной встретиться.

Я смотрю на Олли, и мне кажется, что я еще не проснулась, а все происходящее – сон. Чтобы убедиться, я щипаю себя за ногу под столом. Слишком сильно.

– Ой!

– Что-то не так? – Олли взволнованно смотрит на меня.

– Ничего, я...

– Тебя как от боли скривило.

– Это... это... – ломаю голову над правдоподобным объяснением. – Меня кто-то укусил.

– Укусил? Кто?

– Ммм... может, блохи?

«*Hem! Hem! Hem!*» – кричит мой внутренний голос.

Олли подается в сторону.

– То есть, это не блохи, – путаюсь я. – У меня нет блох, не подумай. Просто такое же чувство...

Я неловко ерзаю на кресле, и кожаное сиденье издает громкий мерзкий скрип.

– Это не я, это стул! – выпаливаю я. Только мне могло попасться такое идиотское кресло! Я начинаю старательно вертеться на сиденье, пытаясь повторить звук и снять с себя все подозрения. Естественно, нарочно такое сделать невозможно.

Олли во все глаза глядит на меня, а потом... принюхивается. Серьезно, принюхивается и морщит нос! Он думает, что я испортила воздух. Мало того – я еще и блохастая! Я молюсь, чтобы на кафе упал метеорит или напали зомби – что угодно, что вытеснило бы из памяти Олли последние пять минут жизни.

– Ого! Ничего себе, сколько времени! – восклицаю я, даже не посмотрев на часы или мобильник. – Мне пора. Опаздываю на работу. – Я вскакиваю и чуть не переворачиваю стул.

– Но что насчет завтра?

– Да, конечно. Эсэмэсни мне попозже. – Бинго! Мне удалось выдать вменяемый ответ. Я хватаю наши с Эллиотом пальто, но наступаю на шарф, поскользываюсь и налетаю на официантку с подносом румяных булочек в руках.

Поднос со звоном падает на пол, и в кафе повисает тишина. Я чувствую, что на меня смотрят абсолютно все. Чудом ни во что не врезавшись, я побегаю к Эллиоту.

– Срочно уходим, – шепчу ему в самое ухо.

– Почему? А что с заказом делать?

– Попроси завернуть с собой и приноси в агентство. Случилось кое-что страшное. Я побежала.

Я вкладываю ему в руки пальто и пулей вылетаю на улицу.

Глава четвертая

Щеки у меня еще часа два не могут остыть. А Эллиот в восторге от случившегося и считает, что мне стоило сказать «Уф, полегчало!» после того, как стул издал неприличный звук. Легко ему смеяться! Сегодня я почти договорилась о встрече с парнем, от которого без ума. Почти. Могу спорить, что я первая девушка во «Всемирной истории свиданий», которая на предложение парня увидеться ответила, что у нее блохи, и пукнула. Ну, или издала похожий звук. Хуже не придумаешь!

Я сижу за столом для оформления заказов в агентстве «Вместе навсегда» и наблюдаю за Андреа у стойки с платьями. Она помогает молодой девушке сделать выбор между «Свадьбой Барби» и «Свадьбой Золушки». Будущий жених сидит в кресле в углу салона, куда он с угрюмым видом забился, узнав, что мы не проводим свадьбы в стиле «Формулы-1». За окном начинает темнеть, хотя еще только три часа. По улице снуют кутающиеся от ветра прохожие с мрачными лицами. Хорошо, что мне есть, где укрыться, пусть для этого и приходится работать. Честно сказать, мама так обставила агентство, что язык не поворачивается назвать его рабочим местом. Зайдя сюда, переносишься в сказочный мир: мигают гирлянды, горят аромасвечи, играет музыка. Наверное, в Брайтоне, да и во всем Соединенном Королевстве, не найдется другого магазина, в котором бы звучала музыка из старого граммофона. Звук скользящей по виниловой пластинке иголки усиливает атмосферу романтики, тем более, что проигрывает граммофон душевые песни о любви. Когда выходишь из «Вместе навсегда», в груди разливается теплое радостное чувство. Если, конечно, пару часов назад ты не сказала парню, по которому вздыхала шесть лет, что у тебя блохи.

Чтобы отвлечься от мыслей о блошино-сортирном позоре, я решаю проверить витрину. Каждые несколько недель мама переодевает манекены в соответствии с новой свадебной программой. Вдохновившись «Аббатством Даунтон», мама выставила на витрину белое кружевное платье с длинными рукавами и высоким воротом, немного напоминающее блузу. Я замечаю, что брошка на воротнике съехала в сторону, и забираюсь к манекену, чтобы ее поправить. Когда я поворачиваюсь, чтобы спуститься, то замечаю на улице мужчину и женщину, внимательно разглядывающих наряд невесты. Не знаю, о чём они говорят, но по губам женщины я ясно читаю «О боже мой!».

Я иду обратно к столу, а в это время звонит дверной колокольчик, и в зал входит та самая пара.

– Красивее платья я не видела! – восклицает девушка. Американка, судя по акценту.

– Здравствуйте! Чем могу вам помочь? – спрашиваю я с улыбкой.

Они улыбаются мне в ответ ровными и белыми, как клавиши фортепиано, зубами.

– Мы хотели узнать, проводите ли вы свадьбы за рубежом, – отвечает мужчина.

Они подходят к столу, и я ощущаю запах мужского лосьона после бритья. Когда Том собирается на вечеринку, от него пахнет дешевым одеколоном, а этот аромат пряный и утонченный. Дорогой.

– Ну, я не знаю наверняка, – бормочу я.

Маме доводилось организовывать свадьбы за границей, но только для друзей. Чтобы не потерять потенциального клиента, я продолжаю:

– Вы уже планировали свадьбу?

– Мы женимся в канун Рождества.

Видимо, заметив удивление на моем лице, мужчина уточняет:

– Да, этого Рождства. Чуть больше недели осталось. И как раз сегодня утром мы узнали, что у нашего свадебного агента изменились планы...

– Он сбежал с невестой, для которой накануне проводил свадьбу! – восклицает женщина.

Я едва сдерживаю улыбку, предвкушая, как эта история понравится Эллиоту и Тому.

– Какой ужас, – вздыхаю я.

– Да, я очень волнуюсь, – продолжает женщина. – Мы сейчас по делам в Англии, а значит, не можем встретиться ни с одним организатором из Америки.

– Мы даже хотели все отменить, – добавляет мужчина.

– А потом увидели вашу чудесную витрину, – продолжает женщина. – Я так люблю «Аббатство Даунтон»! У нас в Америке его все смотрят.

– Вот мы и решили узнать, не согласитесь ли вы нам сделать свадьбу? – спрашивает мужчина.

– Будет так необычно! – вторит его невеста.

Развалившийся в кресле парень что-то бурчит.

– Конечно, – немедленно соглашаюсь я. – Это агентство моей мамы, но ее сегодня нет. Давайте я запишу ваши контактные данные, и она вам перезвонит, как сможет.

– Договорились. Меня зовут Джим Брейди. – Мужчина протягивает

мне визитку с выгравированным именем. На ощупь она плотная и гладкая, как шелк.

– А я – Синди Джонсон, ну, уже почти Брейди, – говорит женщина, отдавая мне свою визитку, на вид не менее дорогую, чем у ее жениха.

– Зал для церемонии мы уже заказали, так что вам нужно будет только его оформить, – уточняет Джим.

– Свадьба будет в Уолдорф-Астории, в Нью-Йорке, – добавляет Синди. И судя по ее многозначительному взгляду, место это неплохое.

– Здорово, – отвечаю с улыбкой.

– Ах, у вас, англичан, такое чудное произношение, – умиляется Синди. – Дорогой, раз мы делаем свадьбу в стиле «Аббатства Даунтон», давай произнесем клятвенные речи на британский манер? Прелестно будет, правда? – Второй вопрос она обращает ко мне.

– Да, прелестно, – я киваю и улыбаюсь.

Хмурый жених в кресле перехватывает мой взгляд и закатывает глаза к потолку.

– Почему цыпленок шел на север, но изв�ался в грязи и изменил направление на юг? – набрасывается на меня папа, едва я успеваю войти в гостиную.

Они с Томом развалились на угловом диване и уминают попкорн из глубокой тарелки. На экране телевизора мелькают футболисты. Папа и Том всегда проводят так время, если остаются одни дома.

– Только не спрашивай его почему, – умоляет Том. – До конца своих дней будешь жалеть, что узнала ответ.

– Не будет, – молниеносно отвечает папа. – У Пен такое же отменное чувство юмора, как у меня. Хотя бы одному отприску оно передалось.

Папа прав. Я его чувство юмора разделяю, но сомневаюсь, что его можно назвать отменным.

– Так почему же цыпленок шел на север, но изв�ался в грязи и изменил направление на юг? – спрашиваю я папу, загребая горсть попкорна.

– О нееет, – стонет Том, пряча голову под подушку.

– Потому что он – грязный изменник!

Мы с папой смотрим друг на друга и прысаем со смеху. Том жалобно хнычет из-под подушки.

– Как дела в агентстве? – спрашивает папа, просмеявшись.

– Как обычно, – отвечаю я и замечаю, что папа погрустнел. Люди предпочитают играть свадьбы летом, в холодное время года обычно

затишье, но этой зимой дела в агентстве идут совсем плохо.

– Ой, забыла сказать про парочку из Америки. Они хотят пожениться в Нью-Йорке. Серьезно настроены.

– Правда? – удивляется папа.

– Да, они хотят торжество в духе «Аббатства Даунтон». Но им все надо суперсрочно организовать. Их предыдущий агент сбежал с чужой невестой со свадьбы, которую он и проводил.

Теперь очередь Тома заходиться со смеху.

– Над чем это вы так хохочете? – заходит мама, снимая пальто.

– Почему цыпленок шел на север, но извялялся в грязи... – начинает было папа.

– Нет! – выкрикивает Том. – Вот тебе шутка: почему американская пара отменяет свадьбу?

Мама смотрит на нас как на ненормальных. Она часто так на нас смотрит.

– Потому что их свадебный агент сбежал с невестой, чью свадьбу проводил! – Том опять покатывается со смеху.

Мама садится рядом со мной и недоуменно спрашивает:

– О чём это он?

Я рассказываю ей про Синди и Джима, добавляя в конце, что они будут играть свадьбу в Уолдорф-Астории.

При упоминании этого места у мамы и папы одновременно вытягиваются лица.

– Уолдорф-Астория... – мечтательно произносит папа.

– В Нью-Йорке... – мурлычет мама.

– Вот их визитки. – Я протягиваю маме карточки Синди и Джима. – Они просили перезвонить, как только сможешь. Я знаю, мы свадьбы за границей не проводим, но лучше ты это сама скажи. Ничего, что я им не отказалась?

Мама с папой переглядываются и расплываются в улыбках.

– Ты все правильно сделала, Пен. – Мама притягивает меня к себе.

Родители начинают радостно обсуждать Уолдорф-Асторию, а мой телефон пищит. Сообщение от Эллиота:

ОМГ, папа только что спросил, есть ли у меня девушка!!!

Может, попросить девчонок из команды построиться словом «гей», чтобы ясно стало?

Веселого вечера с Мега-стервой:Р

Я быстро печатаю ответ:

Ага, или на кексе из «Шоккивоккиуда» глазурью написать.
Спасибо за пожелание...;) Rxxx

Я отправляю сообщение, и телефон снова подает голос. На этот раз пришла эсэмэска с незнакомого номера.

Привет, Пен! Встретимся завтра у «Счастливого пляжа»?
Часов в 12?
Можно пообедать...
Олли x

Глазам своим не верю. Меня, самую неуклюжую девушку во Вселенной, у которой, возможно, проблемы с блохами и газами, Олли зовет на ланч! В настоящий ресторон! С ума сойти... Похоже, у меня будет свидание!

Глава пятая

Если в мире и есть что-то, способное стереть с лица улыбку счастья от будущего свидания, так это гримаса лучшей подруги, которая сидит рядом на кровати, смотрит в пустоту стеклянными глазами и вот-вот упадет замертво от скуки.

Меган пришла только двадцать минут назад, но кажется, что прошло двадцать дней, не меньше. Я пытаюсь ее как-то занять, но на все мои предложения она или пожимает плечами, или цедит сквозь зубы «чего-то не хочется». Не понимаю, зачем она пришла. Чтобы сидеть и дуться? И тут я догадываюсь! Меган мне мстит за то, что произошло вчера в «Джи Би». Наверное, все еще сердится из-за сломанного ногтя. И о чем я думала, когда ее приглашала? Я вздыхаю про себя. Как глупо было надеяться, что эта пижамная вечеринка будет такой же веселой, как в старые добрые времена.

Мы с Меган дружим со средней школы. Все началось, когда первого сентября учительница посадила нас за одну парту. Честно сказать, поначалу я с ней общалась от страха: я все лето переживала, что приду в новый класс, и никто не захочет со мной дружить, что целых СЕМЬ ЛЕТ я буду одиноко ходить по школьным коридорам. Но очень скоро наша дружба превратилась из вынужденной в настоящую.

Мое самое приятное воспоминание о нашей былой дружбе связано с едва ли не самым печальным событием в моей жизни. Когда нам было по двенадцать, у меня умер пес Мило. Меган пришла ко мне в гости с целым пакетом конфет и безделушек, прочитала мне стих про Мило «Маленькие лапки», который сама написала, и подарила рамку с фотографией, на которой я бегаю за Мило по парку. Раньше Меган была внимательной и доброй. Но потом она подалась в актрисы и очень изменилась. Особенно после того, как получила роль на телевидении. Откровенно говоря, это и ролью не назовешь. В короткой рекламе фирмы «Глю Стик» Меган намазывает kleem-карандашом две картонки, соединяет их и говорит: «Bay, как клейко!» Меган показывают каких-нибудь пять секунд, но она все представляет так, будто сыграла главную роль в полнометражном фильме. После этого дебюта она стала ставить себя выше других. И выше меня. Каждая наша встреча превращается для меня в кастинг на роль лучшей подруги: я все время боюсь, что скажу или сделаю что-то не так. Как говорится – «вот и сейчас...»

– Ну... Чем хочешь заняться?

– Без понятия, – бурчит Меган в ответ и обводит взглядом мою комнату. – Господи! Зачем ты сфотографировала камень?

От слов Меган что-то внутри неприятно сжимается. На фотографии – белоснежный камень с тремя дырочками. Эллиот говорит, что такие камешки приносят удачу.

– Это – куриный бог. Ну, счастливый камень, – объясняю я.

– С чего ты взяла? – Меган с усмешкой смотрит на фото.

– Потому что он с дырочкой. Рыбаки всегда брали с собой такие камни-амулеты, на счастье.

Меган снисходительно улыбается.

– Ты такая... необычная, Пенни.

Чаще всего «необычная» – своего рода комплимент. Но из уст Меган это слово звучит как оскорбление. Мне даже хочется ее толкнуть за такое. Сжав покрепче подушку, я вздыхаю. Если это будет длиться всю ночь, я до утра не доживу. Надо спасать положение.

– Может, маски сделаем? – с надеждой спрашиваю я. – У меня еще остались те пилинги с клубничным запахом, помнишь?

– Нет, не стоит. – Меган качает головой.

Я смотрю на стену и думаю, что там, в паре метрах от меня, сидит на кровати Эллиот. Он так близко, а я даже не могу с ним поболтать из-за этой адски неудачной пижамной вечеринки.

В который раз собираюсь спросить Меган, чем бы она хотела заняться, как вдруг она скидывает тапочки и забирается на кровать.

– Что с тобой вчера в кафе стряслось? – спрашивает Меган, специально разглядывая сломанный ноготь. – Ты так странно себя вела.

Я собираюсь что-нибудь выдумать, но вспоминаю вчерашний пост в блоге и теплую реакцию подписчиков на мою откровенность. Я не рассказывала Меган о панических атаках. Может, если попробую, то это нас сблизит? Набрав полную грудь воздуха, я начинаю:

– Ты знаешь, что мы с родителями недавно попали в аварию?

Меган смотрит на меня непонимающе:

– Да, а что?

– С тех пор меня мучают панические атаки. Я будто снова переживаю это все. Мне становится жарко, трудно дышать и...

– Господи, не тебе мне рассказывать, что такое паника! – перебивает Меган. – До школьной пьесы осталось два дня, и я очень волнуюсь, что все испорчу.

– Ничего ты не испортишь. Ты играешь лучше всех.

– Честно? – Меган прищуривает глаза цвета горького шоколада. – Представляешь, как мне тяжело: успех всего представления лежит на моих плечах. Джейф говорит, что я совсем как Анджелина Джоли в молодости. Только я от его слов еще больше трясусь.

– Не переживай. Я уверена, все будет хорошо, – отвечаю я, чувствуя одновременно разочарование и злость. Я хотела поделиться с Меган самым сокровенным, а она опять весь разговор свела к себе, любимой.

– Я так рада, что мы с Олли чувствуем друг друга без слов! Джейф говорит, что мы как Анджелина Джоли и Бред Питт в том фильме, где они снимались вместе. Ну, в том, после которого они встречаться начали. – Меган одаривает меня еще одной милой улыбкой. – Знаешь, Олли мне все-все рассказывает.

От ее слов мне становится дурно.

– Значит, ты и про завтра знаешь?

– А что будет завтра?

Густо покраснев, я отвечаю:

– Олли позвал меня на ланч.

На лице Меган отражается усердная работа мысли. Похоже, о нашем свидании она не знала. Значит, Олли ей рассказывает далеко не все.

– Это он тебя позвал? Куда? – Меган продолжает улыбаться, но кажется, что от напряжения она сейчас вывихнет челюсть.

– На «Счастливый пляж», в полдень.

– Да ладно? Хочет пообедать... с тобой?

Шокированное выражение лица Меган и тон, с которым она произносит это «с тобой?», выводят меня из себя. Я понимаю, что мы с Олли стоим на разных уровнях в негласном школьном ранге красоты и успеха, но мне казалось, что лучшая подруга должна порадоваться за тебя, а не плятиться, как золотая рыбка в аквариуме.

– Тебе нравится Олли? – Вопрос вырывается раньше, чем я успеваю его обдумать.

– Конечно, нравится, – сухо отвечает Меган.

– Я имею в виду – как парень?

Меган запрокидывает голову и наигранно смеется.

– Нет, конечно нет. Он для меня слишком маленький.

Я смотрю на Меган и думаю: «Что же ты за штучка на самом деле? Мы с тобой столько лет были не разлей вода, а теперь мне кажется, что я тебя совсем не знаю».

Глава шестая

Если в книге рекордов Гиннесса захотят описать худшую в мире пижамную вечеринку, пускай обратятся ко мне. Кроме шуток.

Я просыпаюсь затемно (не лучшее начало воскресенья), валяюсь в постели и пытаюсь телепатически вызвать Эллиота. Когда мы были маленькими, то всегда надеялись увидеть один и тот же сон. Нам казалось, что раз мы спим через стенку, то если сильно захотеть, можно попасть в одно опустившееся над домом сонное облако. Сейчас я мысленно телеграфирую Эллиоту, что у меня была самая ужасная в жизни ночь.

Меган крепко спит на кушетке у противоположной стены. Я смотрю на нее, и в голову само собой приходит новое название для поста в блоге: «Можно ли вырасти из дружбы?». Я ужасно злюсь. Самое обидное, что в таком состоянии я ничего не могу писать. Однажды, прямо посреди контрольной по алгебре, у меня появилась чудесная идея для блога, и в ту секунду мне казалось, что это будет мой самый веселый и интересный пост. Я придумала отличный заголовок, несколько удачных шуток... Но потом идея утонула в море уравнений, и когда я вышла из класса, у меня перед глазами стояли только две буквы: «у» и «х». До сих пор не могу вспомнить, что за пост я тогда нафантазировала. Чтобы не упустить новую идею, я беру телефон с прикроватной тумбочки и залезаю под одеяло. Я выставила беззвучный режим, когда мы пошли спать всего-то в половине двенадцатого!

Около полуночи мне написал Эллиот:

Как вы там с Мега-занудой? Не хватает меня?

Глаза б мои этого проекта не видели, хоть карандашом их выколи.

Ну кому охота слушать про законы о зерне и кукурузе?

Пишу ответ:

А зачем кукурузе законы? Пижамная вечеринка – ПРОВАЛ!

Мы уже спали, когда от тебя сообщение пришло.

Придумала отличный закон о кукурузе: к каждому горячему блюду подавать вареный початок со сливочным маслом.

СКУЧАЮ!!!

Отсылаю эсэмэс и почти сразу же слышу легкое постукивание по стене: один удар, потом четыре, потом пять. «Я тебя люблю» по-нашему. Я хочу ответить, но тут раздается ворчание Меган:

- Что это за стук?
- Не знаю, – вру я.
- Это тот сосед?

Меган сотни раз видела Эллиота, она наверняка знает его имя. Из-за этой выходки я уже не просто злюсь – я начинаю ее ненавидеть.

– Не понимаю, чего ты с ним общаешься, – продолжает Меган. – Он же приурок.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не вскочить с кровати и не огреть ее подушкой по голове.

- Можно мне кофе? – спрашивает Меган.

– Да, – отвечаю я, несмотря на то, что она только что оскорбила моего лучшего друга, испортила вчерашний вечер, и теперь мне хочется придушить ее подушкой. Я так рада возможности сбежать от Меган на несколько минут, что мгновенно выпрыгиваю из постели и надеваю халат.

На кухне сидит папа, читает газету и прихлебывает чай. Он – ранняя пташка, как и я. У папы взъерошенные после сна волосы и серые от щетины щеки.

- Привет, – встречает он меня. – Как там пижамная вечеринка?

Я многозначительно поднимаю брови.

- Ха, настолько хорошо?

Я киваю и включаю чайник. Пару недель назад, когда мы вместе готовили спагетти, я пожаловалась папе, что у нас с Меган не ладится.

- Пап?

– Да?

- Как думаешь, а из дружбы можно вырасти?

Он с улыбкой кивает головой.

– О да, со мной такое не раз бывало. Особенно в твоем возрасте, когда так сильно меняешься. – Он жестом приглашает меня сесть рядом.

- Я тебе когда-нибудь рассказывал о Тимоти Тейлоре?

Я качаю головой.

– Мы с ним были лучшие друзья в младших классах, не разлей вода. Но когда перешли в пятый, он так изменился, что я перестал с ним общаться.

- Почему? Что он сделал?

– Начал играть в регби. – Папа у нас футбольный болельщик до мозга костей и понять не может тех, кому нравится регби.

– А если честно, – продолжает папа, – не только из-за этого. Еще Тимоти начал зазнаваться. И у нас пропали общие интересы.

– Вы поругались?

– Нет, просто постепенно перестали общаться. И оба нашли новых, близких по духу друзей. Так что не переживай за Ее Величество. У тебя все будет хорошо, просто надо научиться отпускать людей.

– Спасибо, пап. – Я встаю и целую его в макушку.

– Не за что! – смеется он. – Кто бы мог подумать, что в такую рань, без кофе, я могу давать мудрые советы.

Когда я возвращаюсь в комнату, то застаю Меган полностью одетой. Радуюсь про себя, ведь это значит, что она скоро уйдет.

– Твой кофе. – Я протягиваю ей чашку, но не получаю благодарности. Вместо «спасибо» Меган спрашивает:

– Решила, в чем пойдешь на ланч?

Смотрю на Меган и не сразу понимаю, о чем она. Я так расстроилась из-за этой чертовой пижамной вечеринки, что о свидании и думать забыла.

– На твоем месте я бы надела что-нибудь повседневное. А то подумает, что ты специально наряжалась. Я могу дать худи, но цвет тебе не пойдет.

Она делает глоток кофе и слышаво улыбается.

– Бедняга, не повезло тебе с рыжими волосами: ничего с ними не сочетается, да?

В эту секунду я понимаю, что если я хочу насладиться утром и подготовкой к свиданию с Олли, Меган надо спровадить. Сейчас же.

– Мне так жаль, но папа только что попросил меня кое с чем помочь в агентстве.

– В воскресенье утром?

– Да. Боюсь, тебе пора.

– Ой, а я хотела помочь тебе собраться. – Меган, похоже, и вправду расстроена.

Я выдавливаю улыбку.

– Не переживай, я справлюсь.

– Точно?

– Абсолютно.

Но когда дело доходит до реальных сборов, справиться оказывается не так просто. Меган ушла полчаса назад, а у меня в комнате словно взорвалась бомба из тряпья. Я так неистово срывала и надевала и снова срывала одежду, что каждый сантиметр пространства занят какой-нибудь вещью. Я смотрю на безвольно болтающиеся на люстре полосатые колготки и выдыхаю сакраментальное: «Мне нечего надеть!»

Для кого-то такая проблема – повод написать в журнальную рубрику «Вопросы стилисту». Но я в подобных случаях зову Эллиота. Правда, сомневаюсь, что он захочет мне помочь в этот раз, когда я наряжаюсь для Олли. Я расхаживаю по комнате и громко вздыхаю. Даже вид моря на горизонте меня не успокаивает. Какое там! У меня на берегу этого моря через час встреча, а я до сих пор в одном белье.

Потом я спрашиваю себя: *«А в чем бы было комфортно тебе?»* Я перерываю кучу одежды рядом с креслом-качалкой и вытаскиваю черное коктейльное платье в мелкое фиолетовое сердечко. Натянув его с плотными черными колготками, я смотрюсь в зеркало: платье сидит как влитое и подчеркивает талию. Я уже собираюсь надеть балетки, как снова в моей голове звучит вопрос *«А в чем бы было комфортно тебе?»* И достаю глубоко спрятанные в шкафу байкерские сапоги, а потом накидываю черную кожаную куртку.

Камера словно кричит: «Не забудь меня!», и я кладу ее в карман. Давным-давно я поняла, что без фотоаппарата из дома выходить нельзя. Если забываю его, то обязательно попадется отменный кадр. А кто знает, какое фото мне представится сделать с Олли... Я заливаюсь краской, воображая, как он просит сфотографировать нас вдвоем. Я, конечно, ненавижу селфи, но от одного с Олли не откажусь... Да, возможно, я немного забегаю вперед, но разве нельзя чуть-чуть пофантазировать перед свиданием с парнем моей мечты?

Глава седьмая

Когда я подхожу к пляжу, моя вновь обретенная уверенность начинает улетучиваться. Внутренний голос твердит: «*А что, если он не придет? Что, если это розыгрыш? Что, если я упаду в тот момент, когда он захочет меня поцеловать? Боже мой! Что, если он захочет меня поцеловать? Нет, наивная какая, не захочет он с тобой целоваться?*». Я продолжаю спорить сама с собой, и в моем внутреннем голосе уже появляются истерические нотки.

Я решаю пройти к кафе по берегу, надеясь, что близость моря меня немного успокоит. «*Галька мокрая! Ты упадешь! Вот упадешь, а потом будешь с водорослями на попе ходить. Или забыла, как шлепнулась у Тома на барбекю?*» – не унимается внутренний голос. Я замедляю шаг. Спокойное море сияет в лучах зимнего солнца. Я глубоко вдыхаю соленый воздух. Еще и еще. «*А если тебе на голову чайка нагадит?*» – проносится у меня в голове.

– Да заткнись ты! – вслух ругаюсь я на внутренний голос и запрокидываю голову – убедиться, что надо мной не летают чайки.

Опустив взгляд, я замечаю Олли в нескольких шагах от меня.

– Как ты сюда попал? – Первый вопрос, который приходит мне в голову.

– Пришел. Пешком, – отвечает Олли, подозрительно глядя на меня. – Ты в норме? Мне показалось, что ты разговариваешь сама с собой.

– Разговариваю? Нет, я... Я тут пела.

– Пела?

– Ну да, пела. Это когда не просто разговаривают, а с мелодией.

– Я понимаю, что значит «пела».

– Ну конечно, пардоньте.

«Пардоньте»? С каких это пор я так выражаюсь? Мы общаемся всего десять секунд, а он наверняка уже решил, что у меня не все дома. Такими темпами ланча с ним мне не видать.

– У тебя с собой фотоаппарат?

– Да. А что? – спрашиваю я. Сердце начинает бешено колотиться. Неужели он уже хочет сделать наше общее фото?

– Можешь пофотографировать меня на пляже? Парочку фото для моего актерского портфолио на сайте нужно сделать. Ты ведь у нас такой хороший фотограф. – Олли одаривает меня ослепительной улыбкой.

– Ясно, конечно. – Не знаю, как это понимать. Не может же быть, чтобы он позвал меня на встречу только ради этого? Нет, я точно помню, что он говорил про ланч. Наверное, про фотографии он между делом придумал. Я отбрасываю сомнения и достаю камеру.

– Поснимаешь немного на причале?

– Хорошо, пойдем.

Бегущая вдоль берега девушка-спортсменка расплывается в улыбке, заметив нас. Какое приятное чувство! Должно быть, мы с Олли выглядим как влюбленная пара. Только вот я слишком взволнована, чтобы насладиться моментом. И все силы идут на то, чтобы придумать интересную, не компрометирующую меня тему для разговора.

– Ты, наверное, гордишься братом?

– В смысле? – Олли недоуменно поднимает на меня глаза.

– Ну, он же успешный теннисист.

Олли бормочет себе что-то под нос и смотрит на воду. У него задумчивый вид, а падающий на лицо свет подчеркивает скулы – идеальный черно-белый кадр.

– Стой, не двигайся, – выпаливаю я, включая фотоаппарат.

– Что? – хмурится Олли.

– Повернись к морю и сделай лицо, как было. Стильное фото получится.

– Ясно, – тут же оттаивает Олли и поворачивает голову. – Так пойдет?

– Идеально.

Я приближаю изображение, подбираю угол, чтобы правильно падал свет, и фотографирую.

– Можно гляну? – Олли наклоняется посмотреть фотографию и едва не касается моей щеки. От него пахнет мяты и лосьоном после бритья. Сердце начинает неистово колотиться.

– Здорово получилось, – говорит с улыбкой Олли. Когда он стоит так близко, его глаза кажутся бездонно голубыми. В голове проносится мысль, что если Олли захочет меня поцеловать, ему будет достаточно наклонить голову. Мы смотрим друг другу в глаза еще секунду.

– Ты классный фотограф. – Голос Олли звучит по-особому нежно.

– Спасибо.

Я смущенно опускаю голову. Все. Момент упущен.

Мы идем вдоль кромки воды. Еще двое спортсменов пробегают мимо, шурша галькой.

– А можешь сделать фото, если я лягу на берегу? У меня таких кадров еще нет.

– Давай.

Я сразу представляю, как мы с Олли лежим в обнимку и смотрим на море. Чувствую, как пылают щеки.

Олли опускается на камни.

– Что, если снять «вид сверху»?

– Да, интересная идея, – я встаю рядом и смотрю в камеру. Кадр получается не очень, надо центрировать.

– Чтобы хорошо смотрелось, мне надо встать над тобой, – объясняю я.

Олли мне так улыбается, что по спине пробегает приятный холодок. Я аккуратно переступаю через лежащего на гальке Олли и теперь стою над ним, широко расставив ноги. Смотрю в объектив: у Олли улыбка до ушей.

– Чур под платье не глядеть, – шучу я.

– Уже, – смеется Олли.

Мне начинает казаться, что случилось невозможное: я флиртую с парнем, не выставляя себя на посмешище.

Но как раз, когда я собираюсь сделать кадр «с высоты птичьего полета», галька уходит из-под ног. Я пытаюсь удержаться, но ноги разъезжаются в разные стороны, и через мгновение я уже сижу у Олли на животе.

– Извини. Пожалуйста, – выдыхаю я, пытаясь подняться.

Олли придерживает меня за руку и смеется:

– Не извиняйся. Это так неожиданно! Ты сама внезапность.

Я внимательно всматриваюсь в его лицо. Олли произносит эти слова не с той интонацией, с которой Меган назвала меня «необычной». Он говорит так, будто я ему нравлюсь.

– Спасибо, – кокетливо отвечаю я.

– Господи! Что вы тут творите?

Мы оба подскакиваем, услышав голос Меган. Она стоит в нескольких шагах позади нас с выпученными глазами. А рядом – двойняшки, улыбаются от уха до уха.

– Я... я... я Олли фоткала, – начинаю заикаться я, сделавшись краснее лондонского почтового ящика. – А потом подскользнулась.

– Ну да. – Меган продолжает сверлить меня взглядом. Я замечаю, что она переоделась: уходила от меня в джинсах и худи, а сейчас на ней облегающее фиолетовое платье и высокие сапоги.

Мне чудом удается встать с Олли, не покалечив ни его, ни себя.

– А с чего вы вдруг гуляете? – спрашивает Меган, глядя на Олли. – Я думала, вы собирались вместе пообедать.

– Но как... – Олли кажется растерянным. – Я просто хотел попросить

Пенни сделать пару снимков для моего онлайн-портфолио. Ничего серьезного.

Теперь моя очередь тушеваться под взглядом Меган. Она смотрит на меня с улыбкой победителя, будто говорит: «Я же сказала, что это не свидание».

– У тебя получаются такие красивые фото, – хвалит меня Кира.

– Да, – поддакивает Амара. – Мне понравился снимок пирса, который ты сделала для своего творческого проекта.

Я вяло улыбаюсь на их похвалы.

– А куда собираетесь пойти на ланч? – интересуется Меган.

Олли пожимает плечами.

– Честно говоря, пока не думал об этом.

Я ничего не понимаю.

– А мы как раз шли в «Нандос», – щебечет Меган. – Не хотите присоединиться?

Секунду подумав, Олли соглашается.

К горлу подступает комок, и я со злобой пинаю камни.

Один из них взлетает в воздух, и я с замиранием смотрю, как он ударяет пробегающего вест-хайленд-терьера. Собачка скулит от боли, а ее хозяин, пожилой мужчина с невероятно густыми бровями, строго смотрит на меня.

– Простите, пожалуйста! Я не специально, – кричу я ему. Так и хочется добавить: «Мне по жизни не везет». Я даже разозлиться по-человечески не могу – тут же попадаю в неприятную ситуацию.

– Пенни-Пенни, – отчитывает меня Меган, словно она моя мама. – Песику же больно!

– Думаю, мне лучше вернуться домой, – заявляю я, едва сдерживаясь, чтобы не запустить камнем и в Меган тоже.

– Неужели? – Меган с трудом скрывает свое ликовение.

– А что с моими фото? – расстроенно спрашивает Олли.

– По почте скину, – отвечаю я, не поднимая глаз на Олли, да и не хочется.

– Ладно, увидимся завтра в школе, – беззаботно прощается Меган.

– Пока, – хором выдают двойняшки.

Закусив губу, я быстрым шагом удаляюсь прочь. Не знаю, от чего на душе так плохо: от злости или от стыда. Но одно я знаю точно наверняка: нашей с Меган дружбе – конец.

Глава восьмая

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Пообещай, что выслушаешь меня от начала и до конца со спокойным лицом и без твоих язвительных замечаний! – умоляю я Эллиота, которого позвала, как только пришла домой, постучав в стену десять раз (это наш код для экстренных случаев).

Эллиот откидывается на спинку кресла-качалки и с задумчивым видом потирает подбородок.

– А в твоей истории будут Мега-скучнющая и Ходячий Селфи?

– Будут, но не говори о них ничего плохого, пока я не закончу. И фраза «Я же тебе говорил» тоже под запретом.

– Навсегда под запретом, или только пока ты рассказываешь, что случилось? – с ужасом на лице спрашивает Эллиот.

– Навсегда.

Эллиот вздыхает:

– Постараюсь, но мне может понадобиться кляп.

– Ну хватит!

– Ладно, ладно. Рот на замке.

Я сижу по-турецки и, уставившись в одеяло, пересказываю свою грустную историю, начиная от худшей в мире пижамной вечеринки и заканчивая убийственной фразой Олли про то, что наша встреча – это «ничего серьезного».

– *Ничего серьезного?* – повторяет Эллиот, когда я замолкаю. – Я же...

– Нет! Не говори этого! – кричу я, закрывая уши. – До сих пор не могу поверить, что я и правда думала, будто это свидание.

– Как же я зол на Мега-шлюпку! – взрывается Эллиот.

– Шлюпку?

Эллиот кивает.

– Шекспир придумал называть женщин легкого поведения «шлюпками».

– О. Теперь ясно...

– Какая же она дешевка, – говорит Эллиот с отвращением. – Поверить не могу, что она сорвала твой ланч с Олли. Я же тебе...

– Эллиот!

– Все, все. – Он поднимает руки в успокаивающем жесте. – Я знаю, что тебе делать. – Эллиот злорадно улыбается. – Надо Ходячему Селфи нарисовать в фотошопе прыщи и какую-нибудь мерзкую сыпь. Или

огромный шнобель вместо его аристократичного носа...

Мне хочется обнять Эллиота и сказать «спасибо», но тут раздается звук, который ни с чем не перепутать: удар в гонг.

– О! – Эллиот вскакивает из кресла и в восторге хлопает в ладоши. – Семейный совет!

У нас в доме полно театрального реквизита, который мама забрала на память о пьесах. Например, большой медный гонг, который стоит в гостиной. Когда мы с Томом были детьми, то все время били в него по поводу и без. Тогда мама с папой придумали правило: звонить в гонг только для созыва «семейного совета».

Я слезаю с постели, смеясь над светящимся от предвкушения лицом Эллиота:

– Наверняка какая-нибудь нудятина: будем решать, кто хочет индейку на рождественский ужин.

– Зачем это обсуждать? Все на Рождество едят индейку.

– Да, но папа говорил, что хочет в этот раз зажарить гуся.

– Зажарить гуся это кощунство!

– Почему?

– Не знаю. Кощунство и все.

Я выхожу на лестницу, Эллиот идет следом.

– *Rikaō sam ti*, – раздается шепот у меня над ухом.

– Что это значит?

– «Я же тебе говорил» на хорватском. Ты же не запрещала мне говорить эту фразу на хорватском, – объясняет Эллиот и взвизгивает, получив от меня локтем в живот.

– Мы будем индейку! – заявляет Эллиот, входя на кухню.

Том, мама и папа сидят за столом. Родители светятся от счастья. Том полулежит на столе, подпирая голову руками.

– Индейку?

– Да, на рождественский ужин. Мы хотим индейку, а не гуся. Собрание ведь по поводу рождественского ужина, да?

– Нет, не совсем. Хотя в какой-то мере – да. – Папа смотрит на маму и многозначительно поднимает бровь.

Она коротко кивает, потом поворачивается к Эллиоту и с грустной улыбкой говорит:

– К сожалению, Эллиот, ты не сможешь прийти на наш традиционный рождественский ужин.

– Что?! – хором выкрикиваем мы с ним.

– Нас не будет дома, – объясняет мама.

– Что? – опять вместе спрашиваем мы. На этот раз нам вторит и Том.

– Что значит «нас дома не будет»? – переспрашивает он.

– А где мы тогда будем? – Я перевожу взгляд с мамы на папу.

– В Нью-Йорке, – отвечают родители, весело улыбаясь.

– Ничего себе! – восклицает Том, но совсем не радостно.

У меня нет слов, а Эллиот того гляди заплачет.

– Мы согласились организовать ту свадьбу, – поясняет мама. – В стиле «Аббатства Даунтон», в Уолдорф-Астории.

– С ума сойти! Повезло тебе! – Эллиот округляет глаза.

Но, как ни странно, я совсем не чувствую себя везунчиком. Голова горит, а ладони покрываются испариной. Чтобы попасть в Нью-Йорк, мне придется лететь на самолете. А мне сейчас плохо становится от одной мысли, что я в машину сяду. Я никуда не хочу ехать. Я хочу остаться дома и тихо встретить Рождество в кругу семьи.

– Я останусь, – заявляет Том.

– Почему? – недоумевает папа.

– Мелани возвращается домой на следующей неделе. Так что я никуда не поеду. Мы с ней несколько месяцев не виделись.

Мелани – девушка Тома. Этот семестр она проучилась во Франции. И, судя по романтическим записям, которыми заполнена страничка Тома в Фейсбуке, он очень ждет встречи с ней.

– Ты не можешь не поехать, – огорченно говорит мама. – Мы всегда встречаем Рождество вместе.

Том мотает головой.

– Если хотите отмечать Рождество со мной – оставайтесь.

– Том, – строго произносит папа.

– Я тоже не хочу ехать, – тихо говорю я.

– Но почему?.. – Мама вопросительно смотрит на меня. Она так расстроена, что мне становится не по себе. – Рождество в Нью-Йорке. Я думала, вы и раздумывать не станете.

– Да что с вами, ребята? – изумляется Эллиот.

Я умоляюще смотрю на него. Судя по выражению лица, Эллиот догадывается, почему я не хочу ехать, и понимающе сжимает мою руку.

– И чего вы решили в Рождество работать? – спрашивает Том.

– Нам нужны деньги, – отвечает папа таким серьезным тоном, что все глаза обращаются на него.

– Этой зимой дела идут совсем плохо, – говорит мама. – А эта работа – ответ на все наши молитвы. Нам бы в Британии за десять свадеб столько не дали денег, как они платят за одну. И все наши расходы покрывают. Ты

точно не хочешь ехать? – с мольбой в глазах спрашивает меня мама.

– Я не могу, я должна...

– Доделать проект по английскому, – помогает мне Эллиот. – От него зависит оценка на итоговом экзамене.

– Именно! – я незаметно подмигиваю Эллиоту. – Так что все праздники буду корпеть над ним. А вы поезжайте, мы тут сами справимся.

– Да, поезжайте. Вернетесь – вместе справим Рождество, – поддакивает Том.

– Даже не знаю. Что думаешь, Роб? – спрашивает мама отца.

– Думаю, что надо это обдумать. – Папа, кажется, расстроен не меньше остальных.

У меня на душе невыносимо тяжело. Хочется сказать маме и папе правду: я вся покрываюсь холодным потом от одной только мысли, что у меня начнется паническая атака в самолете, посреди неба. Но я не могу. Не могу волновать родителей. Если они узнают, что со мной творится, то никуда не поедут и упустят нужные нашей семье деньги. Будет лучше, если они полетят в Америку, а я останусь здесь. Но на сердце все равно неспокойно. Чем больше я боюсь панических атак, тем быстрее уменьшается мой мир.

* * *

17 декабря

Можно ли вырасти из дружбы?

Привет, друзья!

Сначала хочу сказать вам огромное СПАСИБО за добрые слова и советы по поводу моих приступов. Когда вы написали в комментариях, что это типичные панические атаки, мне стало гораздо легче! Вы – лучшие! ☺

Я помню, что обещала написать в этом посте о чем-нибудь веселом, но у меня тут кое-что произошло, и мне необходимо с вами поделиться.

Когда я была маленькой, мне купили чудесное зимнее пальто. Я его просто обожала.

Оно было ярко-красным, с блестящими черными пуговками в виде розочек.

Еще у него был меховой воротничок и меховые манжеты.

Когда я надевала это пальто, то мне казалось, что я прекрасная принцесса из далекой холодной страны. Из России или Норвегии например (в Норвегии ведь холодно, да?).

Я так обожала это пальто, что ходила в нем, даже когда начало теплеть.

А когда на улице стало совсем жарко, я отказалась убирать его в шкаф. Все лето оно провисело у меня в комнате на спинке стула, и я каждый день им любовалась.

На следующую зиму пальто стало мне немного маловато. Но я не обращала на это внимания, я просто жить без него не могла.

К третьей зиме я так подросла, что пуговицы на пальто уже не сходились.

Слова мамы о том, что мне надо купить новое пальто, разбили мне сердце. Но мало-помалу я привыкла к обновке.

У нового пальто не было ни пуговичек в виде роз, ни меховой оторочки, но зато оно было красивого сине-зеленого цвета морской волны.

Спустя какое-то время я достала старое пальто и мне показалось, что меховой воротничок смотрится совсем по-детски, что это больше не моя вещь. Тогда я разрешила маме отдать пальто в детский дом.

Мне кажется, что мы с моей лучшей школьной подругой выросли из нашей дружбы, как вырастают из старой одежды.

Ее слова меня ранят, а все ее поступки кажутся эгоистичным ребячеством.

Поначалу я винила себя. Мне казалось, что это я что-то неправильно делаю или говорю.

А потом я подумала, что иногда дружба, как и одежда, нам больше не подходит не потому, что мы плохие, а потому, что мы из нее выросли.

И я решила отбросить попытки втиснуть в свою жизнь дружбу, которая причиняет мне боль. Я не буду ее хранить, а стану общаться с теми, с кем мне комфортно.

А с вами подобное случалось?

У вас есть друзья, из общения с которыми вы выросли?

Как всегда, очень жду ваших комментариев.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава девятая

Обычно я люблю понедельники. Знаю, знаю, я – фрик! Но ничего не могу с собой поделать: сколько себя помню, всегда с предвкушением встречала первый день новой недели. Понедельник – шанс начать все с чистого листа, за которым тянутся еще семь. Это своего рода коротенький новый год. Но нынешний понедельник меня угнетает, он просто ужасен, и для этого есть четыре причины:

1. Я поняла, что переросла дружбу с лучшей подругой, которую теперь на дух не переношу;
2. Мне предстоит провести целый день с этой ненавистной подругой за подготовкой к спектаклю;
3. Мы будем готовиться к спектаклю с парнем, перед которым я все выходные позорилась;
4. Понедельник – премьера спектакля.

Я совсем пала духом и, подходя к школе, в прямом смысле чувствовала, как сердце стучит в пятках.

– Пен! Хорошо, что ты пришла! – кричит мистер Биконсфилд, едва я вхожу.

«Просто Джей» не на шутку взволнован: он даже забыл намазать волосы гелем, и челка неаккуратно спадает на лоб.

- А где все? – Я окидываю взглядом пустой зал.
- Они в классе, на генеральной репетиции. А мы, то есть, ты тем временем подправишь декорации.
- А что с ними не так?
- Мой знакомый художник по граффити меня подвел. Вся надежда на тебя.

Несколько недель кряду мистер Биконсфилд только и говорил о своем друге, уличном художнике, который обещал разрисовать наши декорации граффити, чтобы придать им дух гетто. Надо было мне раньше догадаться, что это – гиблое дело. Могу поспорить, что мистер Биконсфилд жизнь улиц знает исключительно по сериалам.

Учитель протягивает мне пакет.

- Но что я могу сделать?
- Сделай граффити на трейлере и заднике. – Мистер Биконсфилд говорит это так невозмутимо, будто просит меня поднести пол. – Мне пора бежать к остальным. Надо помочь Меган: у бедняжки никак не получается

запомнить финальные строки.

— Сделать граффити? — Я заглядываю в пакет, заполненный баллончиками с краской. — А что мне рисовать?

Судя по лицу мистера Биконсфилда, он взволнован не меньше моего.

— Не знаю. Пару надписей и что-нибудь еще в этом духе. Ты же у нас помощник декоратора.

Да, я должна помогать в оформлении сцены и фотографировать спектакль. Но я бы ни за что не согласилась на это, скажи мне раньше, что придется перевоплощаться в Бэнкси^[4]. Три года назад я написала на скамейке в парке «Я люблю 1D», но не думаю, что такое признание музыкальной группе в любви сойдет за уличное искусство.

— Ладно, я — на репетицию. На первой перемене зайду посмотреть, как у тебя дела.

Мистер Биконсфилд хватает с кресла свою папку и выбегает из зала прежде, чем я успеваю открыть рот.

Я смотрю на белую стену, которую мне предстоит расписать. Нет, это сумасшествие! Мне нельзя к ней приближаться с баллончиком в руках, я же все испорчу, а у меня в планах на сегодня нет ни одного провала. Я решаю поступить так, как делаю всегда в непростых ситуациях: пишу эсэмэс Эллиоту. Мы наизусть знаем школьное расписание друг друга: у Эллиота сейчас латынь. Он говорит, что их преподаватель настолько стар, что помнит времена, когда латинский был живым языком. Так что Эллиот сможет написать мне ответ, а учитель даже не заметит.

SOS!!! РЕЖИССЕР ХОЧЕТ, ЧТОБЫ Я РАСПИСАЛА
ДЕКОРАЦИИ ГРАФФИТИ! НАСТОЯЩИМ ГРАФФИТИ!!!

ОН, ПОХОЖЕ, ОКОНЧАТЕЛЬНО СВИХНУЛСЯ!

СПАСАЙ, А ТО И У МЕНЯ КРЫША ПОЕДЕТ!!!

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ??!!

Я поднимаюсь на сцену и захожу за картонный трейлер. Думаю, сначала стоит потренироваться на обратной стороне. Если получится ерунда, зрители ее никогда не увидят. Но, если вдруг выяснится, что у меня скрытый талант делать граффити, то я спасу и свою шкуру, и пьесу.

Я достаю из пакета баллончик и снимаю крышку. Как бы выглядела моя подпись, если бы я умела рисовать граффити? Понятия не имею, лучше что-нибудь нарисую. Но что? Что нарисовали бы жители нью-йоркского гетто? Но такое, чтобы еще и в духе Ромео и Джульетты? Может, разбитое сердце? Я аккуратно нажимаю на кнопку на верхушке баллончика. Ничего.

Я давлю сильнее, и баллончик выстреливает струей ярко-фиолетовой краски. Стараюсь нарисовать сердечко, но получившийся рисунок больше похож на пятую точку. Слава богу, в этот момент телефон оповещает меня о сообщении от Эллиота:

НЕ ПРИКАСАЙСЯ К БАЛЛОНЧИКАМ С КРАСКОЙ!!!

Ты очень талантливая, но рисование – не твой конек ☺ Вспомни Пасхального кролика, которого ты нарисовала для дочки наших соседей. Он крошке Дженифер еще месяц в кошмарах являлся. Лучше спроси, сможет ли осветитель спроектировать на декорации одну из твоих фотографий. Помнишь, ты снимала стрит-арт в Гастингсе? Хорошо должно получиться.

P.S. Учитель по латыни только что сломал искусственный зуб, пытаясь откусить яблоко!

Дочитав сообщение от Эллиота, я облегченно вздыхаю. Теперь у меня есть решение нерешаемой проблемы, а значит и надежда. Надежда на то, что остаток дня пройдет гладко...

И я права: весь день идет как по маслу. Актеры и мистер Биконсфилд заняты на репетиции, а Тони, одиннадцатиклассник, ответственный за свет, заранее приходит проверить аппаратуру, и ему легко удается спроектировать одну из моих фото граффити на белую стену. Смотрится невероятно.

Меня не бросает в дрожь при виде Олли. Я остаюсь спокойна, даже увидевшись с Меган в середине дня. За это я мысленно благодарю свой блог. Он помог мне разобраться в себе и понять, что я переросла дружбу с Меган, от чего мне стало гораздо легче с ней общаться.

Олли и Меган так волнуются перед выступлением, что все время только и делают, что повторяют роли. А за несколько минут до начала спектакля мистер Биконсфилд собирает нас за кулисами и произносит речь:

– Ребята, вы отлично сыграете. Как говорил мой кумир Джей-Зи, «жизнь не для того, чтобы потеть, а чтобы в небеса взлететь».

Мы непонимающе смотрим на учителя.

– Ну, ни пуха ни пера, – бормочет он. – И да, Пен, мне нужно, чтобы ты сфотографировала актеров после спектакля, когда все выйдут на поклон. Быстро выйдешь на сцену и сделаешь пару снимков.

Меня охватывает страх. Ведь это значит, что мне придется стоять на сцене перед полным залом, прямо как в моем САМОМ СТРАШНОМ КОШМАРЕ. Но я не успеваю возразить: мистер Биконсфилд убегает к видеооператору, готовящемуся к съемке, а остальные занимают свои места

на сцене.

Я беру в руки камеру и встаю с краю, где меня не будет видно. Все пройдет хорошо, убеждаю я себя. В конце концов, мне же не роль в спектакле велели играть. Я всего лишь должна выйти на сцену, сфотографировать актеров и снова уйти за кулисы. Ну что тут может пойти не так?..

Глава десятая

Пьесу играют как по нотам. Никто не забывает слова, не путает строки, и даже акцент Олли звучит не так уж и плохо. А когда Джульетта на сцене умирает, из зала доносятся всхлипывания.

Когда мистер Биконсфилд проходит за кулисы на вызов актеров, он ловит мой взгляд и расплывается в улыбке.

– Разве не великолепная пьеса? А как они потрясающе играли! – восторгается он.

– Да, игра превосходная, – улыбаюсь я в ответ.

– Не фотографируй, пока все не выйдут на поклон. Включая меня, – шепчет мистер Биконсфилд.

Актеры выходят на сцену с противоположной стороны и выстраиваются в ряд. Публика рукоплещет, а когда появляются Олли и Меган, устраивает овацию. Я забываю, что еще недавно хотела избить Меган, придушить и закидать камнями. Сейчас я растворяюсь во всеобщем ликовании и искренне горжусь подругой. Аплодисменты такие громкие, что я всем телом ощущаю их вибрацию.

Когда все актеры уже на сцене, Меган жестом вызывает мистера Биконсфилда. Этот момент они репетировали много раз, но наш учитель машет руками, будто застеснялся от столь неожиданного предложения. Когда он встает в центр построения, я начинаю подниматься на сцену. И, хотя я очень боялась этого момента, все проходит гладко. Внимание зрителей направлено на актеров, и я чувствую себя невидимкой.

Но тут я делаю последний шаг к центру сцены, и Земля внезапно закручивается против своей оси. Хотя нет – это не Земля, это я лечу вперед, наступив на развязавшийся шнурок конверсов.

Я сразу понимаю, что это падение под специальный маневр не замаскировать: сцена приближается слишком быстро. Я смотрю на фотоаппарат в руке. Нельзя его разбить. Главное, чтобы камера не ударила о пол. В попытке спасти камеру, я приземляюсь не в лучшей позе: на локти, головой вниз, и высоко подняв заднюю часть туловища в сторону зрителей.

По залу проносится вздох трех сотен человек. Последовавшая за ним тишина прерывается только моим внутренним голосом, удивляющимся, почему попе вдруг стало холодно. Я оглядываюсь и с ужасом вижу, что юбка задралась до самого пояса. В голове, словно фейерверк, взрываются

миллионы новых «почему?»: «Почему я надела мини-юбку? Почему я сняла за сценой плотные колготки, когда стало жарко? Почему, ну почему из всего нижнего белья я выбрала сегодня утром самые старые, самые застиранные трусы, да еще и с единорогами?»

Я стою на четвереньках и не могу двинуться с места, застыв от шока и ужаса. И тут зрители снова начинают рукоплескать, но уже по-другому. Они насмешливо кричат «Браво!», свистят и хохочут. Я поднимаю глаза: сверху вниз на меня смотрит Меган. Кто-то протягивает мне руку. Это Олли. Мне становится совсем стыдно. Надо скорее уходить отсюда, надо уходить со сцены. Но вместо того, чтобы встать и убежать, я принимаю еще одно ужасное решение – ползти. Как в замедленной съемке я ползу за кулисы, а зал продолжает разрываться от смеха. Наконец, я поднимаюсь на ноги и пускаюсь бежать.

Я не замедляюсь до самого дома и перевожу дух только ворвавшись в прихожую. Потом взбегаю в спальню, стараясь никому не попасться на глаза, и падаю на кровать. Мне так стыдно, ТАК СТЫДНО, что я даже не в силах рассказать обо всем Эллиоту. Лучше я буду лежать в своей комнате до тех пор, пока не сгорю от стыда. Тогда мне больше не придется смотреть людям в глаза.

Но это же нереально. Так же, как и смотреть им в глаза после случившегося. И что мне теперь делать? Я достаю из сумки телефон и украдкой гляжу на экран, ожидая увидеть сотню издевательских сообщений. Но, слава богу, мне никто не написал. Я открываю интернет-браузер. Когда я не могу посоветоваться с Эллиотом, остается одно – спросить Гугл.

«Как пережить публичный позор?» – вбиваю я в поисковик. Он выдает мне сорок четыре миллиона ссылок. Отлично, наверняка я сумею выйти по одной из них на ответ, который подойдет мне. Я кликаю по первой ссылке и перехожу на сайт «Позитивные из позитивных».

«Извлекайте уроки из унизительных ситуаций» – советуют в одной из статей. «Если вы сделаете выводы из того, что случилось, на душе станет легче».

Попробуем.

Уроки, которые стоит извлечь из того, что случилось сегодня:

Урок 1: Если выходишь на сцену перед тремя сотнями зрителей, убедись, что завязала шнурки;

Урок 2: Незавязанные шнурки – серьезная угроза. Если на них наступить, то упадешь так феерично, что юбка непременно явит миру твою

пятую точку.

Урок 3: Если на тебе короткая юбка и есть вероятность наступить на шнурки и навернуться на глазах у трехсот зрителей, убедись, что на тебе не самые плохие трусы.

Урок 4: Никогда и ни при каких обстоятельствах не надевай трусы с разноцветными единорогами.

Урок 5: Никогда и ни при каких обстоятельствах не надевай трусы с разноцветными единорогами, если они ВЫЦВЕТШИЕ И ЗАСТИРАННЫЕ, пусть и очень удобные.

Урок 6: Если ты все-таки настолько идиотка, что надела-таки старые застиранные трусы с разноцветными единорогами, и в итоге их увидели триста человек, не уползай прочь. Еще раз: НЕ УПОЛЗАЙ за кулисы, продолжая светить труселями!

Все, моя жизнь кончена! Врут на сайте «самых что ни на есть позитивных». Когда я сделала из своего позора выводы, мне стало в миллион раз хуже. Я снова проигрываю в памяти ужасные события, и все внутри съеживается. Моя жизнь – сплошная катастрофа. Мне на лбу нужно сделать татуировку: «Опасна для жизни!» Как ни грустно это признавать, я чувствую себя уверенной и счастливой только в моем блоге – то есть в виртуальном пространстве.

Я не раздумывая захожу в блог с телефона. Под моим постом про закончившуюся дружбу двенадцать новых комментариев. Я читаю полные тепла и поддержки ответы и потихоньку успокаиваюсь.

Я тебя прекрасно понимаю...

Я определенно уже переросла несколько друзей...

Я буду с тобой дружить...

Мне кажется, ты очень хорошая...

Твоя подруга должна жалеть, что потеряла тебя...

Прозвучит странно, но мне кажется, что ты – мой самый близкий друг...

Глаза наполняются слезами, и я притягиваю колени к груди. Выходит, что я не совсем потерянный человек: читатели моего блога любят меня. А я всегда предельно откровенна с ними, в блоге я настоящая. И, главное, никто из моих подписчиков не видел мои трусы.

Эллиот говорил, что на Земле живет больше семи миллиардов человек, а мои трусишки с единорогами видели только три сотни. Это все равно, что

один камешек из всей гальки на брайтонском пляже. Правда, половина из этих очевидцев учится со мной в одной школе, но я уверена, что они скоро обо всем забудут. Я сворачиваюсь в клубок и закрываю глаза. «*Миллиарды людей не видели твоих трусов*» – убаюкивает меня внутренний голос. «*Миллиарды людей не видели твоих трусов*».

Мне снится гигантский рождественский календарь с сотней окошечек, но внезапно я просыпаюсь: телефон выдает уведомление, что мне пришло письмо. Я хочу выключить мобильный и пытаюсь нащупать его в темноте, но тут приходит еще одно уведомление, и еще, и еще. На часах пять минут второго. Кто шлет мне письма среди ночи? Телефон пищит снова и снова. Я думаю, что это новые комментарии в моем блоге, но, открыв почту, я вижу, что все уведомления – с Фейсбука.

В первом письме говорится, что Меган Баркер отметила меня в записи на стене. Остальные извещают о комментариях к этому посту. Судя по всему, его видела половина нашей театральной труппы. Я со страхом перехожу по ссылке и загружаю страницу. На ней – видео. На сцене выстраиваются актеры, потом на нее поднимаюсь я, запинаюсь и падаю. Меня прошибает холодный пот. Камера выдает крупный план моих трусов, видно даже нитку, свисающую с разошедшегося от старости шва. Я бросаю телефон на пол.

Это конец.

Я совсем забыла, что пьесу снимали. Это очень плохо. Просто ужасно. Меня трясет от страха и стыда. Что же теперь делать? Я велю себе глубоко вдохнуть и успокоиться. Ведь я могу удалить эту запись. Могу?

Я беру ноутбук и включаю прикроватную лампу. Телефон опять пикирает. Тяжело сглотнув, я захожу на свою страничку в Фейсбуке. Маленькая красная иконка в правом верхнем углу сообщает, что у меня двадцать две новости. О нет!

Семнадцать человек уже лайкнули видео. Я через силу смотрю на комментарии. Ого, Меган создала запись, а остальные в основном присылали смущенные смайлики или писали «ЛОЛ». Бетани, у которой в спектакле была роль кормилицы, написала: «Фу, какая пошлость!». А следующий комментарий – от Олли: «По-моему, очень мило».

Я удаляю ссылку с моим именем, и видео сразу исчезает с моей страницы, но уведомления продолжают приходить: все больше и больше старшеклассников комментирует запись и рассылают ее друзьям.

Как Меган могла так со мной поступить? Я бы никогда не сделала подобного. Я быстро отсылаю ей личное сообщение: «Пожалуйста, удали это видео!». Теперь я сижу и смотрю на экран в ожидании ответа, но он не

приходит.

– Напиши мне! – шепчу я снова и снова. Но Меган молчит.

Минут через тридцать Фейсбук перестает пилякать новостями. Наверное, мои одноклассники решили поспать. Надо и мне ложиться. Но разве я смогу уснуть? К утру все посмотрят это видео. Такое чувство, что я сижу на тикающей бомбе и жду, когда она взорвется.

Несколько часов кряду я маюсь в кровати, без конца проверяя и перепроверяя телефон. Раз за разом обновляю страницу в Фейсбуке, надеясь, что Меган прочитала мою просьбу и стерла видео. В половине шестого, ошалев от усталости, я пишу Меган еще одно сообщение, умоляя ее удалить видео и закрываю глаза. Я убеждаю себя, что все будет хорошо, что Меган удалит видео сразу же, как проснется и прочитает мое сообщение.

Когда за окном начинает светать, я проваливаюсь в беспокойный сон. Из него меня выводит стук Эллиота в стену. Он стучит несколько раз, снова стучит, стучит еще – наш вариант вызова спасательного отряда. Я в ужасе сажусь и стучу, чтобы он пришел. Тут же пищит телефон. Я молюсь, чтобы это была Меган, но сообщение от Эллиота:

ОМГ! ПЕННИ, НЕ ЗАХОДИ В ИНТЕРНЕТ БЕЗ МЕНЯ,
УЖЕ БЕГУ.

Я слышу, как захлопнулась дверь Эллиота и он пробежал по дороге. Я спускаюсь вниз, чтобы открыть ему дверь.

– Ты только что встала? – с порога спрашивает Эллиот.

Киваю.

– Не хочу тебя пугать, но случилось кое-что неприятное, – начинает он поникшим голосом.

– Ничего, я все знаю.

– Знаешь?

Похоже, Эллиот немного расстроился, ему нравится приносить плохие вести.

– Ты про видео? – уточняю я.

Мы проходим мимо родительской спальни, дверь открывается и из комнаты выходит пapa. Завидев Эллиота, он улыбается и качает головой.

– Сейчас семь утра.

– Спасибо, но вообще-то уже одна минута восьмого, – поправляет его Эллиот, глядя на часы.

Папа вскидывает брови и, вздохнув, поясняет:

– Я не сообщал тебе точное время, а намекал, что для похода в гости еще рановато.

– Никогда не рано прийти лучшему другу на помощь, – серьезно отвечает Эллиот.

– У тебя все в порядке, Пенни? Ты вчера как на пожар в свою комнату пробежала, – взволнованно говорит папа.

– Да, все нормально. Просто...

– С домашней работой не ладится, – заканчивает за меня Эллиот. – Ох уж эти сложные французские глаголы.

– Но Пенни не учит французский! – Папа смотрит на меня так пристально, словно пытается проникнуть в мой разум и докопаться до истины.

– Она – нет, а я – учу, – мгновенно находится Эллиот. – Поэтому мне нужна помощь Пенни.

– Вот как.

Папа хмурится и чешет в затылке. Не похоже, чтобы мы его убедили.

– Как разберетесь с французским, спускайтесь на завтрак. Я сделаю глазунью. И надо обсудить поездку в Нью-Йорк.

– Хорошо, – бросаю я через плечо, и мы с Эллиотом взбегаем на третий этаж.

Я сразу запираю за нами дверь.

– Почему ты мне ничего не сказала? – возмущается Эллиот.

– Мне было дико стыдно. – Я опускаюсь на кровать. – Да и вообще, все наладится. Я написала Меган, чтобы она удалила видео, так что она скоро проснется, и ни один пользователь Фейсбука его больше не увидит.

Эллиот пристально смотрит на меня.

– А когда ты последний раз заходила на Фейсбук?

– Часов в пять утра. – Меня начинает мутить. Почему-то мне кажется, что Эллиот знает что-то важное, о чем я и понятия не имею. Но кто ему мог сказать про запись? Он не дружит ни с кем из моего класса, а я отписалась от видео, так что оно не могло появиться у Эллиота в новостях. Я открываю ноутбук и обновляю свою страничку.

– Только не это!

Какая-то малявка из девятого отметила меня на видео, загруженное на Ютуб. И в неофициальной группе нашей школы на Фейсбуке теперь тоже есть это видео.

– Мне очень жаль, – искренне говорит Эллиот. – Но похоже, ты превратилась в медиавирус.

Глава одиннадцатая

– Что случилось, Пенни? – восклицает мама, как только я вхожу на кухню.

Я сажусь за стол и хватаюсь за голову. Хочется рыдать, но я словно осталбенела.

– Она превратилась в вирус, – скорбно говорит Эллиот, подсаживаясь ко мне.

– Ты подхватила вирус? – Папа взволнованно смотрит на меня. – Да, ты вчера такая бледная была. Дать жаропонижающее?

– Нет, она теперь медиавирус... Ну, знаете, в Интернете так бывает, – пытается объяснить Эллиот. – Помните, что случилось, когда видео голой Рианны появилось в Твиттере?

– В Интернете есть видео, на котором ты без одежды? – Папа садится за стол напротив меня. Первый раз вижу его таким серьезным.

– Нет! – я отрицательно трясу головой.

– Ну, ты там и не то что бы одетая, – задумчиво выдает Эллиот.

– Ты на видео полуголая? – Папа вскакивает, снова садится и смотрит на маму.

Мама подсаживается ко мне и берет за руку.

– Дорогая, что произошло?

Я больше не могу сдерживаться.

– На видео... я... в трусах... с единорогами! – выдавливаю я слова между всхлипываниями.

– В какой-то мере, это даже хуже, чем без одежды, – вздыхает Эллиот.

– Трусы с единорогами? – Судя по виду, папа не знает, что и думать. – Что за видео? Что за трусы с единорогами? Может кто-нибудь объяснить, что произошло?

– Пенни вчера упала на сцене, когда фотографировала, юбка задралась, и весь зал увидел ее трусы, – объясняет Эллиот.

– Самые ужасные трусы, – всхлипываю я. – Вообще-то, они раньше были самыми любимыми, поэтому я их и надела. – Я смотрю на маму сквозь слезы. – Они такие удобные. Но теперь я их ненавижу. Их надо сжечь!

– Что надо сжечь? – Едва волоча ноги, на кухню входит заспанный Том.

– Ее трусы с единорогами.

– А, я просто еще сплю, и это сон. – Том валится на кресло.

– Так ты не голая на видео? – уточняет папа.

– Да, это сон, – бормочет Том, кладет голову на стол и закрывает глаза. Я мотаю головой.

– Ну, значит, все не так уж и плохо. Я прав? – Папа с надеждой смотрит на меня. – Подумаешь, на секунду трусами мелькнула. Сегодня об этом никто и не вспомнит.

– Умоляю, скажите, что я сплю, – бурчит Том с закрытыми глазами.

– Они не на секунду мои трусы увидели. На видео они крупным планом и в замедленной съемке. А видео в Интернете! – от отчаяния я начинаю стонать. – Люди будут смотреть его снова и снова. А они такие старые и застиранные!

– Старые и застиранные? Ты о чем?

– О трусах с единорогами! – хором отвечают мы с Эллиотом.

– Какой ужас, – мама притягивает меня к себе. – Они же у тебя с двенадцати лет...

– Мам!!!

– Извини. – Мама неловко улыбается.

– Так я не сплю? – Том обводит нас сонным взглядом.

– Увы. – Эллиот качает головой.

– Так. – Папа опирается руками на стол. – Кто выложил видео в Интернет?

– Меган, – отвечаю я.

– Мега-дрянь, – шепчет Эллиот.

– Меган? – переспрашивает ошарашенная мама.

– Да, она загрузила видео себе на страницу, а потом кто-то отправил его на Ютуб и на страницу школы в Фейсбуке. – Я не могу сдержать слез от мысли, что вся школа будет снова и снова пересматривать крупный план моих трусов.

– Так это не шутка? – серьезно спрашивает Том.

Я качаю головой.

– Решено! – Том резко встает, и сна у него ни в одном глазу.

– Что ты собрался делать? – взволнованно вопрошают мама.

– Я пойду в школу, найду каждого, кто распространял видео в Интернете и заставлю их все удалить.

Никогда раньше не видела Тома таким взбешенным.

Мама вскакивает из-за стола, хватает его за руку и торопливо говорит:

– Ты не можешь пойти в школу, ты там больше не учишься.

– Ну и что? – хмурится Том. – Там учится Пенни, а она – моя сестра. Я

не собираюсь сидеть и ничего не делать.

Я с благодарностью смотрю на брата.

Папа качает головой и урезонивает Тома:

– Не волнуйся, я все улажу. Не хватало еще, чтобы ты нарвался на неприятности. И ты, Пенни, не переживай. – Папа берет меня за руку. – Я сейчас же пойду в школу и попрошу, чтобы видео убрали с Фейсбука.

Я качаю головой.

– Это неофициальная страница, учителя ее не контролируют. А видео все увидят, его же столько человек друг другу переслали.

Я представляю, как приду в школу, все начнут глязеть на меня и смеяться. Внезапно мне становится нечем дышать, словно меня с головой окунули в воду. Горло сжимает спазм, а по телу проходят судороги.

На меня свалилось слишком много неприятностей.

– Пен, что с тобой? – кажется, что едва различимый голос Эллиота доносится издалека.

Все остальные реплики сливаются одну: «– Пенни? – Пен? – Милая? – Принесите ей воды. – О господи, она теряет сознание».

Я чувствую, как чьи-то руки берут меня за плечи. Сильные руки. Папины.

– Милая, постарайся медленно, глубоко вдохнуть, – мамин голос.

– Попей воды. – Том.

Я закрываю глаза и медленно втягиваю воздух. Еще раз. Я представляю море: волна накатывает, отступает, снова накатывает и отступает. Понемногу, тело перестает дрожать.

– Пенни, что это было? – спрашивает мама таким взволнованным голосом, что я того гляди снова расплачусь. Но я боюсь, что если дать волю чувствам, то снова начнется приступ, и я концентрируюсь на дыхании.

– Тебе лучше? – Папа продолжает крепко сжимать мои плечи. Это понемногу возвращает меня к реальности.

– Можно я им скажу? – аккуратно спрашивает Эллиот.

Киваю. Пока я пытаюсь восстановить дыхание, Эллиот объясняет родителям про панические атаки, которые преследуют меня после аварии.

Мама и папа сидят бледные, как тени.

– Извините меня, – с трудом говорю я.

Папа смотрит мне в глаза и успокаивающе произносит:

– Тебе не за что извиняться.

– Надо было нам сразу рассказать, – вздыхает мама.

– Я не хотела вас расстраивать. И надеялась, что со временем все само пройдет.

– Сделать тебе чаю? – спрашивает Том.

Я не верю своим ушам. Том никогда никому не заваривает чай. Улыбаюсь брату и киваю.

– Так, начнем по порядку, – решительно говорит папа. – Сначала надо разобраться с паническими атаками.

– Да, есть много способов с ними справиться, – продолжает мама. – Я знаю парочку дыхательных упражнений, которые помогли мне преодолеть боязнь сцены.

– У тебя была боязнь сцены? – поражаюсь я. Представить не могу, что моя суперуверенная в себе мама чего-то боялась.

– Да, я ужасно тряслась перед выступлениями! – подтверждает мама. – Иногда мне от страха становилось физически плохо, но, как видишь, я справилась. И ты сумеешь.

– Конечно, – улыбается папа. – А я позвоню в школу и скажу, что ты приболела. – Папа сжимает мою руку и продолжает:

– Отсидишься до нового года дома, пока все не уляжется. Всего два учебных дня осталось.

– Спасибо, пап, – слабо улыбаюсь я в ответ.

– А в-третьих, – папа переглядывается с мамой, – мы хотим, чтобы ты поехала с нами в Нью-Йорк.

Эллиот вздыхает.

Я взволнованно смотрю на папу.

– Но я...

– И мы хотим, чтобы Эллиот тоже полетел с нами, – прерывает меня папа.

– С ума сойти! – Эллиот сидит, разинув рот, и мне кажется, я даже вижу его гlandы.

– Мы хотели с вами это сегодня обсудить, – произносит мама. – А теперь, после случившегося, вам просто необходимо с нами ехать.

– Всего на четыре дня, – продолжает папа. – Улетаем в четверг, а возвращаемся в воскресенье, в сочельник. – Он, сияя, переводит взгляд на Тома. – Встречать праздник будем всей семьей.

От папиных слов Эллиот светится, словно только что выиграл в лотерею.

– Думаю, поездка поможет тебе отвлечься, – говорит мама. – И про аварию думать перестанешь, и про это глупое видео.

– Да, вернемся под самое Рождество, у всех головы будут заняты праздником, – вторит папа.

– Отличная тема, – соглашается Эллиот.

В эту секунду у него звонит телефон.

– Да, пап... У соседей, где мне еще быть?... Ладно-ладно. Буду через минуту.

Эллиот вешает трубку и смотрит на нас извиняющимся взглядом.

– Папа звонил. Спрашивал, собираюсь ли я сегодня в школу. Я лучше пойду.

Эллиот поворачивается ко мне и крепко сжимает мои руки.

– Понимаю, ты волнуешься из-за полета. Но все вместе мы сумеем тебе помочь. Правда?

Эллиот смотрит на родителей, и они начинают кивать головами как игрушечные собачки, которых обычно ставят на приборную панель авто.

– Конечно поможем, милая, – соглашается мама.

– Мы будем рядом, – говорит пapa.

У Эллиота снова звонит телефон.

– Привет, мам... Я только что папе сказал... У соседей... Буду через пару секунд.

– Ей-богу, мои родители совсем разучились говорить друг с другом, – вздыхает Эллиот, убирай мобильник в карман. Тут он внезапно меняется в лице. – А что, если они меня с вами отпустят?

– Не переживай, – успокаивает его мама. – Я зайду сегодня к твоим родителям и все объясню. Уверена, они не будут против, тем более, что наши клиенты оплачивают все расходы.

Эллиот с ухмылкой кивает и обращается ко мне с надеждой в голосе:

– Что ты решила, Пен?

– Я решила, что мы едем в Нью-Йорк!

* * *

20 декабря

Лицом к лицу со страхом

Всем привет!

Спасибо за комментарии к моему посту о дружбе. Понимаю, прозвучит наивно, ведь я ни с кем из вас не знакома лично, но мне кажется, что вы все – мои друзья. Вы такие милые и добрые, а ваша поддержка значит для меня очень много.

Наверное, вы помните, что я недавно писала о панических атаках, которые меня преследуют после автокатастрофы. Так вот, на этой неделе я несколько раз «потеряла туфельку».

Мы с Вики придумали обозначать фразой «потерять туфельку» события, которые поначалу кажутся ужасными, а потом заканчиваются

чем-то хорошим.

Совсем как в сказке, когда Золушка потеряла туфельку, а в итоге вышла замуж за принца.

На этой неделе случилось нечто настолько плохое, что у меня снова был приступ. Но я думаю (надеюсь), что в итоге случится что-то прекрасное.

Скоро я кое-куда уезжаю, и мне придется лететь туда самолетом.

Я очень волнуюсь, но надеюсь, что, встретившись со страхом лицом к лицу, я смогу его побороть.

Когда я была маленькой, то думала, что под кроватью у мамы и папы живет ведьма.

Каждый раз, проходя в свою комнату мимо родительской спальни, я переходила на бег, чтобы ведьма не успела сесть на метлу, догнать меня и превратить в лягушку.

Однажды пapa увидел, что я бегу по коридору с испуганным лицом, и спросил, что случилось.

Я все рассказала, а он отвел меня в свою спальню и посветил фонариком под кроватью.

Под ней оказалась только старая коробка из-под обуви.

Иногда надо взглянуть страху в глаза, чтобы понять, что ты сам его придумал.

Что тебе не суждено разбиться или стать лягушкой.

Именно это я и собираюсь сделать, сев в самолет.

А у вас есть страхи, которые пора победить?

Может, вместе мы сумеем с ними справиться?..

Отпишитесь в комментариях, какие страхи вы попробуете победить на этой неделе.

Удачи всем. Расскажу, как у меня все прошло, через неделю.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава двенадцатая

– Я знаю, что тебе нужно, – заявляет Эллиот, сидя напротив меня в кафе аэропорта. – Придумать свою собственную Сашу Фирс^[5].

– Кого придумать?

Сердце бешено колотится, когда я обвожу взглядом зал ожидания. Совсем скоро нас позовут на посадку. И тогда мне придется сесть на самолет, который неизвестно как будет лететь в тысячах метров над землей, не падая вниз. А что, если он упадет? Что, если...

– Саша Фирс, – повторяет Эллиот. – Не слышала? Это альтер-эго Бейонсе, ее сценический образ.

– К чему это ты? – удивляюсь я.

Эллиот откидывается на кресле и вытягивает вперед свои длинные ноги. На нем винтажная толстовка с надписью «Гарвард», узкие брюки в тонкую полоску и ярко-зеленые кеды, идеально сочетающиеся с ярко-зелеными очками. Не понимаю, как он может оставаться спокойным, когда ему предстоит забраться в гигантскую металлическую торпеду, которая запустится в небо.

– Когда Бейонсе только начинала карьеру, она была очень скромной и тихой, ненавидела выступать на большой сцене, – объясняет Эллиот. – Тогда она и придумала Сашу Фирс, смелую, энергичную и раскованную. Во время выступлений она представляла себя Сашей и становилась такой раскрепощенной, такой... такой безбашенной.

– Безбашенной?

Эллиот начинает так энергично трясти головой, что зеленые очки слетают с его носа и приземляются мне на колени.

– Да я понимаю, но мне-то как это поможет? – спрашиваю я, возвращая Эллиоту очки.

– Тебе надо выдумать свою версию Саши Фирс и притвориться ей на время перелета. – Эллиот поглаживает подбородок, как всегда делает в глубоких раздумьях. – Может, назовем твое альтер-эго «Сара Саваж^[6]»?

– Нет! Это звучит так, будто я психопатка.

Я смотрю на родителей: они стоят в очереди за чаем с ромашкой для меня и кофе для всех остальных. И хотя во рту у меня пересохло, мне хочется, чтобы они подольше не возвращались за столик. Ведь как только мы допьем кофе и чай, придется идти к самолету.

– О, а может, Конни Конфидент^[7]?

– Ты серьезно? – Я осуждающе смотрю на Эллиота.

– Тогда сама придумывай, – вздыхает он.

Мимо нас проходит женщина с маленьким ярко-розовым чемоданом на колесиках. На ней серые облегающие джинсы, остроносые черные сапоги и красивое пончо. Она – сама спокойствие и невозмутимость. Даже прическа подчеркивает ее уверенность в себе: роскошное каре блестящих черных волос с коричнево-красными прядями. Когда она ровняется со мной, я замечаю на ее шее подвеску со словом «strong». Похоже, что это один из знаков свыше, о которых любит повторять мама.

– Сила, – шепчу я.

– Что?

– Я придумала фамилию для своего альтер-эго. Стронг.

Эллиот одобрительно кивает.

– Хороший вариант. Как насчет имени?

Я задумываюсь. Что, кроме силы, должно быть у моего альтер-эго? Наверное, спокойствие. Но имя вроде «Споки Стронг» звучит из рук вон плохо. Я думаю о том, что для меня значит спокойствие, и в голове рождается образ океана.

– Океан! – выпаливаю я.

– Оущен Стронг... Неплохо, – кивает Эллиот.

Оущен Стронг. Я снова и снова повторяю в голове это имя и вырисовывается образ супергероини из комиксов, одетой в облегающий костюм цвета морской волны. По плечам струятся локоны огненно-рыжих волос, за спиной развевается плащ.

«Я – Оущен Стронг», мысленно повторяю я, и уловка срабатывает: сердце снова стучит в нормальном темпе, а сухость во рту проходит. «Я – Оущен Стронг». Я представляю, как мое альтер-эго взлетает на серфе над гребнем волны и застывает в позе истинного супергероя.

В этот момент к столу подходят мама и папа.

– Как ты? – спрашивает меня мама.

– Ничего, – отвечаю я, и у меня даже получается улыбнуться.

Пока родители и Эллиот обсуждают, какие достопримечательности посмотреть в Нью-Йорке, я концентрируюсь на дыхательном упражнении, которому меня научила мама, и продолжаю продумывать образ Оущен. Если бы ей надо было лететь на самолете, она взошла бы на борт с высоко поднятой головой, с уверенным взглядом, смотрящим только вперед. Если бы Оущен попала в автокатастрофу, то не позволила бы ей преследовать себя всю оставшуюся жизнь.

Она – бесстрашная, она – отважная, она побеждает негодяев. В

кармане вибрирует телефон, выводя меня из забытья. Сообщение от Меган:

Привет, Пенни! Кира сказала, что ты на праздники улетаешь за границу. Можешь купить мне в дьюти-фри духи «Шанель»? Деньги отдам, когда вернешься. Спасибо хохо

Первая за эту неделю весточка от Меган. Я не появлялась в школе со дня пьесы, а Меган не догадалась спросить, не заболела ли я. Даже Олли мне в Фейсбуке написал – удостовериться, что все в порядке. Меган могла бы извиниться за видео, но она только удалила его со своей страницы.

А что бы сделала Оушен Стронг, если бы в Интернете появилось видео, выставляющее ее не в лучшем свете? Я представляю, как Оушен смеется над видео и встает на серф, чтобы умчаться в поисках приключений. И тут мне становится неожиданно хорошо. Да, в моей жизни произошли неприятные события, но я не позволю им меня сломить. Я перенесла все невзгоды, а теперь еду в Нью-Йорк навстречу приключениям. Да, я бываю неуклюжей, иногда – паникершей, и не всегда со вкусом выбираю нижнее белье. Но сейчас я намереваюсь совершить нечто улетное. Сейчас я – Оушен Стронг.

Глава тринадцатая

Нам повезло: мы сидим все вместе в середине салона. Я чувствую себя в безопасности между папой и Эллиотом. Но как только включаются двигатели самолета, ужас начинает сдавливать мне горло.

– Расскажешь мне еще про Оушен Стронг? – шепчет мне на ухо Эллиот.

– У нее классная доска для серфинга, – отвечаю я, сжимая подлокотники.

– Здорово. Думаю, ей нужна фирменная фраза.

Слышно, как пилот говорит по внутренней связи: «Экипажу приготовиться к взлету». Голос у него низкий и уверенный, совсем как у моего папы.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я Эллиота.

– Ну, вот у Бэтмена коронная фраза: «В бэтмобиль, Робин!», а у судьи Дреда: «Закон – это я!»

– Понятно.

Двигатели ревут, и самолет приходит в движение.

Я закрываю глаза и пытаюсь придумать слоган для Оушен Стронг.

– У черепашек-ниндзя был боевой клич «Кавабанга!», а Лобо без конца повторял: «Получи, салага».

Я открываю глаза и укоризненно смотрю на Эллиота:

– Я не хочу, чтобы «Получи, салага» была моей коронной фразой.

Самолет выезжает на взлетную полосу, и я снова переношусь в прошлое. Вижу, как машина несется по мокрой дороге, слышу, как кричит мама. Я поворачиваюсь к ней, но вижу, что мама о чем-то беззаботно щебечет с папой.

– Как насчет «Вот и я, спасатель дня»? – не унимается Эллиот.

– Кто так говорил?

– Майти Маус.

– Нельзя чтобы у Оушен Стронг и мышонка из мультика был один слоган, – смеюсь я.

– «Так подсказывает мне паучье чутье»? – насмешливо предлагает Эллиот.

Теперь мне одновременно и смешно, и страшно: самолет отрывается от земли и набирает высоту.

– Ты в норме? – спрашивает Эллиот, заботливо беря меня за руку.

Я киваю и скалю зубы в подобие улыбки.

– Пожалуйста, продолжай говорить мне разные слоганы, чтобы я не думала о полете.

– С удовольствием, – радостно выпаливает Эллиот.

Наконец, самолет выравнивается. К этому моменту я уже знаю фирменные фразочки всех супергероев: от Капитана Америки до Чудо-женщины и Росомахи.

– Все хорошо, Пен? – участливо спрашивает пapa.

Я улыбаюсь и киваю головой, размыкая, что если с самолетом ничего не случится и мы выживем, то я буду самой счастливой из ныне живущих на Земле. Ведь у меня есть мама, пapa и Эллиот.

Лучше попутчика, чем Эллиот, для меня не придумаешь. Все шесть часов подряд он болтает без умолку. Даже когда мы смотрим фильм, он то и дело вставляет забавные комментарии. А когда мне становится страшно (например, когда мы попадаем в зону турбулентности и начинает мигать объявление «пристегните ремни»), я представляю себе Оушен С特朗г и сосредотачиваюсь на дыхании.

Я смотрю на готовящихся к посадке бортпроводников, а по коже бегут мурашки от волнения и страха. Самолет снижается, и пассажиры прилипают к стеклам иллюминаторов. Но я остаюсь неподвижна и смотрю прямо в спинку кресла перед собой. «Я сильная как море», – твержу я про себя. И вдруг чувствую небольшой толчок – мы коснулись земли. От радости хочется плакать.

– Получилось, – шепчу я Эллиоту. – Мы долетели!

Когда мы встаем, чтобы пойти к выходу, я смотрю в окно, и у меня перехватывает дыхание. Кругом все такое американское! От длинных серебристых багажных грузовичков до суетящихся у колес близстоящего самолета рабочих в темно-синих бейсболках и армейских штанах.

Эллиот улыбается во весь рот.

– Мы в Нью-Йорке, – восторженно выдыхает он. – В Нью-Йорке!

Наш пыл не угасает даже после двух часов ожидания на таможне. Наконец, мы встаем в очередь за такси, не переставая улыбаться и мотать головами, до сих пор не веря, что мы в Америке.

– Поверить не могу, что мы в Нью-Йорке, – снова и снова повторяет Эллиот, сжимая руки у груди.

Я смотрю, как желтые такси увозят пассажиров, и мне представляется, что из самолета мы попали прямиком в американский фильм. Все кругом кажется необычным, но при этом уже где-то виденным. Одна мама не восторгается Нью-Йорком. С момента приземления она только и делает,

что обзванивает всех по поводу свадьбы. Сейчас она разговаривает с женщиной по имени Сейди Ли, ответственной за банкет. Судя по всему, она не смогла раздобыть перепелов, которых внесли в меню стилизованной под «Аббатство Даунтон» свадьбы.

— Ладно, пусть будет так, — говорит мама в трубку, расхаживая взад и вперед. — И не забудьте про заварной крем для хлебного пудинга.

Папа обнимает маму за плечи, и она прижимается к нему. Я так тряслась от страха во время перелета и так радовалась после приземления, что и думать забыла о том, что мама в Нью-Йорке по работе. Я подскакиваю к родителям, и мы обнимаемся всей семьей.

И вот подходит наша очередь на такси.

— Куда поедем? — спрашивает водитель, выскакивая из машины.

У него темная кожа, черный свитер и угрюмое лицо.

— В Уолдорф-Асторию, пожалуйста, — говорит папа, а Эллиот снова складывает руки на груди и восторженно заявляет:

— Это лучший день в моей жизни!

Водитель такси смотрит на него как на сумасшедшего, а завидя наш багаж (только костюмы для подружек невесты заняли две сумки), выдает:

— Одуреть! Может, вам, ребята, лучше на грузовике?

Мама смотрит на шофера с извиняющимся видом.

Таксист начинает запихивать чемоданы в багажник, недовольно бурча что-то себе под нос.

— Не волнуйся, — тихо говорит мне Эллиот, — все нью-йоркские таксисты — грубияны. Просто они ТАКИЕ.

Водитель резко выпрямляется и смотрит на Эллиота.

— Как ты меня назвал?

Эллиот становится белее бумаги.

— Никак. Я просто сказал, что вы — нью-йоркский таксист, поэтому и притворяешься ТАКИМ^[8].

— Каким «таким» я притворяюсь?

— Таким... Таким грубияном. — Эллиот смотрит себе под ноги, наверное, мечтая провалиться сквозь землю.

— А я не притворяюсь, — скалится таксист. — Садитесь уже.

Мы забираемся в машину, а я стараюсь не смотреть на Эллиота, чтобы не расхохотаться. Мое нервное возбуждение достигло предела, и я не уверена, что сдержусь.

У меня захватывает дух, когда такси выезжает из аэропорта. За окном все невероятно большое: начиная от широкой дороги и кончая огромными рекламными щитами вдоль шоссе.

– Как у вас погода? Снег еще не выпал? – спрашивает папа водителя, следя негласному английскому правилу: «Когда не знаешь, что сказать – говори о погоде».

– Нет, – сухо отвечает таксист. – Смотри, куда прешь! – кричит он из окна на подрезавший нас пикап.

Я до боли сжимаю кулаки, а сидящие рядом мама и Эллиот тут же кладут руки мне на колени. Закрыв глаза, я представляю Оушен Стронг.

Мы въезжаем на центральные улицы Нью-Йорка, и у меня голова идет кругом от удивительного вида из окна. Да, я знала, что здесь много небоскребов, но и представить не могла, что они так высоки. И уж совсем не ожидала увидеть столько старых зданий среди домов новой постройки. В каждом квартале, который мы проезжаем, среди блестящих небоскребов стоит как минимум одна старинная каменная церковь.

Но самое интересное – разглядывать прохожих: по тротуару то и дело снуют деловые люди с дипломатами или праздные покупатели с пакетами новогодних подарков. Стоит мне только выщепить из толпы интересного персонажа, как на глаза попадается еще один. Вот девушка в темно-сером костюме и голубых кедах играючи проскальзывает через толпу и исчезает в баре. Вот из книжного магазина размером с ангар для самолета выходит молодой латиноамериканец с фиолетовыми волосами и растворяется в потоке прохожих. Полицейский на перекрестке с аппетитом жует хот-дог, а по тротуару, словно в трансе, плывет монахиня в синем балахоне.

Похоже, в Америке отличные фото можно делать на каждом шагу. Здесь даже шум сирен, авто и людей звучит громче, чем дома. Эллиот не может сдержать восторга и то и дело сжимает мою руку.

И вот мы поворачиваем на Парк-Авеню. Проезжая часть такая широкая, что светофоры стоят не с краю дороги, а свисают над трассой на длинных кронштейнах, покачивающихся на ветру. Светофоры такого же ярко-желтого цвета, что и такси, которых здесь не счесть. От вида роскошных гостиниц, выстроившихся вдоль улицы, глаза лезут на лоб. Похоже, здесь я сделаю много ЭПИЧЕСКИХ фото.

Даже папа не находит слов при виде нашего отеля. Фасаду серого здания не видно конца. У массивной вращающейся двери несут караул две пышные рождественские елки, горящие красными и золотыми огнями.

Я выхожу из машины, и на кончик носа падает что-то холодное. Я поднимаю голову – идет снег. До метели еще далеко, и редкие снежинки медленно спускаются на землю, словно они просто выпрыгнули из тучки посмотреть, что происходит внизу.

– Добрый день, мэм.

Я поворачиваюсь на голос. Передо мной стоит улыбающийся швейцар в элегантной форме.

– Добрый день, – отвечаю я и смущенно улыбаюсь.

– Добро пожаловать в Уолдорф, – приветствует он нас и подходит помочь с багажом.

Я любуюсь рождественскими елками, переливающимися огоньками и танцующими в воздухе серебристыми снежинками. Мне больше не кажется, что мы – герои фильма. Мы – герои сказки. Я прохожу в отель вслед за швейцаром и скрещиваю пальцы в надежде, что у этой сказки будет счастливый конец.

Глава четырнадцатая

Представьте себе самый невероятно красивый и великолепный сказочный дворец, какой только сумеете. А теперь добавьте еще больше золота, мрамора, хрустальных люстр и блеска, и тогда, может быть, картинка в вашем воображении приблизится к тому, что мы увидели в Уолдорф-Астории.

– Bay! – восклицает Эллиот, оглядывая фойе.

– Тут даже лучше, чем в гостиничном домике в Гастингсе, – подмигивает мне папа.

Но я так поражена, что даже не смеюсь над его шуткой.

– Вот это размах, – ошарашенно шепчет мама. Даже не знаю, о чем она: о фойе, о самом отеле или о свадьбе, которую ей предстоит организовать.

Мы с Эллиотом напоминаем двух рыбок, выброшенных из воды: всю дорогу до наших номеров мы то и дело открываем-закрываем рты, но выдавить получается только «С ума сойти!».

Жить мы будем в двух соединенных внутренней дверью комнатах рядом с родительским номером.

– Вот бы у нас дома были такие же смежные спальни, – кричит Эллиот через общую дверь. – Мне бы больше не пришлось идти через улицу, чтобы попасть к тебе в гости.

– Да, классно бы было, – отвечаю я, осторожно присаживаясь на край кровати. Моя спальня – воплощение роскоши. Вся мебель сделана из лакированного красного дерева, у стульев, стола и кровати – резные ножки с витиеватыми узорами. Все кругом золотое и бордовое. Дома я бы так свою комнату не обставила, но здесь все смотрится гармонично. От потолка до пола свисают бархатные шторы, собранные широкими лентами. А за окном...

– Не может быть! – Я вскакиваю с кровати и устремляюсь к окну.

Эллиот подбегает ко мне.

– Эмпайр-стейт-билдинг, – выдыхает он.

Мы секунду смотрим друг на друга и начинаем радостно подпрыгивать, как дети в рождественское утро.

Остаток дня мама и папа проводят в делах: встречаются с Синди, Джимом и ответственными за банкет. Нам с Эллиотом велят отоспаться, чтобы к вечеру не осталось следа от усталости из-за перелета и разницы во

времени. Но спать нам совсем не хочется. Набросав на мою постель подушек, мы валяемся в кровати и листаем американские телеканалы. А Эллиот к тому же успевает читать на своем ноутбуке интересные факты о Уолдорф-Астории. Мой же компьютер до сих пор лежит на дне чемодана, и я не намерена доставать его до конца поездки. Интернет на мобильном я тоже отключила. Мне хочется сохранить чувство, что целый океан отделяет меня сейчас от одноклассников, видевших мои трусы с единорогами.

– Ого, послушай-ка! – Эллиот начинает читать вслух:

– «Уолдорф-Астория была построена двоюродными братьями Уолдорфом и Астором. Посторившись, родственникиозвели два отдельных отеля на одной улице. А помирившись, достроили между ними коридор».

– Серьезно?

– Ага, – подтверждает Эллиот и продолжает читать: – «Нынешнее здание Уолдорф-Астории возведено в 1931 году. Первое здание отеля снесли для постройки башни Эмпайр-стейт-билдинг».

Мы снова смотрим в окно, и мне хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться в реальности происходящего.

– Ты не поверишь! – С придыханием выпаливает Эллиот. – В нашем отеле впервые придумали подавать еду и напитки в номера.

– Шутишь?

– Неа. А еще, – Эллиот едва сдерживает удивление, – у них была секретная железнодорожная платформа под землей.

– Зачем?

– Чтобы сюда могли тайно прибывать вип-гости. Президент, например. – Эллиот смотрит на меня широко открытыми глазами. – О, Пен, мне здесь так нравится!

Эллиот считает, что не воспользоваться услугой «еда в номер» будет глупо, раз такой сервис был придуман именно в этом отеле, и мы заказываем Уолдорфский салат (тоже местное изобретение) и пиццу Маргариту. Я уже начинаю клевать носом, когда возвращаются родители. Папа как обычно весел и расслаблен, а мама выглядит подавлено.

– Так много всего надо сделать! – жалуется она, опускаясь на мою кровать. – Я ведь чувствовала, что надо заранее приезжать.

– Не переживай, – успокаивает ее папа. – У нас еще целый день, чтобы со всем разобраться. А с Сейди Ли проблем не возникнет.

– Да, она просто чудо. А ее хлебный пудинг – пальчики оближешь.

Тут мама поворачивается ко мне и говорит:

– Синди и Джим просят тебя пофотографировать приготовления к

свадьбе, чтобы потом посмотреть, как создавалось их собственное «Аббатство Даунтон». Они уже наняли фотографа для церемонии, но хотят, чтобы ты тоже поснимала их в течение дня, подлавливая забавные моменты, на которые профессиональный фотограф может не обратить внимания.

– Это правда? – У меня от волнения даже живот скручивает. – Но почему они хотят, чтобы фотографии делала именно я?

– Я показала им твои снимки с прошедших свадеб, и они им очень понравились.

– Очень, – подтверждает папа с гордым видом.

– И фото с собственной свадьбы им тоже понравятся, – говорит Эллиот. – Пенни у нас прирожденный фотограф.

– Класс! Когда начинать? – Я не могу сдержать восторга.

– Завтра пофотографируешь, как я готовлю зал, – отвечает мама.

– А ты, Эллиот, не переживай, – говорит папа. – Раз завтра девчонкам будет не до нас, предлагаю устроить тур по музеям. Как тебе план?

Эллиот поднимает на папу блестящие от слез глаза.

– Эпический план, – тихо говорит он. – Спасибо большое, что взяли меня в Нью-Йорк. Вы правда лучшие.

– О, Эллиот, – улыбается мама, и мы все крепко-крепко его обнимаем.

Глава пятнадцатая

Сквозь сон я слышу стук, а следом – голос Эллиота:

– Пен, ты уже проснулась?

Первая мысль: «Почему я так отчетливо слышу Эллиота через толстую стену спальни?» Потом я открываю глаза, вижу кипельно-белое постельное белье, роскошный ковер бордового цвета, и все становится на свои места. Я сейчас не дома, а в Уолдорф-Астории. Я пережила самолет! Я в Нью-Йорке!

Я сажусь в постели и отвечаю Эллиоту, что не сплю.

– А я уже давным-давно встал. – Он входит в мою комнату через внутреннюю дверь. – Я слишком счастлив, чтобы спать.

Поглядев на часы, я удивляюсь, что проспала целых десять часов. После бессонных ночей дома это – рекорд.

Эллиот усаживается на край моей кровати и открывает ноутбук.

– Я знаю, что ты не собиралась выходить в Интернет, но ты обязана кое-что увидеть.

Настроение тут же портится.

– Не надо, Эллиот, пожалуйста. Я хочу забыть про это дурацкое видео. Неужели не ясно?

Эллиот качает головой и расплывается в улыбке.

– Дело не в видео, а в блоге.

– Что с ним?

– Ты снова стала медиавирусом. На этот раз в хорошем смысле.

– Как это? – Я подползаю к Эллиоту и поворачиваю к себе ноутбук. На экране – мой пост о борьбе со страхом.

– Прокрути вниз, – велит Эллиот.

Я следую его совету и вижу, что получила 327 комментариев.

– Быть не может! – Я смотрю на цифру и не верю своим глазам. На мои записи никогда не отвечало столько человек. Никогда.

– Все они пишут про страхи и про то, как намереваются их побороть. Многие, кстати, твоим постом поделились. Посмотри, сколько у тебя теперь подписчиков.

Я смотрю на цифру в правом углу экрана.

– Десять тысяч?

Эллиот довольно кивает.

– Десять тысяч семьсот пятнадцать, если быть точным.

– Ого-го! – Сказать, что я потрясена – ничего не сказать.

– Пен, тебе необходимо прочитать комментарии. Они такие искренние!

Вот эта девочка написала, что хочет дать отпор одному задире из школы, а эта хочет перебороть страх перед зубным врачом. Тут есть еще одно сообщение, которое ты просто обязана прочесть. – Эллиот начинает торопливо пролистывать комментарии.

– Нашел! – Он снова поворачивает ко мне ноутбук.

Привет, Девушка Online! Мой страх отличается от тех, что здесь описывают, и, признаться честно, я никому о нем раньше не рассказывала. Но тебе хватило смелости посмотреть своему страху в глаза, и я верю, что тоже смогу.

Больше всего я боюсь своей мамы. Ну, не мамы вообще, а ее пристрастия к выпивке. Когда она потеряла работу, то стала много пить, и наша жизнь превратилась в кошмар. От алкоголя мама становится злой и несдержанной и все время на меня кричит. Но даже не это самое страшное... Я боюсь, что мама меня больше не любит. Может, прозвучит глупо, но она стала совсем другим человеком. Ей ни до чего и ни до кого нет дела, даже до меня. Когда я прочитала твой пост, то поняла, что нельзя сидеть сложа руки. Сегодня же я расскажу обо всем своей тете. Даже если она ничего не сможет поделать, то хотя бы выслушает меня и даст совет. Спасибо, что вдохновляешь свой смелостью. Девушка-Пегас xxx

– Потрясающе. – Я смотрю на Эллиота, а в глазах стоят слезы.

– Знаю. А теперь прочитай это. – Эллиот показывает на один из последних комментариев.

Привет еще раз. Хочела написать, что я все обсудила с тетей, и она очень мне помогла. Она приехала к нам, поговорила с мамой и предложила нам пожить у нее какое-то время. Моя мама на меня совсем не разозлилась. Она очень расстроилась, долго извинялась и обещала обратиться за помощью ко врачу. Спасибо тебе, Девушка Online. Ты была права, иногда нужно взглянуть страху в глаза, чтобы понять, что ты сам его придумал. Девушка-Пегас xxx

По щекам текут слезы.

– Просто не верится, что мои слова смогли...

– Понимаю, – Эллиот обнимает меня за плечи. – Я тобой очень горжусь, Оущен Стронг.

Я крепко прижимаюсь к нему.

– Спасибо, Эллиот.

Он хмурится и качает головой.

– Не Эллиот, а Уолдорф Уайлд^[9].

Я делаю удивленное лицо.

– Это мое новое альтер-эго.

Завтрак в Уолдорфе оказался почти так же хорош, как папин «воскресный завтрак», а с ним мало что может сравниться. Наевшись оладий с черникой, кленовым сиропом и жареными ломтиками бекона (дикое сочетание, но вкус отменный), мы с мамой направляемся в зал, где будет проходить свадебная церемония, а папа с Эллиотом идут гулять по городу. Мне немного обидно, что я не могу пойти с ними, хотя просьба Синди и Джима сделать фотоотчет о подготовке свадьбы мне очень льстит. Надеюсь, вечером удастся вырваться и полюбоваться Нью-Йорком.

Мы заходим в зал, и у меня вырывается вздох восхищения.

– Мама, это великолепно!

– Знаю, – с удовольствием соглашается она.

Я словно попала в «Аббатство Даунтон»: на стенах висят портреты, пол устлан дорогими коврами. Мама ставит на столик при входе табличку «Вместе навсегда», и рука сама собой тянется за камерой. Фирменная карточка на фоне изящной старинной лампы как раз в стиле свадьбы. Я приближаю изображение так, чтобы читалась надпись, и делаю снимок.

– Здесь пройдет церемония. – Мама показывает на ряды позолоченных стульев, расставленных перед большим камином. – А потом все пройдут в банкетный зал на свадебный завтрак.

– А почему его называют «свадебный завтрак»? – интересуюсь я, идя следом за мамой к массивным дверям на другом конце зала.

– Точно не знаю. Может, потому что это первый совместный прием пищи новобрачных?

Я мысленно делаю пометку спросить Эллиота, он-то наверняка знает.

– Bay! – восклицаю я, входя в соседний зал.

Он еще больше предыдущего и уставлен круглыми столами. С потолка свисают люстры под старину, с лампочками в виде свечей. В центре каждого столика – композиция из остролиста и бутонов белых роз. А большой вытянутый стол в конце зала задрапирован британским флагом не

привычной расцветки, а в коричнево-бежевых тонах. Очень красиво и очень по-английски.

- Мамуль, здорово у тебя получилось!
- Ты правда так считаешь? – с надеждой спрашивает мама.
- Абсолютно.
- Привет-привет! А вы, должно быть, мисс Пенни?

Я поворачиваюсь на голос и вижу, что через маленькую дверь в конце зала к нам вошла женщина в водолазке и костюмных брюках. Ей явно пошел шестой десяток, но выглядит она на зависть многим: высокие скулы, глаза насыщенного карего цвета, седые волосы собраны в тугой пучок. Темно-красный оттенок помады подчеркивает фарфоровую белизну кожи.

- Привет, Сейди Ли. Познакомься, это моя дочка Пенни.
- Очень рада встрече, – говорит Сейди Ли, растягивая слова на манер американцев из южных штатов. – Я о тебе наслышана.

Я не успеваю ответить, как она заключает меня в объятия. От Сейди пахнет очень по-домашнему, мылом и корицей.

- Как спалось? – Сейди переводит взгляд с мамы на меня.
- Хорошо, – отвечаю я.

А мама качает головой и сетует, что распереживалась и долго не могла уснуть.

– Милая, тебе ли волноваться? – говорит Сейди Ли с улыбкой. – Ты так здорово все украсила. Как там они в «Аббатстве Даунтон» говорят? «Все будет просто роскошно», – цитирует она фразу из сериала и заливисто, подобруму смеется.

Есть люди, в которых влюбляешься с первого взгляда. Сейди Ли однозначно из их числа.

- Брейдисы хотят, чтобы Пенни пофотографировала, как идет подготовка к свадьбе.
- Отличная идея, – улыбается Сейди Ли. – Я как раз собиралась делать выпечку для фуршета, так что заходи на кухню, пофотографируешь.

– Спасибо за предложение, – отвечает мама и смотрит на меня. – А я пока проверю, готовы ли костюмы для официантов. Справишься без меня?

- Конечно.

Мама убегает по делам, а мы с Сейди Ли направляемся на кухню. После старомодного убранства залов гладкие металлические шкафы и плиты промышленных размеров смотрятся непривычно.

– Завтра будем готовить основные блюда, а сегодня я испеку кексы. Все как в традиционном английском чаепитии.

- А вам разве никто не помогает? – уточняю я, оглядывая пустую

кухню.

– Не сегодня. А вот завтра тут будет работать целая команда поваров.

Я делаю несколько фото Сейди Ли у плиты и крупный план поваренной книги, испачканной в муке. Потом возвращаюсь в банкетный зал, чтобы отснять еще пару фотографий. Но, перепутав двери, я оказываюсь в очередной просторной комнате. Вдоль стен выстроились столики, а центр зала представляет собой вытянутую площадку для танцев, мощенную блестящим паркетом. Я собираюсь уходить, но меня останавливает негромкая гитарная мелодия, доносящаяся из противоположного конца зала. В полутьме виден силуэт сидящего на сцене музыканта, но лица никак не разглядеть.

Я на цыпочках крадусь вдоль ковровых дорожек. Музыка звучит все отчетливее, и я слышу чье-то пение. Слов невозможно разобрать, но мотив красивый и очень, очень грустный. Я подхожу ближе и уже ясно вижу, что на сцене, спиной ко мне, сидит, подвернув под себя ноги, парень. Вокруг него расставлено концертное оборудование: барабанная установка, синтезатор, стойка для микрофона. Я достаю камеру, делаю еще пару шагов, фокусирую изображение и нажимаю на кнопку. Тут же сцена озаряется ярким светом – как назло, я не отключила вспышку.

– Это еще что?! – Загадочный певец вскакивает и резко поворачивается, прикрывая лицо ладонью. – Как вы сюда попали? – кричит он с сильным американским акцентом. – Кто вас прислал?

– Извините, не удержалась, вы так... – Слава богу, мне хватает ума замолчать и не выпалить очередную глупость. – Я делаю фото для свадьбы, которую здесь завтра играют. А как вы сюда попали? Вы свадебный певец?

– Свадебный певец? – Он смотрит на меня сквозь пальцы. На запястье у него вытатуирован нотный стан.

– Репетируете? – Я шагаю к сцене, а он отступает назад, словно испугавшись меня. – На вашем месте, я бы завтра эту песню не пела.

– Почему же? – Он стоит неподвижно, продолжая прикрывать лицо рукой.

– Ну, она совсем не праздничная. Конечно, та часть, что я услышала, была очень даже ничего, но слишком уж грустная для свадьбы, понимаете? Вам лучше исполнить что-нибудь в духе «Грязных танцев». На всех свадьбах их песни на ура идут. У вас тут вообще про «Грязные танцы» слышали?

Незнакомец опускает руку и смотрит на меня как на пришельца с другой планеты. Теперь я могу его хорошенько разглядеть. Если бы я была героем комикса, сейчас у меня над головой в специальном облачке было бы

написано: «ВАУ!». А Эллиот назвал бы его «рок-звездическим»: растрепанные волосы, высокие скулы, выцветшие джинсы, потертые ботинки.

– Да, мы здесь слышали о «Грязных танцах», – говорит он, с трудом сдерживая смех. – Ты не поверишь, но их в Америке снимали.

– А, точно.

Мне становится обидно. Даже в Нью-Йорке я все та же неудачница. Я морально готовлюсь признать тот факт, что моя нелепость выходит на международный уровень, но неожиданно ощущаю нечто совсем другое. Я чувствую силу и уверенность. Я больше не собираюсь выставлять себя на посмешище, не в этой поездке. Пусть даже для этого мне придется принять обет молчания и не разговаривать ни с кем, кроме Эллиота, мамы и папы. Пусть даже это означает, что я не поболтаю с похожим на рок-звезду парнем из Нью-Йорка.

– Извините, что отвлекла. Удачи вам завтра, – прощаюсь я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Глава шестнадцатая

– Я не певец для свадьбы, – говорит парень раньше, чем я успеваю сделать шаг в сторону двери.

– Не певец?

– Нет. – Он улыбается мне милой, немножко ехидной улыбкой, и от этого на его щеках появляются ямочки.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Люблю, знаешь, пробраться в отель и спеть грустную песню в свадебном зале. – Он улыбается еще шире.

– Интересное хобби.

– Да, только за такие выступления платят маловато.

«А что, если он сумасшедший? – взволнованно шепчет мой внутренний голос. – Сумасшедший из Нью-Йорка. Может, он незаконно проник в отель? Может, мне надо произвести гражданский арест? И разрешен ли у них тут гражданский арест? Аaaa! Что же делать?»

Он, конечно, не похож на сумасшедшего. А когда улыбается, так и вовсе очень приятный, но вдруг...

– Что хмуришься?

– Просто думаю.

– О чём?

– Ты ведь... не сумасшедший... Правда?

Парень громко смеется.

– Нет! Ну, или совсем чуть-чуть, в хорошем смысле. Жить становится веселее, если в ней есть место безрассудству.

Я киваю головой. Звучит он вполне вменяемо.

– Как тебя зовут? – спрашивает певец, возвращая гитару на стойку.

– Пенни.

– Пенни, – повторяет он, и мне нравится, как он произносит мое имя. – А я Ной. Ты из Англии, судя по акценту?

– Да.

– Здорово. Фотограф?

– Ага. Пока, правда, любитель, но надеюсь когда-нибудь стать профессионалом. Моя мама оформляет завтрашнюю свадьбу, меня попросили сделать несколько фотографий этого процесса. А ты что здесь делаешь? Только честно.

– Честно? – Он слегка наклоняет голову и хитро улыбается. – Моя

бабушка тоже занимается подготовкой свадьбы.

- Твоя бабушка?
- Да, Сейди Ли. Она отвечает за банкет.
- Да-да, я с ней уже познакомилась.

Слава богу, он не сумасшедший. Мне известно, кто его бабушка. И мне она нравится. А главное, мне не придется производить гражданский арест.

– Я утром подвозил бабушку, и она разрешила мне побывать тут немного, при условии, что я не буду ей мешать, – объясняет Ной. – Так что я зашел сюда, а когда увидел гитару, то решил немного поиграть, не удержался.

- Так ты музыкант?
- Он опять очень мило улыбается.
- Не совсем. Просто люблю побренчать на досуге. Есть хочешь?
- Что? А, да, немного.

Он спрыгивает со сцены и направляется ко мне. Чем ближе он подходит, тем симпатичнее кажется. У него темно-карие глаза, совсем как у Сейди Ли. И, когда он улыбается, в глазах тоже пляшут чертики. Странное чувство: когда он так смотрит, мне кажется, что я становлюсь легче перышка и могу улететь при первом же порыве ветра.

– Тогда пойдем к Сейди Ли, она нас накормит. Но сначала... Можно тебя попросить? Скажи «томаты».

- Что?
- Томаты. Ну просто произнеси это слово.
- Я улыбаюсь и качаю головой. Нет, все-таки сумасшедший.
- Томаты, – говорю я.
- Тома-а-а-ты, – Он в умилении складывает руки. – Мне так нравится, как британцы говорят это слово!.. Ладно, пойдем, – говорит он и шагает в сторону кухни.

Пахнет там великолепно. На одних подносах ждут своей очереди, чтобы попасть в духовку, корзиночки с джемом и маленькие кексики, на других – остывают свежеиспеченные пирожные. Сейди Ли отмывает глубокую миску над большой раковиной.

– Привет, ба, – окликает ее Ной. – Тебе не нужны дегустаторы? Мы с Пенни умираем с голода.

– Ной! – Сейди Ли произносит его имя с такой радостью, будто не видела внука целый год. – Пенни! – Приветствует она меня. – Вы уже познакомились?

- Ага, я притворялся свадебным певцом, но Пенни меня раскусила.
- Притворялся певцом? Но...

– Не важно, это наш секрет, – обрывает ее Ной, поворачивается ко мне и многозначительно подмигивает. – Так есть че вкусненько? – Ной хищно смотрит на еще горячие корзиночки с джемом.

– Даже не думай! – Сейди Ли отгоняет его кухонным полотенцем от противня с выпечкой. – Они для свадьбы.

– Все до одного?

– Да, все до одного. Но если хотите...

В эту секунду в кухню врывается мама.

– Это катастрофа! – восклицает она, и Сейди Ли с Ноем тут же изменяются в лице. Я же, зная маму, не переживаю. Она реагирует так даже на подгоревший тост.

– Что стряслось? – спрашиваю я.

– Диадема сломалась, – объясняет мама, переводя вопрошающий взгляд с меня на Ноя и обратно. – Разломилась пополам, а Синди уперлась рогом, что хочет настоящую диадему эпохи Эдуарда Седьмого. Не представляю, что делать! Я оставила запросы в нескольких антикварных магазинах, но...

Раздается мелодия маминого мобильника, и она немедленно берет трубку.

– Слушаю. Да, спасибо, что перезвонили. Мне нужна винтажная диадема эдвардианской эпохи. Очень срочно, на свадьбу. Свадьба завтра.

Мы слушаем, затаив дыхание.

– Есть? А сколько стоит? Она в хорошем состоянии? Замечательно. Спасибо. Да. Сегодня вечером. Спасибо, до свидания.

Мама вешает трубку и облегченно вздыхает:

– Повезло. В одном магазинчике в Бруклине нашлось то, что нужно.

Внезапно улыбка сходит с маминого лица.

– Но как мне попасть в Бруклин, когда еще надо подогнать платья для девочек-цветочниц? И узнать, что там со свадебным тортом. А еще встретиться с Синди и Джимом, – восклицает мама, возводя руки к небу.

– Волноваться не надо, – говорит Сейди Ли, и ее протяжный южный говор сам по себе действует успокаивающе. – Ной может съездить за диадемой.

– Конечно, – кивает Ной.

– Ной – мой внук, – объясняет Сейди Ли.

– Приятно познакомиться. – Мама протягивает Ною ладонь. – Извини, я даже забыла представиться.

– Да не вопрос, – отвечает Ной, пожимая мамину руку. – Адрес магазина какой?

Пока мама записывает адрес, Ной заговаривает со мной.

– Хочешь поехать со мной посмотреть Бруклин?

От волнения сердце готово выпрыгнуть из груди.

Я с надеждой смотрю на маму.

– Можно я поеду, мам? Так хочется немного проветриться.

– Да-да, – соглашается мама, глядя не на меня, а на новое сообщение в телефоне.

Я подхожу к ней и беру за руки.

– Все будет хорошо, – шепчу я.

– Спасибо, милая. Я позвоню в магазин и скажу, что оплачу покупку картой, чтобы они ее никому не продали и дождались вас. И вот, возьми. На улице прохладно.

Мама протягивает мне свою куртку и поворачивается к Сейди Ли и Ною.

– Спасибо вам, друзья.

– На здоровье, – отвечает Ной и обращается ко мне на чистом британском английском:

– Прошу, миледи, экипаж подан.

Глава семнадцатая

Мы уже подходим к лифту для персонала, как Ной вдруг останавливается.

– Извини, я забыл кое-что сказать Сейди Ли. Сейчас приду.

Я смотрю в спину возвращающемуся на кухню Ною, и в голове проносится мысль, достойная статуса в Фейсбуке: «Пенни Портер в Бруклине с красавчиком из Нью-Йорка, который будто только что сошел со страниц журнала «Роллинг стоун». Я смеюсь и трясу головой. Нет, со мной такого не может случиться. Я из тех девчонок, что проваливаются в ямы, признаются парням, что их беспокоят блохи, и светят на весь мир штопаными панталонами. Наверное, мне все это снится, и сейчас – ночь после дня премьеры. Наверное, я...

– Я готов, идем? – Ной торопливо выходит из кухни, хитро улыбаясь. У него в руках два кекса из тех, что пекла Сейди Ли.

– Она не заметит, – заговорщически шепчет он. – А мы их официально продегустируем. Надо же убедиться, что на свадьбе никому не грозит отравиться печенькой?

– Надо, – соглашаюсь я и откусываю кусочек. Тесто такое воздушное и пышное, что буквально тает во рту. – Вот это да!

– О да, – кивает Ной. – У Сейди Ли самые вкусные кексы во всем Нью-Йорке, если не во всем мире.

Он вызывает лифт и вдруг спрашивает:

– Расскажи о самом удивительном случае в твоей жизни?

– Прости, что?

Ной улыбается.

– Господи, ну какой же потрясный акцент!..

Двери лифта открываются, и я этому совсем не рада. Кабинка очень маленькая и хорошо освещенная, а значит, Ной увидит, как я покраснела.

– Расскажи о самом удивительном случае в твоей жизни, – повторяет Ной, а потом достает из заднего кармана вязанную шапку и надевает ее.

– О самом-самом?

– Да.

Все мысли сразу куда-то улетучиваются. Лифт начинает обратный отсчет этажей: 20, 19, 18... Самый удивительный случай... 17, 16, 15... В голове рождается ответ, и я даже не успеваю его обдумать – так хочется прервать молчание.

– День волшебных случайностей! – выдаю я.

– Не понял?

Да что ж за фигня! Вот теперь я точно красная, как рак...

– День волшебных случайностей, – бормочу я, не глядя на Ноя. 10, 9, 8...

– А что это за день такой?

5, 4, 3...

– Когда мы с братом были маленькими, мои родители придумали проводить его раз в году.

Лифт опускается на подземную парковку, и двери открываются, но Ной не спешит выходить.

– И что особенного было в Дне волшебных случайностей?

Я робко поднимаю глаза на Ноя и с удивлением замечаю интерес на его лице.

– Он всегда выпадал на будни, но нас освобождали от школы. Папа готовил «Случайный пирог», который мы ели весь день: кусочек на завтрак, обед и на ужин. Таково было правило: в День волшебных случайностей каждый прием пищи заканчивался поеданием пирога. И еще одно правило гласило, что в День волшебных случайностей надо отправиться в Случайное путешествие.

– Звучит интересно.

– Да. Родители доставали карту, и кто-нибудь из нас тыкал пальцем в любую точку, закрыв глаза, а потом мы ехали в это случайное место.

Лифт закрывается, и Ной быстро нажимает кнопку, чтобы открыть двери.

– Да, День волшебных случайностей – идея супер, – протяжно произносит Ной.

Мы выходим на огромную стоянку. Я мысленно радуюсь, что Ноя не напугала бредовая традиция моей семьи.

– И мне особенно нравилось, что об этом дне никто, кроме нас, не знал. Все остальные как обычно шли в школу и на работу, а мы отправлялись в путешествие и целый день ели вкусный пирог. А самое интересное, что мы не знали, когда наступит День волшебных случайностей. Мама и папа никогда нас заранее о нем не предупреждали.

– Это как если бы Рождество каждый год праздновали в новый день, – размышляет Ной вслух и качает головой. Даже при слабом освещении подземной стоянки я отчетливо вижу, что мне удалось его удивить.

– Обещай никому не рассказывать об этом, ладно? Мы каждый раз давали клятву, что сохраним День волшебных случайностей в секрете,

потому что мама и папа врали нашим учителям, будто мы пропускали школу по болезни.

– Первое правило Дня волшебных случайностей: не говорить о Дне волшебных случайностей, – с серьезным видом выдает Ной.

– Точно.

– А вы до сих пор его проводите?

Я смеюсь в ответ.

– Нет, у нас сто лет не было Дня случайностей. Наверное, мы с братом уже слишком взрослые для такого.

– Как можно быть слишком взрослым для Дня волшебных случайностей? – хмурится Ной. – Невозможно быть слишком взрослым для пирога и путешествия!

– Это точно! – смеюсь я.

Ной достает ключи от машины и нажимает кнопку на брелке. Стоящий неподалеку черный блестящий пикап «Шевроле» пикирает и моргает сигнализацией.

– Тебе сколько лет? – спрашивает Ной.

– Пятнадцать. Почти шестнадцать. – Не успеваю договорить, как мой внутренний голос начинает ругаться: «*И зачем было уточнять, что тебе «почти шестнадцать»? Теперь Ной подумает, что он тебе нравится. Теперь...»*

– Ясно, а мне восемнадцать. Мы определенно еще не слишком стары для пирога и путешествия.

Мы подходим к машине, и я останавливаюсь у пассажирской двери.

– Что, если мы устроим День волшебных случайностей сегодня? – многозначительно шепчет Ной.

– Серьезно? – немного опешив, спрашиваю я.

Ной оглядывается по сторонам, будто желая убедиться, что нас никто не подслушивает, и продолжает:

– Пирога мы уже отведали, а теперь я повезу тебя в Случайное путешествие по Бруклину.

– Будет здорово! – восторгаюсь я.

– Офигееенno, – поправляет Ной с сильным нью-йоркским акцентом. – Ты сейчас в Большом яблоке, а здесь принято говорить «офиgееенno».

– Будет офиgееенno, – говорю я и открываю дверь пикапа.

– Хочешь повести машину? – удивляется Ной.

– Нет. С чего ты взял?

Я заглядываю внутрь и понимаю: внутри салона все расположено

зеркально, и выходит, что я открыла дверь со стороны водителя. Как ни странно, эта оплошность меня ничуть не смущает.

– Извини, совсем забыла, что вы ездите не по той стороне дороги, – говорю я и обхожу машину.

– Мне всегда казалось, что это вы ездите не по той стороне. Наша сторона – правая, во всех смыслах.

Я залезаю в машину и замечаю на пассажирском сиденье потрепанный блокнот. Я поднимаю его и сажусь. Очень непривычно, что передо мной нет руля.

– Дай-ка это мне, – говорит Ной, забирая блокнот у меня из рук. Он прячет его в бардачке, и мне становится любопытно, какие секреты хранятся внутри этого блокнота. Может, он молодой перспективный писатель? Или поэт? Есть в его растрепанной прическе и больших карих глазах что-то поэтическое. Я еще раз обвожу взглядом салон машины, и чувство, что я попала в параллельную вселенную, усиливается. Приборная панель завалена медиаторами и коробками из-под компакт-дисков, а на зеркале заднего вида покачивается нитка черного бисера. Машина у Ноя тоже... «рокзвездическая».

– Почти во всем мире правостороннее движение, – рассуждает Ной, вставляя ключ в замок зажигания. – По-моему, только британцы ездят по левой полосе.

– Если большинство людей что-то делает, еще не значит, что так поступать правильно, – парирую я, защелкивая ремень безопасности. – Большинство людей воюет, заставляет детей учить в школе естествознание и пьет колу с вишневым вкусом. И что, это правильно?

– Кола с вишневым вкусом? – Ной удивленно поднимает брови.

– Ее вообще надо запретить. На вкус как лекарство. – говорю я, притворно морщаась.

Только когда Ной выезжает на Парк-Авеню, я понимаю, что села в машину абсолютно спокойно. Похоже, скулы, улыбки и ямочки на щеках действуют лучше, чем техника дыхания и мысли о супергероях. Но как только мы выезжаем на первый большой перекресток, я начинаю волноваться. Вчера я не паниковала в такси потому, что была зажата между мамой и Эллиотом. А сейчас я сижу на переднем, в Англии – водительском месте, и мне становится не по себе.

– Значит, в университете учишься? – спрашиваю я Ноя, вжимаясь в кресло.

Он отрицательно мотает головой.

– Неа, решил немного отдохнуть от учебы.

– Годовой перерыв перед поступлением?

– Что-то вроде того. А теперь, мисс Пенни, скажите, если бы вы были музыкальным инструментом, то каким?

Я снова убеждаюсь, что Ной не задает стандартных вопросов.

– Каким бы я была музыкальным инструментом?

– Ага.

Мимо нас с ревом проносится такси, и сердце у меня уходит в пятки. Я закрываю глаза и стараюсь не думать о том, что мы едем в машине, по дороге, и можем в любой момент разбиться.

– Виолончель, – отвечаю я только потому, что это – мой любимый инструмент.

– Так и думал.

– Почему? – Я приоткрываю глаза, и искоса смотрю на Ноя.

– Виолончель – очень красивый и загадочный инструмент, – отвечает он, а потом неожиданно для меня заливается краской.

– Теперь твоя очередь спросить, каким бы я был музыкальным инструментом, – сообщает Ной в своей уже привычной расслабленной манере.

Такое чувство, что сейчас произошло что-то важное, но я не могу понять что.

– Ну и каким бы ты был музыкальным инструментом?

– Сегодня, пожалуй, я стал бы тромbonesом.

– Именно сегодня?

– Да. Вчера я бы ответил «бас-барабан», но сегодня я чувствую себя тромbonesом. Это новый музыкальный этап в моей жизни.

– Понятно, – отвечаю я, ничего не поняв. – Почему тромbones?

– Тромbones всегда радостно звучат. Вот, послушай.

Ной включает магнитолу. Я не узнаю мелодии, но, переслушав всю папину коллекцию компакт-дисков, понимаю, что это джаз. И Ной прав: тромbones звучит негромко, но радостно.

Ной убавляет звук и обращается ко мне:

– Скоро въедем на Бруклинский мост. Ты его уже видела?

– Нет, мы только вчера прилетели. Я еще ничего не видела.

– Значит, тебе повезло, что сегодня – День волшебных случайностей, – говорит Ной, но я не успеваю ему ответить.

Из-за угла выруливает машина, прямо на меня.

– Нет! – вскрикиваю я и в страхе закрываю лицо руками.

Ной смеется.

– Все нормально. Они по этой стороне и должны ездить. У нас тут

правостороннее движение, помнишь?

Мое тело сковывает ужас, и разум уносится в воспоминания: промозглая тьма, потеря управления, вопль мамы... «*Успокойся, представь Оушен Стронг*», – твердит мой внутренний голос, но он кажется очень далеким. Я снова слышу скрежет тормозов, слышу, как я зову маму и папу. Я с силой прикусываю нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Но ничего не помогает. Призрак аварии преследует меня, я никак не могу выкинуть его из головы. В одну секунду все тело охватывает жар, я снова не могу дышать, не могу глотать. Я хочу выбраться из машины. Мне кажется, что иначе я умру.

– Любой бы испугался. Здесь же все по-другому, – рассуждает Ной. Из-за звона в ушах его голос кажется мне тихим и далеким. Я зажмуриваю глаза и вжимаюсь в кресло. По разгоряченному лицу бегут ручи слез, и мне хочется выть от отчаяния. «Когда это кончится? Почему это происходит снова и снова? Смогу ли я когда-нибудь оставить аварию в прошлом?»

Глава восемнадцатая

– Пен, тебе плохо? – Внезапно голос Ноя звучит громче.

Я пытаюсь кивнуть, но все тело словно парализовало. Я чувствую, что машина делает поворот и останавливается. Осторожно открываю глаза. Мы заехали на тихую улочку, зажатую между глухих стен многоэтажных домов. Ной пристально смотрит на меня; на лице у него – тревога.

– М-мне так жаль, – заикаюсь я, стуча зубами. Секунду назад я пылала от жара, а теперь меня колотит от холода.

Ной перегибается на заднее сиденье, достает шотландский плед и кладет его мне на колени.

– Спасибо.

Я по шею закутываюсь в теплую ткань.

– Что с тобой произошло? – спрашивает Ной таким заботливым и нежным голосом, что мне едва хватает сил сдержать слезы.

– Мне так жаль, – повторяю я. Это все, что я могу сказать.

Ной откидывает волосы со своего лица и пристально смотрит на меня.

– Прекрати, тебе не за что извиняться. Лучше расскажи, что случилось?

Меня продолжает лихорадить. Обида подступает к горлу. Поверить не могу, что после спокойного перелета со мной опять случился приступ. Неужели теперь меня всю жизнь будут изводить панические атаки?

Ной открывает бардачок и принимается в нем что-то искать, потом достает шоколадный батончик, надрывает упаковку и протягивает его мне со словами: «Тебе нужна глюкоза».

Я откусываю совсем немного. Шоколад тает во рту, и мне становится чуточку легче – Ной был прав.

– Мне так...

– Если еще раз скажешь, что тебе «жалко», я включу любимую песню Сейди Ли. Поверь мне, мало тебе не покажется. Эта баллада в стиле кантри называется «Ты смыла мои извинения в унитаз отчуждения».

– Тогда мне не жаль. – Я слабо улыбаюсь.

– Уже хорошо. Объяснишь, что произошло?

– Я... я недавно попала в автокатастрофу, и с тех пор меня мучают эти дурацкие панические атаки. Мне так жа...

– Хватит.

Я поднимаю глаза на Ноя – он по-прежнему участливо смотрит на

меня.

– Плохо дело, – огорченно говорит он. – Ты бы хоть меня предупредила до того, как мы сели в машину.

– Надо было. Но, честно говоря, я забылась. Мне было так хорошо...

– Правда?

– Да.

Ной улыбается уголками рта, но его лицо тут же становится серьезным.

– Что теперь будем делать? Оставим где-нибудь машину и спустимся в метро? Если хочешь, я могу отвезти тебя обратно в отель.

– Не надо.

Хотя я еще не отошла от приступа, в одном я уверена как никогда: я не хочу, чтобы наше с Ноем путешествие закончилось.

С минуту мы сидим в тишине. Точнее, мы сидим молча посреди Нью-Йорка, заполненного криками, сиренами и гудением автомобилей. Как ни удивительно, я не чувствую себя подавленной. Хотя я и смалодушничала на глазах у симпатичного мне парня всего через час после знакомства, мне гораздо легче, чем на встречах с Олли. Я не сгораю от стыда, хотя повод есть. Но рядом с Ноем мне на удивление комфортно быть самой собой.

– Есть идея, – наконец прерывает молчание Ной, и я с надеждой поднимаю на него глаза.

– Давай я поеду очень медленно и буду обо всем тебе предупреждать. Перед поворотом я буду говорить, что приближается поворот. И если впереди появится что-то, что может тебя напугать, я сразу дам тебе знать.

– Давай.

– Это не навсегда.

– Что?

– Твои страдания. Поверь мне. Знаешь поговорку «время лечит»?

Ной поворачивается ко мне всем корпусом.

– Я эту поговорку сразу невзлюбил. Для меня она звучала как стандартная фраза, которой обычно пытаются успокоить. Но, как оказалось, время – хороший врач. Правду говорят. Скоро и тебе станет лучше.

Ной так искренне говорит и так на меня смотрит, что я без сомнений верю каждому его слову.

– Спасибо, – шепчу я.

– На здоровье. – Ной поворачивает ключ. – Попробуем?

– Да, – говорю я, вкладывая в ответ всю уверенность, что во мне осталась.

Мы минуем Манхэттен под неустанные комментарии Ноя. Из него вышел бы неплохой экскурсовод, если бы он рассказывал о местных достопримечательностях. Но Ной только и говорит, что «сейчас мы подъедем к перекрестку» или «внимание, поворот налево».

Когда мы подъезжаем к Бруклинскому мосту, я понимаю, что смогла успокоиться, словно спрятав свои страхи на дно дорожного чемодана. Как раз вовремя: от моста невозможно оторвать глаз. Мы проезжаем через арку в готическом стиле, напоминающую ворота средневекового замка. Из-за многочисленных металлических балок кажется, что мы едем по длинной клетке, и у меня сразу же возникает чувство защищенности. А от открывающихся с моста видов захватывает дух.

– Ты в порядке? – спрашивает Ной где-то на середине моста.

Я киваю, не отрывая взгляда от горизонта. В Манхэттене почти все здания сделаны из зеркального стекла и белого камня, а дома на горизонте Бруклина – из красного и коричневого кирпича. На фоне голубого неба они напоминают осенние деревья.

– Добро пожаловать на мою родину, – торжественно говорит Ной, когда мы подъезжаем к последней арке моста.

– Ты здесь живешь?

– Так точно. Ну, как тебе тут?

– Мне нравится… напоминает… осень.

«Зачем ты это ляпнула? Разве так сложно говорить нормальные вещи?» – верещит мой внутренний голос.

– Ты про цвета?

– Да. – Я облегченно вздыхаю: Ной понимает, что я пытаюсь сказать.

– Понятно. Твои волосы тоже напоминают осень.

Я вопрошающе смотрю на Ноя.

– У осени – самые лучшие краски.

Я отворачиваюсь не в силах сдержать улыбку. Мы съезжаем с моста, и Ной продолжает предупреждать обо всех поворотах и перекрестках, пока дорога не уходит в тихий квартал с узкими улочками и аллеями. Здесь мне удается расслабиться.

– Спасибо, – говорю я, прижимаясь к стеклу, чтобы рассмотреть выстроившиеся в ряд красные домики. – Мне сейчас гораздо лучше.

– Обращайся, – улыбается Ной. – Сейчас заедем за диадемой, а потом перейдем ко второй части Случайного путешествия.

– Хороший план.

Ной поворачивает на узкую улицу со множеством причудливых кафе и магазинчиков – она напоминает мне Лейнз. Припарковав машину, Ной

поворачивается ко мне, участливо улыбаясь:

- С тобой точно все хорошо?
- Определенно.

Он берет с заднего сиденья потертую кожаную куртку в байкерском стиле. Накинув ее, Ной осматривает улицу, словно хочет в чем-то удостовериться, и только после этого выходит из машины. Я вылезаю следом, радостно ступаю на твердую землю и втягиваю колючий морозный воздух.

– А вот и магазин. – Ной показывает на здание неподалеку.

Когда мы проходим мимо букинистического, из его дверей выходит девушка. Заметив Ноя, она улыбается ему так, будто они старые друзья, но Ной шагает вперед, не обращая на нее внимания.

– По-моему, там была твоя знакомая. – Я перехожу на бег, чтобы догнать Ноя.

- Кто? – рассеянно спрашивает он.
- Девушка, вон та.

Я поворачиваюсь на стоящую у книжного магазина девушку: она беззастенчиво глядит нам вслед.

– Мы не знакомы, – сухо говорит Ной и поднимает воротник куртки, чтобы не замерзнуть. – Пришли.

Мы стоим перед магазином «Затерянные во времени». На его витринах полно разных древностей. Ной открывает дверь и нетерпеливо ждет, пока я войду. И тут я словно переношуся в пещеру Алладина. Куда ни посмотри – везде отличный кадр: старинная швейная машинка, граммофон, вешалки с винтажной одеждой. Эллиоту бы здесь понравилось. От этой мысли мне становится неприятно тоскливо. Интересно, как там папа и Эллиот? Побыстрей бы с ним увидеться, мне не терпится рассказать Эллиоту о Ное.

Я иду следом за Ноем, и мне в глаза бросается красивая фарфоровая кукла в темно-синем бархатном платье с пожелтевшим от старости кружевным воротничком. У нее длинные мягкие волосы такого же рыжего цвета, что и у меня. А на лице – россыпь веснушек. Кукла сидит на стопке книг, грустно склонив голову на бок. Я, недолго думая, достаю камеру и фотографирую. Срабатывает вспышка. Ной вздрагивает и резко поворачивается, но, увидев, в чем дело, тут же расслабляется.

– Она такая грустная, – вздыхаю я. – Интересно, как она сюда попала? Наверное, она очень скучает по своей хозяйке.

Я беру куклу и расправляю ее платьице.

– Не могу спокойно смотреть на брошенные игрушки. Когда я была младше, то мечтала организовать приют для кукол. Но потом эта идея дала

трещину: я хотела, но не могла забрать себе все одинокие игрушки из комиссионных магазинов и со школьных ярмарок.

«Хватит трепаться!» – строго обрывает меня мой внутренний голос. Я сажаю куклу на место.

– Я тебя понимаю, – говорит Ной.

– Правда?

– Ага. У меня те же чувства вызывают музыкальные инструменты. Очень грустно видеть старые гитары в комиссионных. Они существуют, чтобы на них играли, а не чтобы пылиться в магазинах.

– А куклы – чтобы *с ними* играли.

Наши глаза встречаются, мы обмениваемся улыбками, и у меня возникает необычное чувство, будто в эту секунду невидимые части меня и Ноя соединились, как два кусочка паззла.

Мы подходим к прилавку в дальнем углу магазина, за которым сидит и читает книгу пожилой мужчина с подкрученными седыми усами.

– Да? – вопрошают он, не отрываясь от чтения.

– Мы пришли забрать диадему, – говорит Ной, крутя в руках обрывок бумаги, который дала ему мама. – Для свадьбы.

– Уже? – Мужчина неспешно откладывает книгу и смотрит на нас поверх очков.

Мы с Ноем переглядываемся и едва сдерживаем смех.

– Не рановато вам о свадьбе думать? – Мужчина испытывающе смотрит на нас.

– Это не для нашей свадьбы, – объясняет Ной.

– Нет, мы не женимся! – вскрикиваю я, пожалуй, слишком эмоционально.

Ной притворно хмурится.

– Хочешь сказать, ты за меня не пойдешь?

– Нет... то есть да... Я...

Мое лицо багровеет, проходя все оттенки красного.

– И это после проведенных вместе, – Ной смотрит на часы, – почти двух часов?

– Прости, – подыгрываю я Ною. – Мы знаем друг друга очень давно, но я еще не готова на такой шаг.

Ной смотрит на продавца и вздыхает:

– Мое сердце разбито. РАЗБИТО.

Мужчина поднимает седые брови, еще раз оглядывает нас, качает головой и скрывается в подсобке магазина.

– Куда он ушел? – спрашиваю я Ноя.

Он пожимает плечами.

– Твоя жестокость ранила старичка. Наверное, он сидит сейчас в уголке и плачет.

– Вот она. – Хозяин магазина возвращается, держа в руках плоскую квадратную коробку. Он кладет ее на прилавок и поднимает крышку. Внутри, на бледно-розовой сатиновой подушке, лежит диадема, украшенная капельками жемчуга кремового цвета. Украшение – не хуже королевского. Больше за маму и Синди можно не волноваться.

– Она великолепна, – вздыхаю я, и Ной согласно кивает.

– Если не ошибаюсь, мама уже заплатила за нее по карте, – обращаюсь я к продавцу.

– Заплатила. – Он закрывает коробку и кладет ее в небольшой бумажный пакет.

– Спасибо, – одновременно говорим мы с Ноем.

– Пожалуйста, – ворчливо отвечает мужчина, снова углубляясь в книгу.

– Хорошего дня, – добавляет Ной чересчур слашивым голосом.

Продавец не говорит ни слова.

– Какой он дружелюбный, – иронично шепчу я Ною, подходя к двери.

– Скромное обаяние Нью-Йорка, – шепчет он в ответ.

Я протягиваю руку, чтобы открыть дверь, но Ной ловко делает это вперед меня.

– Не думай, не все ньюйоркцы такие.

И от того, как он это произносит, у меня по спине бегут мурашки.

Глава девятнадцатая

Холодный воздух успокаивает учащенно бьющееся сердце. Небо затянуто снежными тучами, и люди спешат, низко опустив головы в борьбе с морозным ветром.

– Есть хочешь? – спрашивает Ной.

Я киваю. По правде говоря, я просто умираю с голода.

– Хорошо, я знаю одно местечко, в котором есть и еда, и приключения. – Ной так улыбается, что по спине снова пробегают мурашки.

– Еда и приключения, говоришь? – Я надеюсь, что шутливый тон поможет мне прийти в себя.

– Ага. Это место просто создано для Дня волшебных случайностей.

– Тогда едем немедленно.

Мы направляемся к машине, и я замечаю, что девушка из букинистического стоит сейчас у входа в кафе и болтает по телефону. Она замечает нас и снова не может оторваться от Ноя.

– Вон та девушка, которую я приняла за твою знакомую.

Ной мельком смотрит на нее и натягивает шапку по самые брови.

– Первый раз ее вижу, – фыркает Ной и ускоряет шаг.

Мы проходим мимо девушки, и я пытаюсь ее получше рассмотреть.

– Это точно он! – оживленно щебечет она, не спуская глаз с Ноя. И тут я понимаю, в чем дело. Ной очень яркий парень, и для него такое внимание, должно быть, обычное дело. Он же взгляды девчонок как магнит притягивает. В груди жжет от обиды. И на что такая, как я, может надеяться? У Ноя наверняка есть девушка. Да нет, у него точно есть девушка. Как не может быть девушки у парня с такими скулами и такой улыбкой?

– Что погрустнела? – спрашивает Ной и садится за руль.

– Тебе показалось, – отвечаю я самым беззаботным голосом, отвернувшись к окну.

Девушка идет в нашу сторону, держа в руках телефон.

– Так, поехали, – предупреждает Ной, быстро выезжая на дорогу.

Я инстинктивно хватаюсь за сиденье, но, на мое счастье, звонит мобильный, и я отвлекаюсь на разговор с мамой.

– Она у тебя? – спрашивает мама, даже не поздоровавшись.

– Да, и она очень красивая, – отвечаю я. – Лучше той, что поломалась.

Я слышу, как мама облегченно вздыхает.

– Мы с Ноем хотели пообедать, – говорю я, надеясь, что мама не попросит меня вернуться и помочь со свадебными приготовлениями.

– Что тытворишь! Милая, подожди секунду.

– Ладно.

В трубке раздается детский смех.

– Нельзя танцевать на столе! – возмущается мама. – Извини, Пенни. Эти девочки-цветочницы ни секунды не сидят на месте. Что ты хотела сказать?

– Можно я пообедаю вместе с Ноем?

– Нет! – вскрикивает мама. – Только не испачкай шоколадом платье! О, Пенни, если их мамы не вернутся, я с ума сойду. Конечно, ты можешь пообедать с Ноем. Папа написал мне, что они с Эллиотом пошли в кино на Таймс-сквер. Так что не спеши, отдохнешь немнога, – мечтательно говорит она. На заднем фоне раздается неистовый детский визг.

– Спасибо, мам, я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. Нет! Не смей есть цветы!

Теперь мы едем по промышленному району. В просветах между домами мелькает река.

– В Багдаде все спокойно?

– Да. Мама, правда, на грани нервного срыва. Но она разрешила мне гулять сколько захочу.

– Офигенно. То есть, я радуюсь, что тебе разрешили погулять, а не потому что у твоей мамы нервный срыв. Но не переживай за нее, рядом с Сейди Ли невозможно волноваться. Она как уютное одеяло, которое еще и кексы печет, и разговорами отвлекает.

– Да, она – идеальная бабушка.

– Это точно.

Ной говорит это так серьезно, что я поворачиваюсь заглянуть ему в лицо. Ной смотрит на дорогу ничего не выражаящим взглядом.

– На следующей развилке я поверну налево. А оттуда – рукой подать.

Мы въезжаем на какие-то пустынные склады. Ни одно из зданий не сулит ни перекуса, ни развлечений. Я надеюсь, что за углом мы вывернем на полную кафе и магазинов центральную улицу какого-нибудь небольшого квартала.

Но, когда мы заезжаем за угол, моему взору открывается заставленная мусорными контейнерами промышленная свалка, по которой ветер гоняет колючки перекати-поля. Ладно, про перекати-поле я придумала, но место было и впрямь пустынное.

Ной останавливается у заброшенного склада. Осыпающиеся стены покрыты выцветшими граффити, напоминающими старые татуировки. Почти все окна заколочены железными листами, на некоторых – тяжелые решетки. Даже редкие деревья кажутся заброшенными: голые, тонкие ветки на фоне желтых кирпичных стен.

– Немного подозрительное на вид место, – говорит Ной. Эта фраза заслуживает приза в номинации «преуменьшение года». – Но то, что внутри, тебя удивит.

– Мы идем внутрь этого... сарая?

Раньше я такие дома видела только в страшных сценах из фильмов ужасов. И там всегда прятались психопаты, вооруженные до зубов. Например, бензопилой.

Ной смеется, глядя на меня.

– Тебе там понравится, поверь мне.

Я подозрительно смотрю на Ноя. А что, если он все-таки сумасшедший, без метафор?

– Но что... что это? – запинаюсь я.

– Я приглашаю тебя в тайное кафе для художников.

– Правда? – Мне становится интересно; я верю Ною.

– Да, никто о нем не знает. Его нигде не рекламируют. Вход – только для своих.

– Тогда откуда о нем знаешь ты? – уточняю я. Мне нравится идея сходить в закрытое кафе, куда людей с улицы не пускают, но сомнения еще остаются.

– У моего папы была здесь студия, – объясняет Ной, вынимая ключи из замка зажигания. – Этот дом полон художественных мастерских. В семидесятых здание пустовало и стало приютом для многих художников. А в девяностых его захотели снести, но вся местная богема взбунтовалась, и правительство сдалось, присвоив дому особый статус.

– Ого.

Ной одобрительно кивает.

– Вот это я понимаю, Нью-Йорк, – ностальгически произносит он. – Настоящий Нью-Йорк полон таких уголков. А еще это мое самое любимое место на свете.

Мысль о том, что Ной позвал меня в свое самое любимое место, приводит в трепет.

– И оно идеально подходит для Дня волшебных случайностей. О нем нельзя рассказывать, и пирог тут тоже есть.

– Идеально, – вторю я Ною, и он расплывается в улыбке.

Мы выходим из машины, и от сильного ледяного ветра меня пробирает дрожь.

– Замерзла?

– Немного.

– Надо тебя согреть. – Ной снимает с шарф и обматывает его вокруг моей шеи.

Он подошел так близко, что я не могу пошевелиться и смотрю на свои ботинки. Потом поднимаю на него глаза, и наши взгляды встречаются на долю секунды.

Щелк – совпали еще два кусочка пазла из мозаики наших душ.

– Пойдем. – Ной аккуратно кладет руку мне на поясницу и подводит к дыре в заборе, окружающем здание.

Мы спускаемся по невысокому крутым склону, покрытому сорняками и осокой, и подходим к большой железной двери. Рядом с ней – старый кодовый замок. Ной нажимает комбинацию цифр, слышится щелчок. Он открывает дверь и пропускает меня вперед. Мы оказываемся в коридоре, цементные стены которого освещают неприятно мерцающие люминесцентные лампы. Только граффити на стенах радуют глаз. Они совсем не похожи на поблекшие рисунки снаружи здания. Эти граффити – настоящее искусство, удивительные фрески, украшающие коридор.

Внезапно в стене открывается дверь, и нам навстречу выходит женщина. Она одета в пестрое платье, а забранные назад волосы заплетены в сотню косичек. Мне сразу же становится спокойнее от вида этой яркой и улыбчивой девушки.

– Ной! – радостно вскрикивает она.

– Привет, Дороти, как идут дела?

– Замечательно. Только что узнала, что две работы приняли на выставку в центре.

– Поздравляю.

Ной крепко обнимает женщину и снова поворачивается ко мне.

– Это моя подруга Пенни. Прилетела к нам из далекой Великобритании. Хочу угостить ее обедом в особенном месте.

Дороти дружелюбно улыбается мне.

– Значит, ты привел ее по адресу. Добро пожаловать в Нью-Йорк, Пенни.

– Спасибо.

– Ладно, позже увидимся, надо бежать на встречу, в галерею. Поздравляю, Ной. Я тобой горжусь.

Дороти обнимает Ноя на прощание, и он, кажется, чем-то смущен.

– Пойдем, обед не ждет.

Я иду вслед за Ноем по длинному коридору, в конце которого видно лестницу.

– Кафе – в подвале, – объясняет Ной, придерживая передо мной дверь.

– Почему Дороти тобой гордится? – спрашиваю я его, спускаясь по бетонной лестнице.

– Она просто шутила.

– В каком смысле?

– Наверное, потому что я пришел с тобой.

Я непонимающе смотрю на Ноя.

– Потому, что ты – девушка, – поясняет Ной, а его щеки розовеют. – Она вечно говорит, что мне надо кого-нибудь найти. Не то, чтобы ты была моей девушкой, – торопливо добавляет он, и щеки его становятся пунцовыми.

– Нет, – соглашаюсь я, и наши взгляды встречаются на долю секунды.

Ной пожимает плечами и идет дальше.

А я не могу сдержать радость и просто свечусь от макушки до кончиков пальцев. Несмотря на то, что Ной – «рокзвездический», живет в другой стране, на другом континенте, и несмотря на то, что через два дня я уеду домой и больше с ним не увижуся, мне хочется прыгать от радости. У него нет девушки!

Глава двадцатая

Мы спускаемся по лестнице, и Ной подводит меня к еще одной двери.

– Сначала будет темно, – предупреждает Ной. – Готова?

Я киваю, но видимо, с очень напуганным лицом, потому что Ной сразу же берет меня за руку.

– Не волнуйся, – ободряюще говорит он. – Если сразу включу свет, не будет нужного эффекта.

– Хорошо, – соглашаюсь я сама не знаю на что, но это не важно. Сейчас мне просто хорошо, ведь моя рука – в его крепкой и теплой руке.

– Идем? – спрашивает Ной.

– Да.

Щелкает выключатель, и мы попадаем в волшебный подводный мир. Стены коридора расписаны люминесцентными красками, и кажется, что мы на самом дне моря: кругом светящиеся рыбы, раковины и изумрудные нити водорослей.

– Это особый тип краски, которая светится от ультрафиолетовых ламп. Тебе нравится? – Ной с надеждой смотрит на меня.

– Очень, – отвечаю я, медленно поворачиваясь вокруг, чтобы все внимательно разглядеть. Каждая рыбешка, ракушка, каждая мелкая деталь тщательно прорисована. Невероятная работа.

– Что ты чувствуешь? – тихо спрашивает Ной.

– Что я чувствую?

– Да. Папа мне всегда велел спрашивать себя, что я чувствую при виде искусства.

Я перевожу взгляд с Ноя на светящиеся стены.

– Умиротворение. Мне кажется, что я попала в волшебный мир и превратилась в русалку. – Есть в этой темноте что-то такое, что позволяет мне свободно высказывать свои мысли, а не обдумывать каждое слово.

– Ты похожа на русалку, – говорит Ной.

– Правда?

– Да, у тебя тоже длинные кудрявые волосы.

Я улыбаюсь. Столько лет я переживала, что мои волосы слишком рыжие, слишком длинные, слишком кудрявые. Первый раз за все время я начинаю думать, что не было никаких «слишком».

– Но я рад, что у тебя нет чешуйчатого хвоста, – говорит Ной и скимает мою руку.

Я не забыла сказать, что он до сих пор держит меня за руку?

Меня снова переполняет трепет, словно множество маленьких фей восторженно машут крыльшками у меня в животе.

– Да, я этому тоже рада, – мягко говорю я.

– Иди за мной, я хочу тебе кое-что показать.

Ной проводит меня вдоль расписанной подводными пейзажами стены, мимо изображения сундука, полного золотых сокровищ, и мимо старого якоря с надписью «Титаник».

– Видишь эту морскую звезду? – Ной показывает на ярко-бирюзовую улыбающуюся звездочку.

– Да.

– Я ее нарисовал.

– Да? Правда? Ты все здесь расписал? – восхищенно спрашиваю я.

Ной мотает головой.

– Нет, это все мой папа нарисовал, а я – эту морскую звезду. Мне тогда только-только десять стукнуло.

– Наверное, тебе было жутко интересно.

– Еще как. Но папа не давал мне смотреть на картины под ультрафиолетовым освещением, пока не закончил последнюю. Потом он привел меня сюда в полной темноте, совсем как я тебя, и включил лампы. Никогда не забуду этот момент.

Ной улыбается, но глаза его почему-то грустны.

– Понимаю. Я тоже запомню это навсегда.

Ной смотрит на меня так, будто решается мне что-то сказать, но внезапно отпускает мою руку со словами:

– Пойдем, давно пора перекусить.

Я иду вслед за Ноем по волшебному морскому дну и пытаюсь понять, что же сейчас произошло. В конце коридора нарисован осьминог с щупальцами, раскрашенными во все цвета радуги. Подойдя поближе, я улавливаю шум голосов и дребезжание посуды.

Ной поворачивается ко мне с улыбкой и спрашивает:

– Ну что, готова?

– Да.

Он протягивает руку к голове осьминога и поворачивает нечто, похоже на нос. Распахивается потайная дверь. Выходит, нос осьминога – это дверная ручка. Ной делает знак, чтобы я шла за ним. Я иду следом и даже не могу представить, что меня ждет впереди. Я чувствую себя Алисой, падающей в кроличью нору. Если, шагнув за дверь, я окажусь на безумном чаепитии, то ни капельки не удивлюсь.

– Вот это да!

Я прищуриваюсь, чтобы получше разглядеть темную комнату. Старомодные стулья из разных гарнитур стоят вокруг тяжелых столов. В центре каждого мерцает огонек, и воск стекает прямо по винным бутылкам, в горлышках которых, как в подсвечниках, стоят свечи. Если не считать нескольких светильников, распределенных по комнате, то это – единственный источник света. Стены выкрашены в насыщенный красный и увешаны картинами и фотографиями в рамках. Здесь не только все выглядит стильно, но и пахнет просто потрясающе: от запаха пряностей, томатов и свежеиспеченного хлеба текут слюнки.

– Любишь пасту? – спрашивает Ной.

Я только киваю, не в силах что-либо сказать, просто упиваясь атмосферой зала.

– Класс, здесь готовят лучшую пасту. Их шеф-повар из Италии свое дело знает. Давай присядем.

Ной проводит меня за столик в небольшой нише, и мы утопаем в мягкому кожаному диванчике, улыбаясь друг другу.

– Счастливого Дня волшебных случайностей, – говорит Ной.

– Это был лучший День волшебных случайностей в моей жизни, – отвечаю я.

– Он еще не закончился.

Ной берет со стола небольшую книжечку и пододвигается ко мне, чтобы обоим было видно меню. Мы снова так близко, что я ни о чем не могу думать, а все надписи меню сливаются в одну.

– Они делают вкуснейшую лазанью.

Я поворачиваюсь к нему, и в голове только одна мысль: «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ». На секунду мне кажется, что Ной думает о том же: он смотрит мне в глаза и едва заметно подается вперед. Но тут к нашему столу подходит какой-то парень. Момент упущен.

– Какие люди! Ной! – восклицает вытянутый щуплый паренек в свисающих джинсах и футболке с крупным принтом. – Сколько лет, сколько зим! Чем живешь?

– О, ну ты знаешь, все дела, дела...

– Знаю, – улыбается парень.

– Пенни, это – Антонио. Антонио, это – Пенни. Она проделала неблизкий путь из Великобритании, чтобы побывать здесь. Не разочаруй ее.

– Серьезно? – спрашивает меня парень, и я киваю в ответ.

– Ну тогда, ребята, вы должны попробовать мои новые тефтели. – Он

приседает на край стола и наклоняется к нам. – Рецепт подливы из высушенных на солнце помидоров рассказала мне моя бабушка, а ей – ее. За пределами Италии вы такого не найдете.

– Идет, ты меня уговорил, – отвечает ему Ной. – А ты, Пенни, что скажешь?

– Звучит аппетитно.

– Чувак, акцент у нее супер, – Антонио подмигивает Ною, а я краснею до кончиков ушей.

Приняв заказ, Антонио уходит, а я еще раз осматриваю кафе. Обедающих здесь немного, в основном – хипстеры в узких джинсах и выцветших футболках. Сидят или уткнувшись в ноутбук, или увлекшись разговором. Пожалуй, это самый неформальный ресторан из всех, что я посетила.

– Здесь так круто, – вслух думаю я.

– Я знал, что тебе понравится.

– Да ну, откуда?

– Потому, что *мне* тут нравится.

Я вопросительно поднимаю брови.

– У нас с тобой много общего.

– Думаешь?

– О, да.

И именно в тот момент, когда мне кажется, что должно произойти нечто особенное, что Ной должен мне сказать нечто важное, он отодвигается в сторону со словами:

– Я сейчас вернусь.

Я смотрю Ною вслед и решаю обдумать происходящее. Сегодняшний день никак не укладывается в привычные рамки. По всем законам природы девушка, явившая миру труселя в единорогах, не может сидеть в *таком* ресторане с *таким* парнем. Но с другой стороны, нам с Ноем так хорошо вместе, что меня совсем не волнует, как там должно быть «по всем законам».

Мимо нашего столика проходит девушка. Она опускает монету в старый музыкальный аппарат, и он начинает проигрывать песню «What a Wonderful World»^[10]. Ее звучание наполняет меня счастьем, в душе – звездопад. Эта мелодия – счастливая песня моего папы. Он всегда включает ее, если в его жизни произошло что-то радостное. Мне так хорошо, что на глаза наворачиваются слезы счастья.

– Пенни за то, чтобы узнать, о чем ты задумалась.

– Маловато, – улыбаюсь я.

– О как. И сколько же стоят твои мысли?

– Тебе это не по карману.

– Да? А я готов тебе рассказать свои мысли за один британский пенни. – Ной хитро прищуривается.

– Всего-то? – Я нащупываю в сумке кошелек и достаю из него монетку. – Тогда рассказывай.

– Я думал, что мне очень повезло, что я сегодня утром подвез Сейди Ли до работы. Мне повезло, что я не ушел сразу, а задержался поиграть на той гитаре.

– Да? – Сердце у меня бешено бьется.

– Ага. Гитара определенно была что надо.

Он красноречиво улыбается и отворачивается в сторону.

Глава двадцать первая

– Твоя очередь, – говорит Ной, протягивая монетку мне обратно.
– Что?
– Твоя очередь открывать свои мысли за пенни.
– Нет, я же сказала, тебе они не по карману.
– Нет-нет, – Ной настроен решительно. – Если человек рассказал тебе, о чем думает, то ты должна рассказать, о чем сама думаешь, и за ту же цену. Таковы правила.

– Разве есть такие правила? – Я преувеличенно хмурю брови, а сама судорожно соображаю, что ответить. Не могу же я сказать, что думала «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ». Он решит, что я ненормальная. Надо что-то придумать. Но я не мастер сочинять искрометные ответы на такие внезапные вопросы парней. На всякий случай строго-настрого запрещаю себе говорить про блох.

– Ну же, – торопит Ной, вкладывая монету мне в руку.
Не придумав ничего лучшего, я говорю правду:
– Я думала о том, какой сегодня чудесный день. – Мой внутренний голос тут же обвиняет меня в чрезмерной прямоте.

Ной снова пододвигается близко-близко, но я не решаюсь поднять на него глаза, опасаясь, что неверно истолковала этот жест.

– Мне кажется... – начинает Ной.

– Йоу! Вот и тефтели!

Мы оба подскакиваем от голоса Антонио. Он опускает на стол две тарелки, от которых поднимается пар. В другой ситуации я восхитилась бы этим блюдом, но сейчас я всем сердцем ненавижу эти мясные тефтельки, политые дурацким фирменным соусом.

Неужели нельзя было принести их на минуту позже? Неужели нельзя было дать мне дослушать, что хотел сказать Ной. Но это еще не самое ужасное. Антонио не отходит от нашего стола целых ПЯТЬ МИНУТ! И все рассказывает, как его прапрабабушка выращивала самые лучшие «помидорки» и как люди со всего Неаполя приезжали только для того, чтобы попробовать ложечку ее особенной подливы. Когда он наконец уходит на кухню, романтический момент очередной раз бездарно упущен.

Я пытаюсь намотать спагетти на вилку и отправить их в рот, но половина разматывается на полпути. И конечно, именно в эту самую секунду ко мне обращается Ной.

– Как тебе тефтели?

– Ммм, вкусно, – бубню я с набитым ртом, безуспешно пытаясь сохранить невозмутимый вид. Будто меня совершенно не волнует, что у меня изо рта свисают длинные, сантиметров пятнадцати, червяки-макаронины.

Ной переводит взгляд на свою тарелку, и я пытаюсь поскорее втянуть спагетти, сложив губы трубочкой. Ровно в этот момент – ну кто бы сомневался! – музыкальный автомат заканчивает песню, и в абсолютной тишине раздается громкий причмокивающий звук. И издаю его я, засасывая спагетти, которые забрызгивают мне все лицо томатной подливкой.

Ной смотрит на меня, но вместо того, чтобы высмеять или смутиться, он цепляет на вилку спагетти и шумно их втягивает. Капля томатного соуса попадает ему на лоб. Мы смотрим друг на друга и покатываемся со смеху. Теперь я не просто считаю Ноя убийственно красивым и похожим на рок-звезду – он мне нравится. *По-настоящему*. И это куда как важнее.

– Дай-ка я тебе помогу, – говорит Ной и берет салфетку.

Он пододвигается вплотную ко мне и стирает каплю томатной подливы под глазом. И над глазом. И со лба. И с подбородка. И с верхней губы. И с нижней губы. И...

– Неужели? – Я пристально смотрю на Ноя. – Хочешь сказать, у меня все лицо в томате?

– Нет, мне просто нравится вытираять девушки салфеткой. Такой вот фетиш. Не бойся, мой психиатр сказал, что это не опасно.

Мы вновь смеемся. Я тоже беру салфетку и стираю красный соус с его лба.

– А, так у тебя такой же фетиш? – хочет Ной. – Я же говорил, что у нас много общего.

Отложив салфетки, мы продолжаем есть. Меня переполняет радостное волнение, даже в пальцах ног приятно покалывает.

– Твой пapa сейчас тоже рисует? – спрашиваю я, намереваясь разузнать о Ное как можно больше.

Ной не отвечает: он перестал есть и уставился в тарелку.

– Нет, не рисует. Мой пapa... Он умер. И мама тоже.

Я откладываю вилку и нож в сторону, мне не по себе.

– Извини, пожалуйста. Я и представить не могла.

– Я понимаю. Не страшно, – отвечает Ной с таким подавленным видом, что мне хочется стукнуть себя за мой глупый вопрос. – Они умерли четыре года назад. Так что теперь я об этом спокойно говорю.

Я не могу подобрать слова. Даже представить сложно, что со мной стало бы, если бы я потеряла одного из родителей, или еще хуже – обоих. Я вздрагиваю от одной этой мысли.

– Так ты сейчас живешь с Сейди Ли?

– Да, мы с моей младшей сестренкой Беллой живем у бабушки.

– У тебя есть сестра?

– Ага, – отвечает Ной, и его лицо сразу же смягчается.

– А сколько ей?

– Четыре, почти пять уже.

– Четыре? Но получается...

– Она была совсем крошечная, когда их не стало.

– Какое несчастье.

– Согласен. Но Сейди Ли стала для нее как родная мать, а я пытаюсь быть лучшим в мире старшим братом. – Ной отодвигает тарелку и, смотря мне прямо в глаза, продолжает. – Они погибли, когда катались на лыжах, их накрыла лавина. Когда это случилось, весь мир для меня перевернулся. У тебя когда-нибудь было такое, что ты спишь, смотришь офигенный сон, а он вдруг превращается в кошмар?

Я киваю – еще как понимаю, в последнее время все мои сны этим и заканчивались.

– То же самое происходило со мной в реальности. Вся жизнь до несчастного случая казалась радостной и беззаботной, но в одно мгновение превратилась в сплошной ужас. Так что я понимаю, что ты почувствовала в машине. Автокатастрофа показала тебе, как легко можно все потерять.

– Точно!

Ной опять пододвигается ко мне.

– Окей, я расскажу тебе одну историю, и вообще-то я стесняюсь говорить. Хотя, чего мне тебя смущаться, я же видел, как ты вся забрызгалась соусом прапрабабушки Антонио.

Теребя край салфетки в руках, Ной продолжает:

– Когда мама с папой умерли, я стал страшно нервным. Я так боялся, что с Беллой или Сейди Ли что-то случится, что все время проверял, как они, если меня не было рядом. Разлука доставляла мне много страданий, я сидеть спокойно не мог, если они были одни, без меня.

– Ты до сих пор так волнуешься?

– Нет, слава богу. Сейди Ли поняла, что со мной творится что-то неладное, и уговорила обратиться к психологу.

– И это тебе помогло?

– Да, это и еще то, что я много писал.

Я вспоминаю о потрепанном блокноте в машине Ноя.

– А что ты писал?

– Просто мысли, страхи, все такое. Легче становится, когда обо всем напишешь.

Я вспоминаю, как мне помогли недавние посты в блоге, и соглашаюсь.

– Помнишь, в машине я сказал тебе, что «время лечит»?

– Да.

– Когда мои родители умерли, мне это сказала Сейди Ли, и я на нее здорово разозлился. Но это так, время лечит. – Ной берет меня за руку и продолжает с ободряющей улыбкой:

– Ты тоже справишься. Вечно из-за аварии волноваться не будешь. Хочешь расскажу, что мне советовал психолог?

– Да, конечно.

– Не сопротивляйся.

– В смысле?

– Когда снова запаникуешь, не сопротивляйся своим чувствам. От этого будет в миллион раз хуже. Просто скажи себе: «Хорошо. Сейчас я волнуюсь, но это нормально».

– И поможет?

– Мне помогло. Психолог велела мне представить свой страх. Почувствовать, как он сидит внутри, где именно, какого он цвета и размера. А потом сказала: «Теперь смирись с ним и наблюдай».

– И что потом?

– Страх испарился.

– Ого.

С минуту мы сидим в тишине.

– Я не так представлял себе наш обед, – говорит Ной с извиняющимся видом. – Не обижайся.

– Ну что ты. Все было здорово. И этот разговор мне очень помог. Ты и представить не можешь насколько. До него я очень боялась, что схожу с ума.

– Нет, ты не сходишь с ума. Хотя ты, конечно, немного сумасшедшая.

– Сам такой, – улыбаюсь я.

В сумке звонит телефон. Мне не хочется его замечать, хочется остаться в этом единении с Ноем, но я не могу.

– Извини. Лучше мне ответить. Вдруг у мамы что-то срочное.

– Конечно.

Я смотрю на экран – Эллиот. Мучаясь от угрызений совести, я включаю автоответчик. Лучше я все объясню ему потом. Эллиот поймет. Я

прячу телефон обратно в сумку со словами:

– Все в порядке, это просто Эллиот.

– Кто такой Эллиот?

– Мой лучший друг. Он прилетел с нами. Они с папой сейчас смотрят город.

– Уверена, что не хочешь ему перезвонить?

– Нет, все в порядке. Мы вечером наболтаемся.

– Йоу-йоу-йоу! Как вам тефтели?

Боже, он серьезно?! Антонио нависает над нашим столиком с довольной улыбкой. Мне хочется вылить ему на голову соус его прарабабушки.

– Офигительно, – отвечает Ной.

– Да уж, вкуснятина, – процеживаю я.

– Супер! – Антонио присаживается на край стола, и мне хочется взмыть.

– Так что, Ной, ты у нас весь в делах, да?

– Ага.

Ной достает бумажник.

– Прости, чувак, пора бежать. Надо еще Пенни отвезти.

Антонио собирает посуду, а Ной достает из кошелька кипу долларовых бумажек.

– О-окей. Ты приходи еще, идет? Тебе здесь рады.

Ной кивает и поднимается из-за стола. Я тоже встаю, а в душе борются радость и грусть. Мне не хочется покидать это волшебное место, но с другой стороны, теперь мы с Ноем побудем вдвоем.

Мы прощаемся с Антонио и идем обратно в «подводный» коридор. На этот раз Ной не спешит включать подсветку.

– Пенни, я очень рад, что провел День волшебных случайностей с тобой, – говорит он так тихо, что я едва различаю слова.

– Я тоже рада, – шепчу я в ответ.

И когда Ной тянется к выключателю, то легонько задевает рукой мою руку. Он касается меня едва заметно, но все тело трепещет от этого прикосновения. Так рябь пробегает по глади озера от скользнувшего по воде камня.

Глава двадцать вторая

Мы выходим на холодный воздух, и кажется, что меня выдернули из глубокого сна. Я зажмуриваюсь от бледного зимнего солнца, сильно тру глаза и поворачиваюсь к Ною. Он отвечает улыбкой на мой взгляд, и я чувствую, что все изменилось: мы зашли в здание малознакомыми людьми, а теперь нас связывает невидимая нить.

– Хочешь еще куда-нибудь съездить? – предлагает Ной.

Я соглашаюсь, но тут звонит телефон. Ной достает из кармана мобильный и перед тем, как ответить, сообщает мне, что звонит Сейди Ли.

– Привет, ба. Да, все хорошо. Почему? Что-то случилось? А, ясно. Нет проблем, скоро будем.

– Все в порядке? – спрашиваю я с тяжелым предчувствием.

– Да, но они просят, чтобы мы вернулись. Твоя мама хочет посмотреть на диадему, а Сейди Ли – чтобы я подвез ее до садика Беллы. – Переминаясь с ноги на ногу, Ной продолжает: – Мы сможем увидеться еще раз? Когда ты уезжаешь?

– В воскресенье.

У меня опускаются руки: завтра я буду до поздней ночи занята на свадьбе, а утром в воскресенье мы улетим домой. Увидеться с Ноем еще раз мне не удастся.

– Во сколько в воскресенье?

– Рано утром, – отвечаю я, уставившись в землю.

– Не может быть! И что, это все?

Я печально киваю, а в мыслях злюсь. Разве это честно, что мы больше не увидимся? Разве честно, что я встретила такого веселого и доброго, подходящего мне человека, но у меня всего один день, чтобы с ним пообщаться? Как несправедливо!

– Что ж, значит буду планировать поездку в Великобританию на следующие каникулы, – улыбается Ной.

Приходится напрячь все лицевые мышцы, чтобы растянуть рот в ответную улыбку.

Мы садимся в машину и едем в отель.

Всю дорогу назад меня гложет печаль и разочарование, но я стараюсь не подавать вида. Ной опять комментирует все повороты и светофоры, мы о чем-то болтаем, но в голове вертится только одна мысль: «Это несправедливо!». Когда мы въезжаем на парковку отеля, я едва сдерживаю

слезы.

– Знаешь, что такое «переломный момент»? – спрашивает Ной, заглушив мотор.

Отрицательно качаю головой.

– Это такой момент в начале фильма, когда с главным героем случается что-то, навсегда меняющее его жизнь. Ты смотрела Гарри Поттера?

Киваю.

– В переломный момент жизни Гарри Хагрид вручает ему приглашение в Хогвартс и говорит, что тому суждено стать великим волшебником.

– Ясно.

Ной опускает глаза и смущенно говорит:

– Я думаю, ты для меня им стала.

– Кем? Волшебником?

– Нет же! Моим переломным моментом.

Я внимательно смотрю на Ноя. Тусклое освещение подземной парковки подчеркивает его острые скулы.

– Что ты хочешь сказать? – уточняю я, не веря, что правильно его поняла.

– Я хотел сказать, что это, возможно, начало чего-то большего.

Молчание.

– Мне кажется, ты тоже мой переломный момент, – говорю я, осторожно улыбаясь.

Мы поднимаемся в зал для торжества, и меня очень удивляет, что ни мама, ни Сейди Ли не замечают произошедшей перемены. Мне кажется, я свечусь от радости и счастья, как одна из нарисованных подводных рыбок, но мама и Сейди Ли слишком заняты: они водружают на свадебный торт помадную фигурку жениха и невесты в нарядах двадцатых годов.

– Эллиот с папой вернулись, они наверху, – говорит мама.

– Хорошо.

Мы с Ноем переглядываемся, и между нами словно проскаивает искра.

– Готов отвезти меня к Белле? – обращается Сейди Ли к Ною.

От мысли, что он уезжает, у меня щемит сердце, но другая мысль греет: мы с Ноем – переломные моменты в жизни друг друга. А значит, это не последняя наша встреча.

– Готов, – отвечает Ной, и лукаво улыбается мне. – Спасибо за

приятную компанию.

– И тебе.

Ной разводит руки, чтобы меня обнять, а я, один только Бог Неловких Моментов знает почему, протягиваю ему руку для дружеского удара кулаком. Я в жизни ни с кем так не прощалась.

– Ой. – Ной замечает мою сжатую ладонь и тут же ударяет кулаком о мой кулак. Потом он обхватывает мою руку, притягивает к себе и погангстерски хлопает по плечу.

– Я тебе позвоню, – шепчет он мне в самое ухо.

Киваю и отворачиваюсь, чтобы скрыть смущение.

А потом они с Сейди Ли уезжают. Не успеваю я показать маме диадему, как у нее звонит телефон.

– Привет, Синди, – отвечает мама и вопрошающе смотрит на меня.

– Вот диадема, – говорю я одними губами, оставляя коробку на столе. – Я к себе в комнату.

Мама кивает головой, и я выхожу из зала. Когда я подхожу к лифту, от Ноя приходит сообщение.

Спасибо за офигенный день.

Напишу еще, но позже.

Н.

Я тут же печатаю ответ:

ТЕБЕ спасибо xxx

Я перечитываю эсэмэс, и она мне не нравится. Слишком много поцелуев в конце, а Ной мне ни одного не прислал. Удаляю поцелуйчики. Теперь ответ звучит недружелюбно, даже грубо. Я ставлю в конце смайлик, но он смотрится слишком по-детски. Может, подмигивающий подойдет? Нет, подумает еще, что я на что-то намекаю. Я стираю смайл и ставлю подпись «П.». Выходит, что теперь я подражаю эсэмэске Ноя. Нет, надо показать, что у меня есть свой оригинальный стиль. Три лифта успевают уехать без меня, а я все стою у дверей, печатаю и стираю сообщения. Как же подчеркнуть свою необычность, но при этом звучать легко и дружелюбно, но не легкомысленно? В итоге я останавливаюсь на варианте «Тебе спасибо, Пенни» со смайликом «молодец» в конце. Я довольна эсэмэской ровно до тех пор, пока не нажимаю «отправить».

Я поднимаюсь в свой номер и сразу же иду в смежную комнату.
— Эллиот, ты здесь?

Я распахиваю дверь и вижу, что Эллиот крепко спит, уткнувшись лицом в подушку. Я беззвучно прикрываю дверь и забираюсь в свою кровать. Просто лежу и смотрю в потолок, пытаясь как можно дольше не терять ощущения чуда. Я закрываю глаза, обнимаю подушку и снова прокручиваю в голове сегодняшний день. «Спасибо, спасибо, спасибо», шепчу я Богу Неловких Моментов.

Убедившись, что уснуть от переполняющих чувств мне не светит, я иду к чемодану и достаю ноутбук. Не заходя на почту и в соцсети, я загружаю свой блог. У поста про страхи уже больше 400 комментариев. Я отвечаю девушке, которая написала о проблемах своей мамы с алкоголем, и ставлю лайки всем остальным. А потом начинаю писать новый пост.

* * *

22 декабря Из кошмара в сказку

Привет, друзья!

Вы просто потрясающие! Я сейчас читала комментарии на мою последнюю запись и буквально плакала от счастья. До того как я начала вести этот блог, мне было очень одиноко. Я была уверена, что меня никто не понимает (кроме Вики, конечно). Но, прочитав ваши комментарии, я осознала, что где-то есть сотни, может даже тысячи (!) людей, чувствующих то же, что и я.

Я так этому рада!

Я больше не грущу, что я одна как ветер в поле (...так ведь говорят, да?)

Теперь я знаю, что не только я каждый день борюсь с этой непростой штукой под названием «жизнь».

Спасибо, что вы честно рассказали про свои страхи и так смело стали с ними бороться.

Обязательно запостите свои достижения, чтобы вновь прочитавшие эту тему осмелились взглянуть в лицо собственным кошмарам.

А теперь я должна кое-что рассказать. После того дня, когда я решила взглянуть страху в глаза и полететь на самолете, кое-что успело произойти.

Кое-что удивительное.

Помните, я вам рассказывала, что мы с Вики придумали фразу «потерять туфельку»?

У меня, как и у Золушки, потеря туфельки закончилась хорошо. Да так, как я и мечтать не смела.

Я даже подумала, что как только мы решаем побороть свой самый

большой страх, то попадаем в параллельную вселенную. Такое место, где может случиться самое невероятное. Я, например, познакомилась с парнем.

С парнем, который мне безумно нравится.

И, по-моему, я ему тоже нравлюсь!

Если вы недавно подписались на мой блог (спасибо за это!), почитайте мои посты «Однокая Катастрофа» и «Проклятье ям». Убедитесь, что такого со мной не случалось. Никогда!

Я из тех, кто вечно спотыкается, падает и несет чепуху в присутствии парней. Я им никогда не нравлюсь. Не нравлюсь как девушка.

Сколько себя помню, мальчишки надо мной подшучивали, делали «крапивку» и не предлагали ничего, кроме дружбы.

Но сегодня утром я познакомилась с парнем (назовем его Бруклинский Парень), которому, кажется, понравилась по-настоящему. И самое удивительное, что мне не пришлось из себя ничего строить. Я просто была собой, и это его не оттолкнуло.

Когда мы с Бруклинским Парнем ехали в машине, со мной случился приступ паники. Прямо у него на глазах.

Но он и не подумал, что я какая-нибудь ненормальная. Даже дал мне отличный совет, которым я хочу поделиться с вами.

Сначала он сказал, что время лечит, что ничто не длится вечно, и даже самое плохое тоже когда-нибудь заканчивается. Он знает, о чем говорит: несколько лет назад двое его самых родных людей погибли.

Он рассказал, что после этой трагедии чуть с ума не сошел от страха потерять тех близких, что у него остались. Психолог, который его консультировал в этой ужасной ситуации, посоветовал ему один прием, которым я с удовольствием поделюсь с вами.

Итак, если вы почувствуете тревогу или страх, не надо им сопротивляться. Надо просто... представить их внутри себя.

Так что, если от ужаса сдавливает голову, крутит живот или жжет в груди, мысленно придайте этой эмоции размер и цвет. А потом скажите себе, что это нормально – не гоните свой страх, и он уйдет сам.

Я еще не пробовала этот прием, но Бруклинский Парень говорит, что ему помогло.

Предлагаю всем, кто поделился своими страхами, в следующий раз попытаться с ними побороться таким образом. А потом напишем, что из этого вышло.

Не знаю, есть ли у нас с Бруклинским Парнем будущее – через день я уже уезжаю, блин...

Но я чувствую, что мы удивительным образом связаны.

И я не хочу верить, что с моим отъездом все кончится и я его никогда больше не увижу.

В сказке очарованный Принц не сдался и искал Золушку долго-долго, пока не воссоединились и они, и туфельки.

Я верю, что если ты встречаешь человека, который принимает тебя такой, какая ты есть, и который нравится тебе таким, каков он есть, надо сделать все, чтобы этого человека не потерять.

Еще раз спасибо за вашу поддержку, люблю вас.
Продолжайте бороться со страхами и верить в чудеса!
Девушка Online уходит в offline xxx

Глава двадцать третья

– Годзилла тебя побери, что ты там натворила?

Я открываю глаза: Эллиот пристально смотрит сквозь очки с оправой из звезд и полосок американского флага.

– Который сейчас час? – Я приподнимаюсь, чтобы заглянуть в окно.

За окном темно, и Нью-Йорк сверкает миллионом огоньков, как витрина ювелирной лавки. Должно быть, я проспала полдня.

– Сейчас самое время рассказать, что произошло, – Эллиот бесцеремонно плюхается ко мне на кровать. – Кто такой этот Бруклинский Парень?

– Ммм... – Взгляд падает на брошенный на соседнюю подушку ноутбук, и я понимаю, о чем допытывается Эллиот, явно прочитавший мой последний пост.

– Я познакомилась с ним сегодня утром. Его бабушка отвечает за банкет на свадьбе.

– И теперь ты в него влюблена?

– Нет, я...

Эллиот достает из кармана телефон и начинает читать вслух: «Я верю, что если ты встречаешь человека, который принимает тебя такой, какая ты есть, и который нравится тебе таким, каков он есть, надо сделать все, чтобы этого человека не потерять».

У меня все сжимается внутри: саркастический тон Эллиота дает понять, что я перестаралась в выражениях. Может, я и правда все придумала? Теперь мне кажется, что сегодняшний день мне просто приснился.

– Ты пила? – Эллиот смотрит на меня поверх очков как строгий доктор.

– Нет!

– Общалась с сектантами?

– Нет!

– Тогда как ты могла влюбиться в первого встречного?

– Я в него не влюблена. – Разочарование окутывает меня как холодный туман. – Мы провели вместе весь день, и между нами появилась невидимая связь.

Какой бред! Теперь я говорю как сентиментальная актриса на шоу Опры. Эллиот так сильно сдвигает брови, что с него того гляди слетят очки.

– Невидимая связь?
– Да, у нас много общего.
– Так, а сколько ему лет?
– Восемнадцать.
– Где он учится?
– Нигде.
– Кем работает?

– Никем. Я точно не знаю. Я думаю, он решил год отдохнуть перед поступлением в университет. – У меня появляется чувство, что я на допросе у одного из родителей-юристов Эллиота.

– Ясно, ты встретила свою вторую половинку, но даже не узнала, чем он занимается.

– Мы всего пару часов провели вместе.

Эллиот ухмыляется, и это меня здорово раздражает. С каких пор он стал таким злым? А я-то еще хотела ему все-все про Ноя рассказать.

– Мы светских бесед не вели, – продолжаю я.

– Вот как. А родителям ты о нем рассказала?

– Нет! Они ничего не должны узнать. – Я бросаю тревожный взгляд на Эллиота – пусть только попробует им что-нибудь сболтнуть.

– Зачем ты тогда растрезвонила об этом на весь Интернет?

Я резко сажусь и пристально смотрю Эллиоту в глаза.

– Вовсе не на весь Интернет. Я просто упомянула о нем в блоге. Я хотела, чтобы его совет помог людям, которые решили побороть свои страхи.

Эллиот смотрит на меня еще пристальнее.

– А что же ты не написала, как я помог тебе в самолете? Где заметка про это?

И внезапно все становится ясно как день: Эллиоту обидно, что я про него не написала ни слова.

– Ну Эллиот, я же все время про тебя в блоге говорю. Помнишь, я рассказала, как ты помог мне купить платье на школьный бал? И твои десять советов по подбору осеннего гардероба. Я о них писала в блоге.

Эллиот обиженно смотрит на кровать.

– Поверить не могу, что ты рассказала о нем всему Интернету раньше, чем мне, – бурчит Эллиот. – Если бы я встретил человека, который принимает меня таким, какой я есть, ты бы узнала об этом первой.

Мне становится стыдно. Я подсаживаюсь к Эллиоту и беру его за руку.

– Я хотела тебе рассказать и целый день не могла дождаться возможности всем с тобой поделиться. Но когда я вернулась, ты крепко

спал.

Эллиот поднимает на меня глаза.

– Ты могла бы меня разбудить. Или перезвонить раньше.

– Извини. Глупо на меня теперь дуться. Все равно мы с Бруклинским Парнем больше не увидимся.

Повисает долгая неуютная пауза, и теперь Эллиот берет меня за руку.

– Ты меня извини. Просто когда я прочитал твой блог, мне стало неприятно, как если бы меня бросили.

– Я тебя никогда не брошу, ты мой лучший друг.

Я обнимаю Эллиота.

Мы с ним помирились, но на душе все равно грустно. Я так сильно хотела все рассказать Эллиоту, снова пережить этот волшебный день, но теперь я этого сделать не могу – он расстроится. Не успеваем мы и словом обмолвиться, как раздается стук в дверь.

– Эй, дочь моя, – кричит папа, изображающий американца еще хуже, чем Олли. – Ай-да ужинать?

Мы едем в Чайна-таун, в чудесный ресторан «Веселые палочки», где официанты – настоящие мастера пантомимы. Все их действия напоминают театральное представление: и то, как они помогают нам раздеться, и как ставят еду на стол. Но все же я не могу расслабиться. Эллиот снова стал собой, мама почти не нервничает из-за свадьбы, и только я беспокойно думаю о том, что зря написала в блоге про Ноя. Реакция Эллиота на мой пост тому подтверждение. Он ни разу с момента появления «Девушки Online» не отзывался о блоге плохо. Наверное, пост о Ное и впрямь звучал глупо и слишком восторженно. Наверное, я просто придумала нашу с Ноем невидимую связь.

К концу вечера я окончательно убеждаюсь, что надо стереть пост сразу же, как вернусь в свой номер. Каждый шаг по мягкому ковру в коридоре отеля отдается гулким «Удали, удали, удали».

– Что это лежит у твоей двери? – вдруг спрашивает мама.

«Удали, удали, удали».

– Что?

– Ты что, еду в номер заказала? – удивляется папа.

– Не похоже. Не так они приносят еду в номер, – шепчет Эллиот.

Я поднимаю глаза и вижу, что перед дверью моей комнаты стоит коричневая картонная коробка.

– Ой, надеюсь, это не бомба, – выдает Эллиот, смотря на нас взглядом, полным ужаса.

– Кому могло прийти в голову класть бомбу под дверью моего номера? – с сомнением отвечаю я.

– Не знаю. – Эллиот пожимает плечами. – Может, террорист случайно выбрал твою дверь.

Ерунда. Я, конечно, одна из самых больших неудачниц на Земле и вечно попадаю в дурацкие ситуации, но бомба, случайно оставленная именно у меня под дверью, – это слишком.

– Не бомба это, – успокаивает нас папа. – Наверное, коробку кто-нибудь оставил здесь по ошибке. Надо позвонить на ресепшен и узнать. Ой, что это? – Папа поднимает коробку: – Смотри, Пенни, – она для тебя.

У меня тут же начинает бешено колотиться сердце. Неужели она от Ноя? Кто еще может знать, где я остановилась?

Я подхожу к папе и беру у него посылку. Сверху прикреплена записка: «Для Пенни. Поздравляю с Сама-знаешь-каким днем! Н.»

– От кого? – подозрительно спрашивает папа.

– От Ноя, – говорю я и тут же заливаюсь краской.

– От кого?

– От Ноя.

– Я понял, но кто такой Нои?

– Он внук Сейди Ли, – объясняет мама. – Пенни и Нои вместе ездили за новой диадемой.

– А что в коробке? – интересуется папа.

– Не знаю, – говорю я под прицелом трех пар глаз, жаждущих увидеть, что лежит внутри.

– Я, пожалуй, пойду спать, – бормочу я. – Плохо себя чувствую.

Папа вопрошающе смотрит на маму, и она улыбается ему, словно говоря: «Все нормально, пусть идет».

– Увидимся утром, – с облегчением вздыхаю я и быстро достаю ключ-карту из сумки.

– Да, приятных снов, – отвечает мама.

– Но... – начинает Эллиот.

– Спокойной ночи, – скороговоркой произношу я и закрываю за собой дверь, пока никто не успел мне сказать ни слова больше.

Сердце стучит и не может успокоиться. Что же внутри? Проверяю мобильник – сообщения от Ноя не приходило. Я приоткрываю коробку и заглядываю внутрь. Блестящие рыжие волосы – это кукла!

Изнутри к коробке приkleен конверт. Я открываю его и достаю записку:

Дорогая Пенни!

Когда я вернулся в магазин, кукла рассказала мне свою заветную мечту. Она очень хочет, чтобы ее уドочерила добрая британская девушка с рыжими волосами и веснушками совсем как у нее. Мое сердце растаяло, и я не смог ей отказать, пусть из-за этого мне и пришлось второй раз за день общаться с Продавцом из Недружелюбного Ада. На этот раз он спросил: «Сынок, не поздновато ли тебе играть в куклы?» Я ответил, что очень надеюсь когда-нибудь достичь возраста, правильного с его точки зрения хоть для чего-нибудь. Хоть женитьбы, хоть кукол. А он и бровью не повел.

Еще я положил кусочек шоколадного пирога Сейди Ли. Чтобы ты неукоснительно соблюдала правила Дня волшебных случайностей и съела пирог после ужина.

H.

Я достаю куклу и завернутый в фольгу большой кусок пирога. Сажаю куклу на подушку, и мне кажется, что в ее стеклянных зеленых глазах – счастье. И вновь у меня внутри все радостно трепещет. Выходит, я и правда нравлюсь Ною. Выходит, связь между нами – не просто моя выдумка.

Глава двадцать четвертая

Я собираюсь написать эсэмэс Ною, но меня прерывает стук в дверь.

– Пенни, можно? – раздается голос Эллиота из смежной комнаты.

– Конечно.

Дверь отворяется, и входит Эллиот в пижаме и повернутой козырьком назад кепке клуба «Янкиз». Он снял очки, и без них его лицо кажется совсем узким.

– Привет, – говорит Эллиот, а сам оглядывает мою кровать, высматривая подарок от Ноя. Увидев куклу, он восклицает:

– Не может быть! Так это она была в коробке?

Я киваю головой и пытаюсь придать себе невозмутимый вид, но не могу сдержать довольной улыбки.

– Какая красивая!

Эллиот присаживается на кровать и берет куклу в руки.

– Да, мы ее сегодня видели в том антикварном магазинчике, в который ездили за диадемой. Я сказала Ною, что всегда расстраиваюсь при виде брошенных игрушек. И он приложил записку, в которой попросил меня удочерить эту куклу.

Я густо краснею и уже готовлюсь к колкому замечанию Эллиота, но он ничего такого не говорит, а продолжает улыбаться кукле и приглаживать ее рыжие волосы.

– А какое у нее платье! Похоже, викторианское. Сколько она стоила?

Пожимаю плечами.

– Полагаю, не мало. Это тебе не Барби.

– Это точно.

– Бог ты мой! И этот торт тоже он тебе прислал? – При виде шоколадного пирога, глаза Эллиота еще больше округляются.

– Да, его бабушка испекла. Она потрясающе готовит.

Эллиот сажает куклу обратно на подушку и с улыбкой говорит:

– Так-так-так. Я, кажется, начинаю понимать, почему ты в него влюбилась с первого взгляда. Начинай.

– Что?

– Расскажи, как все было.

Мы забираемся под одеяло, и я пересказываю Эллиоту весь мой сказочный день. Когда я дохожу до момента, где мы с Ноем стоим в темном коридоре, и его рука касается моей, Эллиот начинает взволнованно махать

руками в ожидании продолжения. Но я не рассказываю ему про «переломный момент» – это я хочу оставить только между мной и Ноем.

– Я сейчас в обморок упаду! – восклицает Эллиот, когда я заканчиваю свой рассказ. – Если все парни в Бруклине такие же, я переезжаю в Нью-Йорк при первой возможности!

Смеясь, я отламываю кусочек пирога Сейди Ли и отправляю его в рот. Он невероятно мягкий, будто бархатный.

– Извини, я сегодня вел себя как настоящий зануда! Теперь мне ясно, отчего ты так радовалась.

И тут я понимаю, что совсем забыла о посте в блоге, который собиралась удалить.

– Ничего, просто мне надо было обо всем тебе рассказать перед тем, как писать в блог.

Мы с Эллиотом широко улыбаемся друг другу, и у меня на душе становится теплее – мы снова лучшие друзья.

– Ладно, не буду мешать тебе спать, – говорит Эллиот, вставая с постели. – Завтра у тебя долгий день.

– Жаль, что мы с тобой никуда толком не сходили.

– Ничего, мы с твоим папой хорошо погуляли. А завтра нас ждут Статуя Свободы и тур с привидениями.

– Тур с привидениями?

– Ага, эпическая экскурсия! Нас даже отведут в склеп двадцати тысяч жертв желтой лихорадки!

– О, интересно... Наверное, – смеюсь я.

Простившись с Эллиотом, я беру мобильный и плед и усаживаюсь в кресле у окна. Мельком взглянув на улицу, я снова не могу поверить, что это не сон. Я нахожу в телефоне номер Ноя и нажимаю «вызов». С каждым долгим потрескиванием американского гудка нарастает мое волнение. Слава богу, после трех сигналов Ноай отвечает.

– Привет, – слышится его дружелюбный голос.

– Привет. Большое спасибо за куклу. – Мне сразу становится неудобно за этот неестественно-официальный тон.

– Большое пожалуйста. Скажи-ка, мисс Пенни, ты сейчас у окна?

– Да! У окна.

– Видела луну?

– Нет, подожди немного.

Я распахиваю шторы и смотрю на небо. Прямо над шпилем Эмпайр-стейт-билдинг висит большая, идеально круглая луна. Но я поражена не ее формой и величиной, а ее янтарным цветом.

– Ничего себе, какая она красивая! Почему она оранжевая?

– Ну, я подумал сначала, что ее инопланетяне из баллончика покрасили, но Сейди Ли объяснила, что это как-то связано с загрязнением атмосферы.

– Мне больше нравится вариант с инопланетянами.

– Мне тоже. Я тебе вот что хотел сказать. Раз встреча с тобой так на меня повлияла...

– В каком смысле?

– Ну, знаешь, раньше я не был замечен за покупкой фарфоровых кукол. Смеюсь.

– Будет справедливо, если ты согласишься увидеться со мной еще раз до отъезда.

– С удовольствием, но когда?

– Что, если я приду, когда кончится свадьба? Сейди Ли сказала, что к полуночи все разойдутся. Я придумал кое-что интересное.

Я представляю, что скажут родители, если я отпрощусь на полночную прогулку с малознакомым парнем.

– И не переживай, мы не выйдем из отеля, – добавляет Ной, словно прочитав мои мысли.

– Тогда я согласна, – почти скороговоркой восклицаю я.

Плотнее укутавшись в одеяло, я представляю себя в объятьях Ноя.

– Значит, до завтра, – нежно произносит Ной.

– До завтра.

– Спокойной ночи, Пенни.

– Спокойной ночи, Ной.

Я откладываю телефон и вдыхаю полной грудью. Потом я смотрю на ночной Нью-Йорк и невероятную луну. Сейчас я чувствую себя по-новому, и дело не в этой поездке, не в знакомстве с Ноем. Просто впервые в жизни я уверена, что эта жизнь – моя, что я сама строю свою судьбу. Не просто реагирую, как раньше, на чужие слова и поступки, нет. Со встречи с Ноем, моим переломным моментом, я начинаю сама писать сценарий своей жизни.

Глава двадцать пятая

На следующий день я просыпаюсь с ощущением, какое бывает только в первое утро нового года. Когда, еще не успев окончательно проснуться и вспомнить, какой наступил день, предвкушаешь что-то волшебное. Я открываю глаза и вспоминаю, что причина моего приятного томления – Ной. Сегодня я увижу с Ноем! Я потягиваюсь и замечаю, что на меня смотрит кукла. Ночью она упала и теперь лежит на соседней подушке.

– Доброе утро! – У меня такое хорошее настроение, что я даже болтаю с игрушкой. – Хорошо спалось?

Я представляю, что кукла отвечает мне: «Вообще-то нет. Спалось мне ужасно. Сложновато спать, когда твои глаза всегда открыты, потому что клей не дает их сомкнуть».

Все, пора вставать.

Я принимаю душ и, обернув мокрые волосы полотенцем, сажусь на кровать, сложив ноги по-турецки. Потом открываю ноутбук и с замиранием жду, пока загрузится страничка блога. Что, если мои читатели сочли последний пост глупым? Что, если они оставили плохие комментарии?

Но все волнения напрасны. Под постом много чрезвычайно милых ответов с маленькими иконками в виде красных сердечек и просьбами рассказать побольше о Бруклинском Парне. Я собираюсь пойти будить Эллиота, но мне приходит эсэмэс. «Пожалуйста-пожалуйста, пускай она будет от Ноя», – мысленно молю я. Беру телефон и представляю, что смотрящая на меня кукла тоже просит: «Ну пожааалуйста!». Я набираю полную грудь воздуха и пытаюсь оставаться спокойной, но вижу, что сообщение – действительно от Ноя, и все внутри снова трепещет.

Мне приснилось, что мы гуляли по Нью-Йорку и каждое здание, в которое мы заходили, превращалось в пирог. Что бы это значило?

Н.

Тут же печатаю ответ:

Может, на тебя подействовали чары Дня волшебных случайностей?... Удивительный сон. Представь, если бы Эмпайр-стейт-билдинг стал пирогом!

Еще не смотрела на улицу?

Нет, а что? Луна позеленела?

Я подхожу к окну и открываю шторы. С неба падают пушистые снежинки. Дома внизу кажутся посыпанными сахарной пудрой.

Bay! Красота какая!

Да! Рождество приближается! Хорошего дня, увидимся в полночь!

До встречи!

Я ожидаю, что день свадьбы окажется самым долгим и скучным в истории, но все идет на удивление живо. Серые и черные костюмы мужчин отлично сочетаются с их гладкими, зачесанными назад волосами. А от женщин в платьях оттенков лаванды, изумруды и сливы просто не отвести глаз. Каждый наряд в стиле двадцатых годов – настоящее произведение искусства из атласа, кружева и бисера. Дети, разряженные в кружева и ботиночки на пуговицах, напоминают фарфоровых кукол. Я тоскливо смотрю на свой наряд прислуги: непримечательное черное расклешенное платье с накрахмаленным белым передником.

Пока профессиональный фотограф делает постановочные фото гостей, мне удается поймать несколько естественных кадров своей камерой поменьше. Особенно хорошо выходят перешептывающиеся девочки-цветочницы и крупный план украшений на одном из платьев. А когда объявляют, что должна выйти невеста, и все гости начинают рассаживаться по местам, я делаю очень романтическое фото: Джим стоит в конце прохода и взволнованно высматривает невесту.

Я очень рада, что они с Синди все-таки передумали изображать британский акцент во время церемонии. Их клятвенные речи очень трогательные, с забавными личными обещаниями. Синди клянется, что не будет ворчать во время любимых Джимом бейсбольных трансляций, а Джим обещает полюбить реалити-шоу. К концу официальной церемонии я едва сдерживаюсь от переизбытка сентиментальных чувств.

Гости направляются на свадебный завтрак, а мама отводит меня в сторону. Улыбаясь от уха до уха и лукаво прищутив глаза, она произносит:

– Пен, ты не поверишь! Меня попросили организовать тематическую

вечеринку. Здесь, в Нью-Йорке.

– Да ты что! Когда?

– На следующей неделе. – Мама выискивает кого-то глазами среди гостей. – Видела подружку невесты, такую полненькую, с пышной прической?

– Да.

– Ей исполняется тридцать в канун Нового года, и она хочет закатить вечеринку в духе времен рокеров и стиляг.

– Класс! Но мы ведь завтра улетаем. Как ты все организуешь? – Я с грустью представляю, что мама останется здесь, а мы будем встречать Рождество дома, без нее.

– Она сказала, что оплатит наше пребывание, так что Рождество и Новый год мы встретим в Нью-Йорке. И билеты они поменяют тоже за свой счет. Эти люди и впрямь богачи, деньги для них не проблема.

Я стою как вкопанная и пытаюсь осознать мамины слова.

– Мы остаемся на Рождество?

– Да, я позвонила папе, и он не против.

Я безумно счастлива, но мой разум настойчиво ищет причину, по которой все может пойти наперекосяк, – все это слишком чудесно, чтобы быть правдой.

– А как же Том? А Эллиот?

– Эллиот тоже может остаться. Надеюсь, что сможет. Мне еще предстоит позвонить его родителям. А Том прислал мне эсэмэс сегодня утром. Спрашивал, не будем ли мы против, если он встретит Рождество с Мелани и ее семьей.

Я так рада, что хочется танцевать. И я с удовольствием станцевала бы ламбаду, не будь на моем пути так много препятствий.

Я проведу Рождество в Нью-Йорке. Я смогу увидеться с Ноем. Лучше и быть не может!

– А Сейди Ли позвала нас на Рождество к себе домой, в Бруклин, – говорит мама, опровергая мои мысли: может жизнь быть лучше, в миллион раз.

Вечером папа и Эллиот присоединяются к торжеству. Эллиот выглядит потрясающе в винтажном костюме и галстуке. А я снова смотрю на свое платье прислуги и вздыхаю. Если бы я сама выбирала, что надеть на встречу с Ноем, то ни за что не взяла бы это платье. Успокаивает только то, что мой скучный наряд подходит к теме свадьбы.

Мы все выстраиваемся вокруг Синди и Джима, и они начинают свой первый танец.

Синди переоделась в нарядное короткое платье из блестящего голубого атласа. Когда она движется, ткань переливается, словно лунный камень, отражая мерцающее освещение зала. Музыканты играют начальные аккорды «Unchained Melody», и я с трепетом вспоминаю, как вчера впервые увидела на этой сцене Ноя.

До полуночи осталось всего три часа. Я поглядываю на часы на стене, совсем как Золушка. Только я не боюсь, а жду, когда пробьет двенадцать.

– Пенни, почему ты еще не переоделась? – шепчет мне на ухо мама.

– О чём ты? Да и во что?

Мама хмурится.

– Мне казалось, что я сказала тебе про платье. Я что, не говорила тебе про платье?

Я непонимающе смотрю на неё.

– О господи! Я так забегалась, что совсем об этом забыла. – Мама берет меня за руки. – Внизу, в моем номере, лежит платье специально для тебя.

– Что за платье?

– Увидишь, – улыбается мама.

– Но я должна быть одета в стиле свадьбы.

– Будешь. – Мама протягивает мне свой ключ-карту и улыбается еще загадочнее.

– Хорошо.

Я направляюсь к выходу и успеваю сделать фото: девочка-цветочница ползет под стол, зажав в руке куриную ножку.

Я расхохоталась, едва войдя в родительский номер. На папиной половине почти ничего нет, кроме скромно поставленного у стены чемодана и какой-то спортивной биографии на тумбочке у постели. А по маминой половине словно прошелся ураган и раскидал все ее платья и косметику. Переступая через разбросанную одежду, я подхожу к постели.

На покрывале лежит красивое прямое мини-платье из изумрудного шелка с окантовкой из серебристого бисера. Рядом – гармонирующая с платьем расшитая повязка на волосы и туфельки на ремешке с закругленными носами. Я не могу поверить, что это все – мне, но сомнения развеивает записка «Для Пенни».

У меня перехватывает дыхание от радости, но тут мой верный внутренний голос заводит свою обычную песню: «*А вдруг оно тебе мало? А что, если ты в нем будешь глупо смотреться?*» Но когда я беру в руки платье, то понимаю, что в нем невозможно глупо выглядеть. Я сбрасываю

платье прислуги и надеваю новое. Ткань настолько мягкая, что по коже бегут мурашки. Посмотрев на свое отражение в большом зеркале, я во весь голос вздыхаю. Платье село идеально, и я в нем кажусь такой взрослой, такой... Такой интересной. Словно актриса из старого кино. Я надеваю туфли и оглядываю волосы. Они собраны в строгий пучок, но с этим платьем такая прическа не смотрится.

Я распускаю волосы и беру расческу с маминого туалетного столика. Справившись с кудряшками, я заплетаю их в две косы, которые обворачиваю вокруг головы. Сверху украшаю прическу лентой. Потом я сажусь за мамин столик и подкрашиваю глаза – подводка и тушь, провожу по коже пуховкой и прыскаюсь духами – я готова. Подхожу к большому зеркалу, чтобы посмотреть на себя в полный рост.

На память приходит день, когда я собиралась на встречу с Олли. Тогда я сильно волновалась, мучилась от неуверенности в себе. А сейчас я смотрю на свое отражение и не могу сдержать улыбки. Даже не верится, что это было всего неделю назад, кажется, что не меньше жизни прошло с тех пор. Сейчас я чувствую себя другим человеком.

Я беру сумочку и иду к выходу.

Глава двадцать шестая

Я возвращаюсь на свадьбу. Мама, папа и Эллиот сидят за столиком в углу банкетного зала.

– О, дорогая! – восклицает мама.

Папа вздыхает:

– Да ты просто...

– Феерически выглядишь! – заканчивает за него Эллиот.

– Благодарю! – Я кружусь, и бисерная бахрома по краю платья переливается и красиво взлетает веером. Потом я подсаживаюсь за стол. – Спасибо тебе, мамочка.

– Вот и выросла дочка, – с тоской в голосе произносит папа.

– Ну пап! – Я краснею от смущения.

– Ладно, попробую еще раз набрать родителям, – говорит Эллиот. – Скрестите пальцы и все, что только можно, чтобы они разрешили мне остаться с вами на Рождество.

Мы с мамой тут же скрещиваем пальцы, а папа скашивает к носу глаза.

Как только Эллиот уходит, мама обращается ко мне:

– Сейди Ли сказала, что Ной собирается с тобой встретиться, когда закончится свадьба.

– Так, пожалуй, мне пора познакомиться с этим Ноем, – ворчит папа.

– Познакомишься, – отвечает мама. – Мы будем вместе встречать Рождество.

От этих слов у меня в голове запевает небесный хор. Но тут я понимаю, что это – рингтон. Мне пришла эсэмэска от Ноя.

Есть шанс, что тебе удастся сбежать со свадьбы пораньше?

Я не сторонник долгих прощаний, но в этот раз сделаю исключение (я же говорил, что ты странно на меня влияешь!) Н.

Насколько пораньше?

Сейчас пораньше!

Ты уже приехал?!

Да, я на парковке для персонала.

Как только скажешь, я поднимусь на кухню.

Мама и папа встают из-за стола, чтобы потанцевать.

– Мне написал Ной, – говорю я им. – Он уже подъехал. Можно я пойду к нему на кухню?

– Конечно, – отвечает мама.

– Приводи его сюда, – бросает папа через плечо. – Уверен, Синди и Джим не будут против.

Я незаметно выскользываю из зала. На кухне я застаю Сейди Ли: она вытирает один из громоздких металлических столов. Мы с ней со вчерашнего дня не общались: всю церемонию Сейди Ли провела на кухне, контролируя приготовление свадебных блюд.

– Здравствуйте, – приветствую я ее.

– Здравствуй, красавица. – Сейди Ли поворачивается ко мне с радушной улыбкой. Она немного разрумянилась, из пучка волос выбилось несколько седых прядей, но в остальном Сейди Ли безукоризненно шикарна. Осмотрев меня с головы до ног, она восхищенно произносит:

– Выглядешь потрясающе!

– Спасибо. Вот, решила надеть вечернее платье.

– Очень красивое, можно поближе посмотреть? – Сейди Ли подходит ко мне и любуется бисерным украшением платья. – У меня дома есть фотография бабушки в молодости – ну вылитая ты. Она, к слову, той еще кокеткой была. Ох, Ной дар речи потеряет, когда тебя увидит.

Услышав имя Ноя, я краснею от смущения.

– Он мне написал, что ждет на стоянке.

– Знаю, он уже поднимается сюда. – Сейди Ли красноречиво улыбается.

– Спасибо, что пригласили нас к себе на Рождество.

– Пожалуйста, дорогая. Мне нравится, когда собирается целый дом гостей. Будет совсем, как... – Она замолкает. Наверное, думает о родителях Ноя.

– Я так сочувствую вашей... вашей потере, – тихо говорю я, переживая, не сочтет ли она меня бес tactной.

Сейди Ли грустно улыбается.

– Тебе Ной рассказал, да?

– Да.

– Знаешь, ты ему очень нравишься.

– Мне... Мне он тоже нравится.

Сейди Ли вплотную подходит ко мне и взволнованно говорит:

– Я так рада, что он встретил человека, с которым может поговорить. Он сейчас...

– Всем привет! Как жизнь? – Ной застывает и смотрит на меня округлившимися глазами. – Вот это да!

– Ну, что я тебе говорила? Все свое красноречие потерял.

– Ты выглядишь... Бесподобно! – выдыхает Ной, продолжая неподвижно стоять в дверях.

– Спасибо, – смущенно отвечаю я. – Ты тоже.

Ной одет в узкие черные джинсы и потертую кожаную байкерскую куртку поверх серой толстовки с капюшоном. Его волосы блестят и на вид мягче и свежее, чем вчера. Глаза у него самые шоколадные из всех, что я когда-либо видела, а на щеках – ямочки. Он такой клевый, что я не знаю, обнять мне его или сфотографировать.

– Все готово? – Он мельком смотрит на Сейди Ли.

– Готово, – отвечает она, доставая плетеную корзину для пикника из-под одного из столов.

– Позвольте спросить, – начинает Ной с нарочитой галантностью, – не согласитесь ли вы сопровождать меня на пикник?

– На пикник?

– Ага. Но не на приевшийся всем пикник... – продолжает он, хитро прищурившись.

– Неужели? – подыгрываю я ему.

– Да. Приглашаю вас на пикник под лунным небом.

Внутри будто что-то обрывается. Родители меня ни за что не выпустят из отеля.

– На секретной террасе на крыше. Прямо над этой кухней.

– Правда?

– Правда.

Сейди Ли негромко смеется.

– Пожалуйста, если вам не сложно, – обращаюсь я к ней. – Скажите моим родителям, где я. Они сейчас в зале, развлекают всех на танцполе.

– Скажу, обязательно, – обещает мне Сейди Ли и взволнованно смотрит на Ноя. – Ты Пенни там не заморозишь?

– Не переживай, ба, я знаю, как решить эту проблему.

– И почему я не удивлена? – улыбается Сейди Ли. – Долго там Пенни не держи, а то еще решат, что ты ее похитил.

Сейди Ли уходит в зал, оставляя нас с Ноем наедине.

– Ну... – протягивает Ной.

– Ну... – Я так смущена, что не могу оторвать глаза от пола.

– Если бы ты могла позвать любого персонажа на пикник, то кто бы это был?

Я распываюсь в улыбке: Ной определенно умеет создавать непринужденную атмосферу своими неожиданными вопросами.

– Огастус Уотерс из книги «Виноваты звезды». Я хотела бы вернуть его к жизни.

– Хороший вариант. А я бы позвал того смазливого парня из «Сумерек». Я хотел бы лишить его жизни.

Я смеюсь и смотрю на Ноя. Наши глаза встречаются, и внутри словно что-то взрывается. Так, что даже дыхание перехватывает.

Ной улыбается в ответ и отводит взгляд.

– Я очень рад снова тебя видеть.

– На здоровье, – отвечаю я. Сама не знаю почему. Хотя, знаю – я ведь Неудачница международного уровня под покровительством Бога Неловких Моментов.

– На мое здоровье?

– Нет.

– Не на мое здоровье? – Ной наклоняет голову и усмехается.

– На твое, конечно... Я просто... Я не то хотела сказать. Не знаю даже... – Я отворачиваюсь, чтобы он не видел мои щеки, красные, как от ожогов третьей степени. – Я хотела сказать «Спасибо».

– На здоровье! – громко отвечает Ной, и мы хохочем до слез.

– Иди за мной. – Ной открывает дверь, замаскированную под кухонный шкаф. За ней – узкий коридорчик, заканчивающийся пожарным выходом.

– Мне Сейди Ли о нем рассказала, – объясняет Ной. – Сюда обычно выходят покурить работники кухни. – Он извиняюще улыбается. – Звучит как самое неподходящее место для пикника, но мы все исправим.

Он достает из рюкзака флисовую толстовку со словами:

– Мне не хочется прятать твое платье, но еще меньше мне хочется, чтобы ты слегла с воспалением легких.

Кофта такая большая, что почти доходит мне до колен.

– Интересно. – Ной морщит лоб. – Почему это на тебе она смотрится в сто раз лучше, чем на мне?

Его слова пробуждают во мне уверенность, и я чувствую, как это ощущение растет во мне.

Ной открывает дверь пожарного выхода, и мы ступаем на огороженную решеткой бетонную площадку на крыше. Ной подводит меня к нише в стене и расстилает плед, который я уже видела у него в машине.

– После вас, мадам. – Он жестом предлагает мне сесть.

Присев напротив, Ной открывает корзину, достает термос и две чашки.

Потом две тарелки, интересные столовые приборы и несколько свертков в фольге. Он начинает их разворачивать, и у меня текут слюнки при виде аппетитных канапе, кексов и клубники в шоколаде. Последними он достает две свечи и спички.

— Это Сейди Ли подложила, — улыбается Ной. — Она такая романтичная.

Ной зажигает свечи. Мы несколько мгновений, улыбаясь, смотрим друг на друга, но потом отводим глаза.

— Я надеялся, что будет ясная ночь, — говорит Ной, глядя в темное небо. — Что снова будет видна луна.

— Луна не нужна. Все и так хорошо.

Где-то внизу шумит Нью-Йорк. Так далеко, что сирены и гудки машин можно принять за тихое щебетание птиц.

— Я тут подумал, — говорит Ной, откручивая крышку термоса. В холодный воздух поднимаются струйки пара. — Может, когда вернешься домой, будем переписываться? И общаться по скайпу? И в мгновенных сообщениях? — Ной вздыхает. — Знаешь, Пенни, мне так не хочется, чтобы ты завтра уезжала.

Я невольно улыбаюсь. Выходит, Сейди Ли не говорила Ною, что мы остаемся. Интересно, она сделала это специально, чтобы я ему сама все сказала?

— Не понимаю, чему ты так радуешься, — обиженно говорит Ной.

— Я не радуюсь, — отвечаю я, улыбаясь еще сильнее.

— Неужели? Как-то не похоже.

— Я рада не тому, что уезжаю. Я рада тому, что остаюсь. Я не уезжаю. По крайней мере, не завтра. Маму попросили организовать вечеринку в праздничные дни. Мы пробудем в Нью-Йорке до Нового года!

— Ты шутишь!

— Неа.

Ной жестом подзывает меня на свою половину пледа.

— Иди сюда.

Я на коленках подползаю к нему, и он берет меня за руку. У меня кружится голова от предвкушения.

— А хочешь узнать самую лучшую новость?

— Есть новость еще лучше?

— Да, Сейди Ли позвала нас встречать Рождество вместе с вами.

Ной смеется.

— Да, эта точно лучшая новость.

Потом он вдруг становится серьезным. Смотрит мне в глаза, и у меня

будто щемит в груди – странное ощущение.

– Ну... – тянет Ной.

– Ну... – отзываюсь я эхом, а сердце бешено колотится.

Он сейчас так близко, что я могу разглядеть маленькое пятно чернил у него на щеке. Ной крепко сжимает мою руку, и я инстинктивно подаюсь вперед. Расстояние между нами сокращается до нескольких сантиметров. «*Он хочет меня поцеловать! Он меня поцелует? Что мне делать?*» – паникует мой внутренний голос. Я закрываю глаза, чтобы отключить все мысли. И тут я ощущаю прикосновение его губ – легкое, как дуновение ветра, и я чувствую, как мои губы отвечают ему. Невероятно, но я похоже, знаю, как надо целоваться. Ной отпускает мою руку и заключает меня в объятия. Поцелуй становится чувственнее, и я растворяюсь в нем.

Но в эту секунду настойчиво звонит мой телефон. Я перенаправляю вызов на автоответчик, а Ной продолжает меня обнимать.

– Видишь, я же говорил, что ты – мой переломный момент, – тихо произносит он.

Я согласно киваю, и мы вновь садимся друг напротив друга, но теперь мы так близко, что наши ноги соприкасаются.

– Мне надо посмотреть, кто звонил, – говорю я, переживая, что это папа разозлился на мой побег с Ноем.

Но пропущенный вызов – от Эллиота. Я переключаюсь на голосовую почту и слушаю его сообщение:

«Пенни, ты где? Твоя мама сказала, что ты улизнула с Прекрасным Принцем. Ты не могла бы со мной встретиться прямо сейчас? Пожалуйста! И Ной пусть приходит, Брейдис не будут против. У меня катастрофа. Дурацкие родители не разрешают мне остаться. Они хотят, чтобы я вернулся на Рождество. Один. Можешь себе представить?» Эллиот делает короткую паузу, и у меня сердце уходит в пятки. «Если только ты... Пенни, ты не согласишься вернуться вместе со мной?»

Глава двадцать седьмая

Похоже, у меня на лице написаны шок и ужас: как только я убираю телефон в сумку, Ной взволнованно спрашивает:

– Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что узнала, что Санта Клауса не существует. Не верь, существует он, просто взрослые хотят подпортить нам праздник злыми сплетнями.

Я натянуто смеюсь.

– Это мой друг, Эллиот, – поясняю я. – Ему завтра придется вернуться домой. Родители не разрешили ему остаться в Нью-Йорке. Хотят, чтобы Эллиот встречал Рождество с семьей.

– Обидно, – вздыхает Ной.

Потом он открывает термос:

– Сладкого чаю?

Я соглашаюсь, хотя и не уверена, что за напиток так называют в Америке. Все мои мысли сейчас об Эллиоте и его просьбе вернуться с ним домой. Мне неприятно думать, что ему придется лететь одному, но мысль о том, чтобы оставить родителей и Ноя, кажется еще ужаснее.

Ной подает мне чашку, и я делаю глоток. Напиток не похож ни на один вид чая, что я когда-либо пробовала. На вкус он цитрусовый и сладкий, совсем как горячий лимонад.

– Очень вкусно!

– Еще один необычный рецепт Сейди Ли, – отвечает Ной. – В Южной Каролине, откуда она родом, этот чай пьют летом со льдом. А у нас с тобой – нью-йоркская версия.

Я делаю еще один глоток, чтобы настроиться на романтическую атмосферу пикника, но ничего не выходит. Я не могу перестать думать об Эллиоте.

– Ты не против спуститься в зал? – Я заглядываю Ною в глаза. – Эллиот сказал, что ему очень надо со мной поговорить. У него был такой расстроенный голос.

Ной, кажется, разочарован, и от этого у меня тяжело на душе. Но я вчера так огорчила Эллиота, что сейчас хочу поскорее прийти к нему на помощь.

– Ладно. Давай так: ты иди к другу, а я поеду домой, – предлагает Ной.

– Нет! Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Не надо уезжать.

– Не могу же я так просто ворваться на чужую свадьбу, – смеется

Ной. – Тем более, мы завтра увидимся.

– Да, но я уверена, что Брейдис не будут возражать. Они такие милые. Может представить тебя как внука Сейди Ли. Я скажу, что ты со мной.

Ной поднимает брови и игриво улыбается.

– Так я с тобой?

– Да. Пойдем, пожалуйста.

Ной качает головой.

– Послушай, когда я сюда ехал, то думал, что это наша прощальная встреча. А выяснилось, что ты еще неделю пробудешь в Нью-Йорке. Так что я не против подождать до завтра. Проведи остаток дня со своим другом, я там буду третий лишний.

– Ты не будешь третьим лишним, ты...

– Шшш... – Ной прикладывает палец к моим губам.

– А как же пикник?

– У меня дома мы сможем устраивать пикники каждый день, – улыбается Ной. – Сейчас ты нужна другу.

– Хорошо, – вздыхаю я.

– Но сначала...

Ной снова целует меня, нежно держа в руках мое лицо и поглаживая волосы.

– Bay! – произносит он, когда мы отрываемся друг от друга.

– Отличный поцелуй! – говорю я. Ну разве могу я не ляпнуть глупость в такой знаменательный момент, как поцелуй с парнем.

– Да, – слегка удивленно улыбается Ной. – Ты хорошо целуешься.

Я смеюсь и отвожу взгляд. И меня совсем не заботит, что я сейчас красная как помидор. Я не стесняюсь Ноя. Может, я и Неудачница международного масштаба, но Ноя это не заботит.

– Пойдем, – прерывает он мои мысли. – Отведу тебя назад.

Я возвращаюсь в зал, все еще ощущая трепетные поцелуи Ноя на губах. Но как только я замечаю Эллиота, весь трепет проходит, а сердце скимается. Он с печальным видом сидит за столом, а рядом – никого.

– Что ты так долго? – спрашивает Эллиот, когда я подсаживаюсь к нему.

– Извини, Ной хотел устроить пикник и...

– Пикник?

– Да, но не волнуйся, я...

– А где он сейчас?

– Поехал домой.

– Как? Но зачем? Я же сказал, что ты можешь привести и его тоже.

– Он не хотел врываться на чужую свадьбу.

– Но никто бы не возражал, ведь его бабушка организовала банкет.

– Знаю, но... Неважно. Расскажи, что случилось. Что сказали твои родители?

– У них крышу снесло. – Эллиот опускает глаза и начинает теребить край скатерти. – Они сказали, что мы так не договаривались и мне ни при каких условиях нельзя оставаться. Так говорили, будто речь об одном из их судебных разбирательств. Они не хотят, чтобы я задержался с вами, и даже не против, что я полечу домой один. Говорят, надо отмечать Рождество всей семьей. Но... – Эллиот делает театральную паузу. – Они сказали, что будут рады, если ты тоже приедешь и встретишь это Рождество с нами.

– Но я...

– Ага, уже вернулась! – На соседний стул приземляется раскрасневшийся папа. Судя по тому, как он тяжело дышит, без меня на танцполе не скучали.

Мама присаживается рядом с папой. Она не такая запыхавшаяся – мама со времен актерской карьеры славилась умением танцевать.

– Пенни, а где Ной?

– Уехал домой.

– Так скоро? – хмурится мама. – Почему ты не пригласила его к нам присоединиться? Уверена, Брейдис бы не возражали, он как-никак внук Сейди Ли.

Если кто-нибудь еще раз это скажет, я не сдержусь!

– Все в порядке. Мне надо было переговорить с Эллиотом. О его родителях.

– Да-да. – Папа качает головой. – Так неприятно получилось. Без Эллиота будет не так весело.

Эллиот тяжело вздыхает и обращается к мне:

– Ну, Пенни, что думаешь?

– Не зна-а-а-ю, – протягиваю я, оглядывая танцующих, словно они могут мне помочь. Не представляю, как отказать Эллиоту так, чтобы он не расстроился.

– Что она думает о чем? – спрашивает папа.

– Родители сказали, что ждут Пенни на Рождество, если она завтра вернется вместе со мной.

Эллиот с надеждой смотрит на папу.

Я же смотрю на маму – она вопросительно поднимает брови. «Запрети мне уезжать!» – мысленно умоляю я в надежде, что между мамой и дочкой

может существовать телепатическая связь.

– Ой, я не знаю... – начинает мама.

– Я понимаю, что полуфабрикаты на рождественском столе моей семьи ни в какое сравнение не идут с деликатесами, что готовит твой пapa, – говорит мне Эллиот. – Но ведь в это Рождество ты и так не попадешь на его эпический ужин. А рождественский обед в отеле не жалко пропустить.

– Но... – хочу возразить я.

– Мы планируем встречать Рождество не в отеле, – аккуратно начинает мама. – Мы собирались остановиться у Сейди Ли.

– У Сейди Ли? – У Эллиота глаза ползут на лоб.

– Да, у той женщины, которая отвечала за банкет. Она позвала нас к себе домой на праздники.

– Все ясно, – поникшим голосом отвечает Эллиот.

– И мы очень хотим, чтобы Пенни осталась с нами, – добавляет пapa.

– Да, мы и так уже расстроились, что Тома в это Рождество с нами не будет, – вздыхает мама.

Какое облегчение: теперь мне не придется говорить Эллиоту, что я не хочу возвращаться с ним домой. Можно всю вину переложить на родителей.

– Ничего, я все понимаю, – тихо произносит Эллиот.

– Мы расстаемся всего на неделю, – успокаиваю я его.

– На восемь дней, – тут же поправляет меня Эллиот.

– Пускай на восемь. Мы можем общаться по скайпу.

– У тебя наверняка будут дела поважнее, – бубнит Эллиот.

– Это ведь наша песня! – восклицает пapa, когда начинает играть «When a Man Loves a Woman». Он вскакивает и протягивает маме руку. – Мадам, окажите честь!

– С удовольствием! – восклицает мама и берет пapa за руку.

Я смотрю, как они возвращаются на танцпол, и улыбаюсь от всего сердца. Так странно: раньше их публичное проявление любви меня раздражало, как если бы они состояли в закрытом клубе влюбленных, в который у меня нет пропуска. А теперь я наблюдаю за ними и думаю о Ное, и на душе становится теплее.

– Я, пожалуй, пойду собирать чемодан, – говорит Эллиот, выводя меня из транса.

– Я тебе помогу, – отзываюсь я. Мне хочется хоть как-то поддержать Эллиота. – Можем устроить полночный ужин. У меня целая корзина еды.

– Нет аппетита.

– Даже клубнику в шоколаде не хочешь?

– Он принес клубнику в шоколаде?

Я киваю и готовлюсь к любой реакции, учитывая, в каком плохом настроении сейчас Эллиот.

– У этого парня хоть один недостаток есть?

– Уверена, что и не один, – отвечаю я безо всякой на то уверенности.

– Хм. Ладно, я согласен.

Дурное настроение Эллиота улетучивается, только когда мы заканчиваем паковать его чемодан.

– Не обижайся на меня, – извиняется Эллиот, усаживаясь на кровать. – Я очень расстроился, что не останусь с вами на Рождество. Но думаю, мне на самом деле лучше уехать: я вам нужен как собаке пятая хромая нога.

– Не говори так, – я сажусь рядом с Эллиотом. – Понимаешь, мы с Ноем живем в десяти тысячах километрах друг от друга...

– Вообще-то в четырех.

– Может и в четырех, но между нами целый океан. Не думай, что наша с тобой дружба пострадает. Это только...

– Курортный роман? – заканчивает за меня Эллиот с надеждой в голосе.

– Да, курортный роман.

Эллиот расплывается в улыбке, а мне становится не по себе. Впервые за нашу дружбу я ему соглашалась.

Глава двадцать восьмая

Как-то я прочитала в журнале, что у каждого сна есть скрытое значение. Например, сон, в котором ты бежишь на вершину холма, но никак не можешь на него взобраться, означает, что и в реальной жизни ты с чем-то не можешь справиться. Если снится, что выпадают зубы – ты в себе не уверена. Или беременна? Не помню. В любом случае, всегда можно спросить у того, кто занимается трактовкой снов и готов объяснить твои грезы.

Открыв глаза утром в сочельник, я лежу и гадаю, как бы мой сон объяснил профессиональный толкователь. Мне приснилось, что я заперта в вагоне поезда вместе с Меган и Олли, и на каждой станции по громкоговорителю рассказывают какой-нибудь глупый случай из моей жизни. Например, вместо фразы: «Уважаемые пассажиры, мы прибываем на станцию такую-то», слышится: «Уважаемые пассажиры, а вы знали, что трусы Пенни видело полшколы?». А Меган с Олли сидят через столик и безудержно хохочут. А когда я пытаюсь встать и уйти, они заставляют меня сесть на место. А потом сиденье подо мной превращается в пирог, и весь шоколад остается у меня на штанах.

Я сажусь в постели и зажигаю прикроватную лампу. Ненавижу сны. Ненавижу, когда они воскрешают в памяти все неприятные события и лица, о которых уже успела забыть.

Я беру с соседней подушки фарфоровую куклу и прижимаю ее к себе. Так непривычно снова думать о Меган и Олли. Возникает идея зайти на Фейсбук и Ютуб, чтобы узнать, обсуждают ли до сих пор то видео. Но, слава богу, я возвращаюсь в реальность и спрашиваю себя, нужно ли мне это. Особенно сейчас, когда прошлые неудачи отошли на второй план.

Я оглядываю комнату, и сердце сжимается от грусти. Сегодня мое последнее утро в Уолдорф-Астории. Я очень привязалась к этой комнате, как бы наивно это не звучало. Здесь моя жизнь превратилась в сказку. Здесь я поняла, что могу ее контролировать. Я решую пофотографировать номер, чтобы навсегда сохранить в памяти связанные с ним эмоции.

Первым делом я фотографирую незаправленную постель, посреди которой на горе подушек восседает кукла. Потом я снимаю комнату с разных ракурсов и делаю несколько фотографий вида из окна. Брошенный на кресло плед – последний кадр, который будет мне напоминать о нашем с Ноем ночном разговоре при оранжевой луне. На душе становится легче: я

посмотрела на комнату сквозь объектив камеры и перефокусировалась во всех смыслах. Меган и Олли, школьная пьеса – все в прошлом. Я должна держать в фокусе свое настоящее – Нью-Йорк и Ноу.

Меня переполняет радость, и хочется танцевать. Я хватаю пульт и включаю телевизор. По MTV нон-стопом крутят рождественские мелодии. Я начинаю плясать под «Santa Claus Is Coming To Town» и останавливаюсь, только полностью стряхнув с себя неприятный осадок от кошмарного сна. Потом я падаю на постель и улыбаюсь своей кукле.

– Счастливого Рождества, – шепчу я ей, запыхавшись.

К всеобщей радости Эллиот этим утром как всегда весел.

– У меня созрел план, – шепчет он мне за завтраком. – Такой подлый, что суперзлодей Загадочник позавидовал бы.

– Что за план? – шепчу я, поливая блинчики кленовым сиропом.

– Называется «Десять способов испортить Рождество моим вредным родителям», – говорит Эллиот, сверкая глазами. – Когда я дойду до последнего пункта, они точно пожалеют, что я не остался с вами.

– Что же ты собираешься делать? – смеюсь я.

– Первый пункт: говорю, что бросаю школу и ухожу в хиппи. Второй: скажу им, что с этого дня отзываюсь только на свое хиппи-имя Дождевая Вода.

Когда Эллиот доходит до последнего пункта своего коварного плана («Скажу им, что влюбился в байкера по имени Хэнк из клуба «Ангелов ада»), мы прыскаем со смеху. Мама и папа прерывают обсуждение организационных вопросов предстоящей вечеринки и недоуменно смотрят на нас.

– Над чем это вы так смеетесь? – спрашивает папа с ухмылкой.

– Не уверена, что хочу знать, – говорит мама.

– Да, лучше вам об этом не знать, – отвечаю я и подмигиваю Эллиоту.

Закончив завтрак, мы оставляем вещи в отеле на стойке администратора и едем с Эллиотом в аэропорт.

Я волнуюсь за Эллиота, и когда такси заезжает в терминал, спрашиваю, не боится ли он лететь в одиночку.

– Честно говоря, я этому даже рад, – отвечает Эллиот. – Представь, каким я буду загадочным пассажиром. Все станут на меня смотреть и гадать: «Кто же этот юноша, летящий в Великобританию совершенно один? Что у него за судьба?»

– Так вот почему ты так нарядился, – смеюсь я.

На Эллиоте его любимый темно-серый винтажный костюм в тонкую

полоску, блестящие ботинки, карманные часы на цепочке и кепка нью-йоркских «Янкиз». Немыслимым образом это сочетание смотрится на Эллиоте очень стильно.

– Буду по тебе скучать. – Эллиот сжимает меня в объятьях.
– Я тоже.
– Насладись этим курортным романом.
– Ну, как скажешь.
– Нет, правда, – Эллиот отстраняется и заглядывает мне в глаза. – Тебе надо развлечься. После всего, что ты перенесла.

– Спасибо. – Я едва сдерживаюсь.
– Как приедешь, расскажешь мне все подробности.
– Идет, – улыбаюсь я.

А потом объявляют рейс Эллиота. Я смотрю, как он уходит на посадку, и в душе борются два чувства: грусть из-за отъезда Эллита и радостное предвкушение грядущих событий.

– Ты как? – спрашивает папа, обнимая меня за плечи.
– Нормально.
– Сейди Ли только что прислала сообщение, – говорит мама. – Она пишет, что испекла шоколадные брауни и уже ждет нас.

У меня вибрирует телефон, и сердце радостно замирает, когда я вижу эсэмэс от Ноя.

Доброе утро! Признавайся, какой из тебя декоратор елок? Н.

Я усмехаюсь и пишу ответное сообщение:

Мирового класса. Три года подряд – чемпион по развесиванию шариков в своем городе. ☺

Всего три? Не густо. Но нам подойдет.
Поскорее приезжай, Переломный Момент.
Нам с Беллой нужна твоя помощь.

У меня перехватывает дыхание при виде женского имени, но потом я вспоминаю, что Белла – сестра Ноя.

В такси по пути в аэропорт я всеми силами развлекала Эллиота и потому ничуть не паниковала, но обратный путь в отель я переношу с трудом. Когда мы подъезжаем к Уолдорфу, я мечтаю выбраться из машины

и идти в Бруклин пешком. Мы заходим в фойе отеля, чтобы бросить на него прощальный взгляд, и я приказываю себе собраться: «Возьми себя в руки. Ты же Оущен Стронг». Но без Эллиота имя супергероини – пустой звук. Я представляю, как мой друг сейчас сидит один в самолете, и сердце отзыается тупой болью. И тут я вспоминаю упражнение, о котором мне рассказал Ной.

Папа подходит ко мне, следом носильщик везет нагруженную чемоданами тележку.

– Готова, Пен?

– Готова.

Устроившись в такси, я определяю, где в моем теле скопился страх. Как обычно, он сжимает мне горло. Я стараюсь представить его цвет и размер и вижу красный кулак, перекрывающий мне кислород. От этой картины мне становится только хуже, и я порываюсь открыть глаза, но мне хватает сил этого не делать. Я глубоко вдыхаю и пытаюсь смириться со своим страхом. Ничего не происходит. Напряжение в горле не уменьшается; я не чувствую себя лучше, но и хуже тоже не становится. Я снова делаю глубокий вдох и говорю своему страху: «Сейчас я волнуюсь, но это нормально». Еще один медленный вдох. Словно вдалеке, мама и папа о чем-то болтают с шофером, но я так сосредоточена, что не разбираю их голосов. Я снова вызываю образ удушающего страха, но теперь рука на шее не красная, а розовая. И немного меньше в размере. «Это нормально», – снова повторяю я, и все тело начинает расслабляться. Теперь у меня на шее узел, а не кулак. На этот раз я легко набираю полную грудь воздуха. «Это нормально», – твержу я про себя и мысленно рассматриваю узелок страха. Он светлеет, становится белым, а потом исчезает совсем.

– Пенни, ты только посмотри на мост! – привлекает мое внимание мама, подталкивая меня локтем в бок.

Я открываю глаза и вижу, что мы подъезжаем к первой арке Бруклинского моста. На противоположном берегу коричневые стены домов встречаются на горизонте с бледным небом Бруклина. От моей паники не осталось и следа, как не остается следа от облака, загородившего солнце.

Проехав мост, такси сворачивает на тихую тенистую уличку, вдоль которой выстроились четырехэтажные дома из коричневого кирпича. Проехав половину квартала, мы останавливаемся у ярко-красной двери, к которой ведут крутые ступеньки. На верхней стоит веселый пластмассовый Санта, а на самой двери висит рождественский венок из остролиста и омелы.

– Очень мило, – озвучивает мама мои мысли.

Не успеваю я выйти из такси, как голова заполняется тревожными мыслями: «Что, если вы с Ноем не подходите друг другу? Что, если совместное Рождество станет концом ваших отношений?» Поток мучительных вопросов прекращается, когда дверь распахивается, и на улицу выбегает маленькая девочка. Темно-каштановые кудрявые волосы обрамляют ее лицо идеальными локонами. Она поднимает на нас застенчивые карие глаза и с милейшим нью-йоркским выговором спрашивает:

– Вы приехали на Рождество?

– Точно, – отвечает папа.

На пороге появляется Сейди Ли в запачканном мукой цветочном фартуке поверх платья.

– Приехали! – восклицает она. – Заходите-заходите!

Следом выходит Ной, и наши взгляды встречаются.

– Привет, – мягко говорит он.

– Привет, – отвечаю я и хватаюсь за чемодан, чтобы скрыть свое волнение.

– Давай помогу, – Ной сбегает вниз по ступенькам.

Поровнявшись с моим папой, он протягивает руку и представляется:

– Привет, я Ной.

– Приятно познакомиться, я Роб, – отвечает папа и обменивается с Ноем рукопожатием.

Я с облегчением вздыхаю: пока все идет как по маслу.

– А ты – Пенни? – спрашивает меня Белла, когда я поднимаюсь вслед за Ноем.

– Да, а ты, наверное, Белла?

Она коротко кивает, смущенно улыбаясь, а потом вдруг говорит Ною:

– А ты был прав.

– Шшш, – быстро реагирует Ной.

– Прав насчет чего?

– Что ты похожа на русалку, – объясняет Белла.

– Подруга, я думал, ты умеешь хранить секреты! – говорит Ной и подмигивает мне.

Дом Ноя – один из тех уютных домов, которые показывают в классических американских фильмах. Прихожая – размером с гостиную. В углу у широкой лестницы, ведущей на второй этаж, стоят старинные напольные часы. Через арку мы, вслед за Ноем и Сейди Ли, заходим в просторную, но уютную кухню. Я с наслаждением вдыхаю аромат шоколадных брауни.

– Вы будете спать в свободной комнате, – обращается Сейди Ли к моим родителям. – А ты, Пенни, вместе с Беллой.

– Тебе придется спать на верхнем ярусе кровати, – обстоятельно говорит Белла. – Не люблю там спать – боюсь, что упаду.

– С удовольствием посплю наверху, – улыбаюсь я малышке.

– Хочешь посмотреть мою комнату? – Белла берет меня за руку.

– Очень, – отвечаю я, и мы с Ноем весело переглядываемся.

– Идите, но не задерживайтесь. Не забывайте, нам еще надо украсить елку.

– Ой, точно! – взвизгивает Белла и тянет меня за руку. – Ну, идем.

Ее спальня на втором этаже. Мы проходим по коридору до двери с самодельной табличкой «Инопланетянам вход воспрещен (свиньям тоже)».

– Это Ной написал, – поясняет Белла. – Не люблю инопланетян и свиней. Теперь они ко мне не смогут зайти.

– Здорово придумано, – говорю я, с трудом сдерживая улыбку.

Комната Беллы – лучшая детская, что я когда-либо видела. Целая стена посвящена сказочным героям: тут и Белоснежка с семью гномами, и Дамбо, и Красная Шапочка.

– Их пapa нарисовал, когда я родилась, – говорит Белла, заметив мой интерес. – Но сейчас мой пapa на небесах.

– Мне очень жаль. – Я приседаю, чтобы видеть ее лицо.

– И мама тоже, – добавляет Белла абсолютно спокойно. – Думаю, она стала ангелом.

– Уверена, что так и есть.

– Вот здесь я сплю. – Белла поворачивается и показывает на двухэтажную кровать у противоположной стены. На верхнем ярусе кровати крепится балдахин.

– Классная кровать, – искренне замечаю я. – Мне шторка нравится.

– Мне тоже. Люблю представлять, что сижу в палатке. У тебя красивый голос.

– Спасибо.

– Ты говоришь совсем как принцесса Кейт. Я обожаю принцессу Кейт.

Я ставлю чемодан в свободном углу комнаты и открываю его, чтобы достать толстовку.

– Это твоя кукла? – спрашивает Белла, замечая среди одежды подарок Ноя.

– Да, моя.

– Круууто! – Белла ныряет под балдахин и появляется уже с игрушкой в руках. – Это Роузи. – показывает мне Белла красивую тряпичную куклу. –

Можно они будут друзьями?

– Конечно, – соглашаюсь я, натягивая толстовку.

– Привет, я Роузи, – говорит Бела тоненьким голоском. – А как твою куколку зовут? – спрашивает она меня.

– Вообще-то у нее нет имени.

– Нет имени? – Белла хмурит брови и смотрит на меня как на преступницу.

Я хочу оправдаться в глазах Беллы и предлагаю ей придумать имя для моей куклы.

Белла с секунду морщит лоб, а потом берет мою куклу и произносит торжественным тоном:

– Меня зовут принцесса Осень. А Ной тебя «осенней» называет, – шепчет она загадочно. – Но он запретил мне об этом рассказывать. Ты любишь Ноя? – Она склоняет голову набок.

– Ну, понимаешь, мы совсем недавно встретились...

– Думаю, он тебя любит, – перебивает меня Белла. – Он вчера вечером сочинял о тебе песню. Он до этого ни об одной девушке не сочинял песен. Бабушка сказала, что он по уши влюбился. Это значит, что он заполнен любовью по самые уши. Так мне она объяснила.

На этот раз я не могу удержаться от смеха. И чем сильнее я смеюсь, тем сложнее мне остановиться. У меня голова идет кругом от счастья. Ной придумал мне ласковое имя! Он пишет обо мне песню! А Сейди Ли считает, что он влюбился по уши!

Белла тоже хохочет, да так сильно, что ее локоны подпрыгивают как пружинки.

– Что здесь у вас происходит?

Мы подскакиваем от голоса Ноя, но продолжаем веселиться.

– Не говори ему, – шепчет Белла, заливисто смеясь.

– Не скажу.

– Так вы поможете мне нарядить елку или нет?

– Да-да-да! – кричит Белла и выбегает из комнаты.

– Похоже, вы нашли общий язык, – радостно замечает Ной.

Я киваю головой и выхожу вслед за ним из комнаты.

– Я очень рад, что ты приехала.

– Я тоже.

Мне кажется, что Ной собирается меня поцеловать, но тут по лестнице взбегает Белла и хватает нас за руки.

– Пойдемте скорее, черепахи!

Ной улыбается мне и пожимает плечами, словно извиняясь. В это

мгновение мое сердце сжимается от чувства, очень похожего на любовь.

Глава двадцать девятая

Рождественская елка такая высокая, что достает до потолка, и такая широкая, что закрывает окно, в нише которого стоит. Густая хвоя блестит на солнце и наполняет комнату терпким еловым ароматом. Папа с мамой уехали в магазин что-то срочно докупить к празднику, а мы с Ноем и Беллой приступаем к украшению елки. Старый чемодан доверху набит удивительнейшими игрушками, и оказывается, почти у каждого украшения – своя история. Их пересказывает нам Сейди Ли, устроившись рядом в кресле-качалке: «Мама купила этот шар в год моего шестнадцатилетия. Этот снеговик достался от вашего дедушки, он называл его Стейнли. Оленя мне подарили на «Церковной вечеринке» в Чарлстоне».

Наконец мы вешаем на елку последний шар, а Сейди Ли протягивает Белле коробочку.

– Не забыла про них?

– Рождественские леденцы! – радуется Белла.

В коробке лежат зеленые, красные и белые полосатые палочки. Они очень яркие и пахнут мяты. Мы аккуратно цепляем их за ветки.

– Вкуснятина! – Белла пробует один из леденцов на вкус.

– Эй, Мисс Пигги! – задорно окликает ее Ной.

– Я не удержалась, – оправдывается Белла. – Он сам прыгнул ко мне в рот.

Мы дружно смеемся, и Ной протягивает мне конфету. На вкус – совсем как брайтонские леденцы.

– Теперь ангела? – спрашивает Белла свою бабушку.

– Да, дорогая.

Ной достает из чемодана сверток в красной упаковочной бумаге. Он аккуратно его разворачивает и достает фигурку ангела в белоснежном платье. У нее кудрявые белые волосы, а за спиной – два больших крыла из прозрачного шелка. Ной взбирается на стул и сажает ангела на верхушку елки. Белла восторженно хлопает в ладоши.

– Бабуля, можно я включу огоньки?

– Конечно, милая.

Белла пролезает за елку, выкрикивает «С Рождеством!», и елка оживает в золотом переливе гирлянды. Я не нахожу слов, чтобы передать эту красоту.

– С Рождеством, – шепчет Ной и обнимает меня за талию.

Я прижимаюсь к нему, светясь от мысли, что грядущее Рождество будет лучшим в моей жизни.

Только к обеду я вспоминаю, что у меня не куплено ни одного подарка. Ною совсем не хочется выбираться за покупками, так что я отправляюсь исследовать местные магазинчики вместе с Сейди Ли. Для мамы я беру свечу с запахом тыквы и шипучки для ванны, для папы – поваренную книгу, для Беллы – книжку про принцесс, а для Сейди Ли незаметно покупаю набор резных деревянных лопаточек. За подарком Ною я отправляюсь в музыкальный магазин, полагая, что там найдется подарок для парня с татуировкой нотного стана на запястье. Но, зайдя внутрь, я понимаю, что даже не представляю, какую музыку слушает Ной. И тут я осознаю, что до сих пор практически ничего о нем не узнала. Меня охватывает паника. Разве можно испытывать такие сильные чувства к человеку, которого едва знаешь?

– А какая музыка нравится Ною? – нерешительно спрашиваю я Сейди Ли.

Она по-доброму смеется.

– О, этому мальчишке нравится весь мир звуков. Я не преувеличиваю, он гудок поезда может превратить в музыку. Но если хочешь попасть в яблочко, поищи что-нибудь старое на виниловых пластинках, он любит их слушать.

Я иду в глубь магазинчика, где стоят полки со старыми пластинками. Вдыхаю их запах и расплываюсь в улыбке: он почти так же хорош, как запах книг, но только «почти». В итоге я выбираю пластинку некого Большого Билла Брунзи^[11], потому что мне нравится имя исполнителя.

– Отличный выбор, мэм, – замечает улыбчивый мужчина за кассой.

– Спасибо, – отвечаю я. Меня распирает от гордости за то, что я пришла в винтажный музыкальный магазин в Бруклине и сделала «отличный выбор», пускай и по чистой случайности.

Продавец улыбается еще шире.

– Приятный акцент. Откуда приехали?

– Из Англии.

– Вот это да! – Он берет мою руку и энергично ее пожимает. – День прожит не зря.

Я смотрю на его седые дреды и серебряную подвеску в виде черепа. Интересный типаж.

– Можно... Ничего если... Можно я вас сфотографирую?

– Да, почему нет. Как вам больше нравится? – Он расправляет плечи.

– Как вы до этого стояли. Хорошо получится, если будете смотреть на пластинку.

Мужчина принимает прежнюю позу, и я делаю фото.

– Спасибо.

– Нет проблем. – Он протягивает мне визитку. – Когда вернетесь в Англию, можете всем рассказывать, что познакомились тут с Доходягой Дэниэлсом.

– Обязательно, – отвечаю я, наслаждаясь вновь обретенной уверенностью в себе. Я больше не глупая школьница, совершающая ошибки на каждом шагу. Я отлично выбираю пластинки в бруклинских музыкальных магазинах и делаю портреты людей с такими необычными именами, как Доходяга Дэниэлс. Мое счастье ничто не может испортить, даже выставочный стенд, который я чуть не сшибаю, попавшившись назад.

Мы с Сейди Ли возвращаемся домой. Мама и Белла играют в принцесс в гостиной, а на кухне папа с Ноем готовят овощи для завтрашнего рождественского ужина. Мы заходим в тот момент, когда они громко хохочут – хороший знак, очень хороший.

– Я собираюсь приготовить чего-нибудь легкое на сегодняшний вечер, – говорит Сейди Ли, завязывая фартук. – Не хочется наедаться перед завтрашним застольем.

– Хороший план, – соглашается папа. – Скажите, если будет нужна моя помощь.

– Спасибо за предложение, – отвечает Сейди Ли. – Я как раз подумала, что нам нужен салат «Цезарь».

– Так ведь это одно из моих коронных блюд! – с гордостью заявляет папа.

– Точно, – подтверждаю я. – С удовольствием съем тарелочку.

– Нет-нет, – обращается ко мне Сейди Ли. – Ты с нами ужинать не будешь, извини.

– Не будешь, – вторит ей Ной.

– Почему? – Я смотрю то на Сейди Ли, то на Ноя, а они загадочно улыбаются какой-то им одной известной шутке. – Почему я не буду с вами ужинать?

– Не хотим, чтобы ты портила аппетит перед завтрашним днем, – говорит Ной.

– Мы подумали, что ближайшие сутки тебе стоит поголодать, – добавляет папа.

– Да вы что?!

Ной громко смеется.

– Не переживай так. Ты не будешь ужинать с остальными потому, что у нас будет пикник. Вторая попытка.

– Все готово? – уточняет у Ноя Сейди Ли.

Ной кивает и берет меня за руку.

– Мадам, вы согласитесь пойти со мной и насладиться домашним пикником на одеяле?

– Ну и шуточки у вас, – смеюсь я, глядя на папу, и иду вслед за Ноем в коридор, а потом мы спускаемся в подвал.

Обстановка здесь совсем как в гостиной у нас дома – такая же расслабляющая. Два мягких дивана усыпаны подушками, а на стене висит плоский телевизор невероятных размеров. На столах у стены стоят две яркие лавовые лампы, излучающие оранжевое свечение. Но по размерам подвал гораздо больше нашей гостиной, он простирается подо всем домом, и я едва могу различить теннисный стол в дальнем углу.

На расстеленном перед диванами клетчатом пледе стоят тарелки с самыми аппетитными угощениями.

– Потрясающе! – восторгаюсь я.

– Решил выложить на все сто, чтобы затмить пикник под луной, – говорит Ной, довольно улыбаясь.

Мы садимся на противоположных краях пледа.

– Хорошо твой друг долетел? – спрашивает Ной.

Я внезапно понимаю, что с тех пор, как мы приехали к Сейди Ли, я ни разу не проверила телефон. Эллиот наверняка уже в Англии. Я вспоминаю, что мобильник лежит в сумке наверху, но останавливаю себя, чтобы не побежать за ним – мне не хочется во второй раз портить пикник. Тем более, что Ной так готовился.

– Да, думаю да.

– Хорошо. – Ной смотрит на выключенный телевизор, потом снова на меня. – Знаешь, я подумал...

– Что?

– У нас с родителями была хорошая традиция для сочельника, и мне хочется ее возобновить. Ты не против?

– Конечно. А что за традиция?

– Каждый год мы все вместе смотрели фильм «Эта замечательная жизнь».

– Я – за! – соглашаюсь я не раздумывая, это одна из моих самых любимых кинолент. Мне всегда нравилось черно-белое кино и черно-белая фотография: они такие выразительные и атмосферные.

Ной включает кино, и я облокачиваюсь на софу, удобно устроившись

на пледе. Ной двигается ко мне, и наши плечи соприкасаются. Мне кажется, я самая счастливая на свете.

И мы сидим так, пока фильм не подходит к финалу, когда Джеймс Стюарт стоит на мосту и кричит своему ангелу-хранителю, что не хочет умирать, что снова хочет жить и каждый день видеть жену и детей. Внезапно я чувствую, что Ной отстранился от меня. Я смотрю на него и в мерцающем свете экрана замечаю влажный след на щеке, как если бы по ней только что пробежала слеза.

– Ной, ты в порядке?

Он быстро вытирает лицо рукой.

– Да, конечно. По-моему, в глаз что-то попало.

Я неподвижно сижу, не зная, что сказать или сделать. И тут я понимаю, что значит для Ноя этот фильм.

Я сажусь напротив Ноя и заглядываю ему в глаза.

– Ты... Ты вспомнил родителей?

Ной поначалу никак не реагирует, но через секунду коротко кивает и опускает глаза.

– Отличный способ покорить девушку – разрыдаться раньше, чем она, – ворчит он еле слышно.

Я снова не знаю, что мне делать. Тут Ной поднимает глаза и улыбается уголками губ. Но как только наши взгляды встречаются, он смущенно отворачивается. Я хочу обнять Ноя, но не уверена, что это то, что ему сейчас нужно.

– Все в порядке, правда, – говорю я и ласково кладу руки ему на плечи.

– Я думал, что все будет нормально, – говорит Ной не поднимая головы. – Мне казалось хорошей идеей снова его посмотреть...

– Ты первый раз пересматривал его с того дня?..

Ной кивает. Я хочу успокоить его, но не могу подобрать слов. Ему пришлось пройти через такое ужасное, тяжелое испытание, что никакие слова в мире не смогут облегчить его боль.

– Глупая была идея, – вздыхает Ной.

– Нет, неправда. Я думаю, идея была прекрасная.

– Да? И почему?

– Потому что благодаря этому фильму ты повспоминал своих маму и папу, воскресил их в своем сердце.

На экране метет снег, а Джеймс Стюарт бежит по городу и кричит всем встречным: «Веселого Рождества!»

– Тут моя мама всегда начинала плакать, как маленькая, – с горькой усмешкой замечает Ной. – А папа – целовать ее слезы.

В тот же миг я наклоняюсь к Ною и начинаю покрывать поцелуями его соленое лицо.

– Все хорошо, – говорю я и крепко его обнимаю. – Все хорошо.

Глава тридцатая

– Пенни, Пенни! Он приходил!

Разбуженная голосом Беллы, я резко сажусь в кровати и тру глаза, чтобы привыкнуть к темноте. Внезапно яркий луч фонарика светит мне прямо в лицо, и я зажмуриваюсь.

– Он приходил! – снова восклицает Белла. Фонарик отклоняется в сторону, и я вижу, что с прикроватной лестницы на меня пытливо смотрит маленькое лицико.

– Кто приходил?

– Санта, конечно.

– Аах.

Я опускаюсь на подушку и с улыбкой смотрю в потолок.

– Просыпайся! – теребит меня Белла. – Надо посмотреть, что он нам принес.

– Хорошо, уже спускаюсь.

Я достаю из-под подушки мобильный, чтобы узнать время. На часах пять тридцать! Я с облегчением замечаю, что мне пришла эсэмэс. Когда я вчера-таки добралась до телефона, меня уже ждало три сообщения от Эллиота. Он писал, как долетел, как ненавидит своих родителей. Мне было очень стыдно, что я так поздно ему ответила. Но, зайдя в папку входящих сообщений, я обнаруживаю, что эсэмэс – от Олли.

Счастливого Рождества, Пенни!

Надеюсь, ты хорошо отдыхаешь в Нью-Йорке.

Очень жду твоего возвращения. Олли xx

Что это значит? Почему Олли прислал мне эсэмэс? И почему он ждет моего возвращения? Тут я вспоминаю фотосессию на пляже. Наверное, он хочет, чтобы я его еще поснимала для портфолио. Ну и ладно. Я засовываю телефон обратно под подушку.

– Поторопливайся, лежебока! – кричит мне Белла и дергает за одеяло.

– Иду, иду.

Я спускаюсь вниз и заглядываю под балдахин. Белла сидит по-турецки и светит фонариком на два носка, размещенных перед ней на кровати. Я смотрю на очертания подарков внутри, и меня охватывает знакомое праздничное чувство. Наверное, я до старости буду радоваться подаркам на

Рождество.

– Я думала, что в этом году ничего не получу, – говорит мне Белла, когда я присаживаюсь на краешек кровати.

– Но почему?

– Я в школе кое-что натворила, – шепчет она. – Я думала, что Санта все знает, но похоже, нет.

– Вот оно что. Я уверена – Санта прощает редкие хулиганства. Невозможно всегда хорошо себя вести.

– Кому, как не мне, это знать, – отвечает Белла и так тяжело вздыхает, что я готова удочерить ее сию же минуту.

Когда подарки распакованы (в моем носке лежат разноцветные конфеты, ароматные бомбочки для ванны и милый хрустальный ангелочек), я пытаюсь уговорить Беллу спать до утра. И в итоге она уступает. Но я лежу в постели и не могу уснуть. Меня выбило из равновесия сообщение от Олли, и я переживаю, что Эллиот мне так и не написал. В Англии уже полдень, и я не пойму, почему он еще не поздравил меня с Рождеством. Надеюсь, он не обиделся за то, что я ему так долго не отвечала.

Ной вчера весь вечер просил прощения за то, что дал волю чувствам. В итоге я напомнила, что расплакалась у него на глазах всего после часа знакомства, и сказала, что мы квиты. Но, если честно, я отношусь к этому со всей серьезностью. Когда при тебе кто-то плачет, а значит, показывает свою уязвимость, это говорит о том, что человек тебе доверяет. Я до сих пор мало знаю о Ное, но где-то на подсознательном уровне у меня есть ощущение, что мы всегда были с ним знакомы, и это очень странно. Интересно, не это ли чувствуют люди, когда встречают свою вторую половинку?

Мне внезапно хочется написать новый пост в блог. Я спускаюсь с кровати и беру из чемодана ноутбук. Белла крепко спит в обнимку с новым мишкой, подарком Санты. Я укрываю ее одеялом, взбираюсь на второй ярус с ноутбуком в руках и логинюсь в блоге.

* * *

25 декабря

Вы верите в родственные души?

Всем привет!

Счастливого Рождества!

Надеюсь, вы хорошо его проведете, где бы и с кем бы вы его ни встречали.

Многие из вас просили, чтобы я побольше написала о Бруклинском Парне, и я решила выполнить эту просьбу.

Мне всегда казалась очень романтичной мысль, что у каждого существует подходящий только ему человек, его вторая половинка.

Но никогда не думала, что встречусь со своей.

Я предполагала, что где-то среди семи миллиардов человек живет идеальный для меня парень. Но, зная мою «удачливость», им должен был оказаться житель тропических джунглей Амазонии или пустыни в Эфиопии, и наши пути никогда бы не пересеклись.

Но потом я познакомилась с Бруклинским Парнем.

И случилось невероятное.

Мы знакомы всего пару дней, но я чувствую, что во многом, в самом важном, мы очень похожи, будто знаем друг друга целую вечность.

Может, я и не отвечу на вопрос о его любимой группе или о том, какое он любит мороженое, но я уверена, что могу поделиться с ним чем угодно.

Я знаю, что могу заплакать у него на глазах, открыть ему свои слабые стороны, и он меня не осудит.

И я знаю, что если он даст слабину и расплачется при мне, я тоже не стану его судить, а еще сильнее к нему привяжусь.

Мне тяжело описать, что я чувствую. Правильнее всего будет сказать, что рядом с ним я знаю, что мы созданы друг для друга.

Как Золушка и Принц.

Как Барби и Кен (пожалуй, не самый лучший пример, но смысл один).

Вы меня понимаете?

У кого-нибудь из вас были подобные чувства?

Как думаете, он и впрямь моя судьба?

Неужели мне повезло и я встретила свою родственную душу? И теперь мне не придется искать ее в джунглях или пустыне?!

Очень жду ваших ответов в комментариях.

Всех люблю,

девушка Online уходит в offline xxx

P.S. Думаю, вы уже догадались, что я все еще здесь, в Нью-Йорке?! У нас получилось остаться до Нового года. А живем мы в доме Бруклинского Парня!! Сказки случаются и в жизни. ☺

Глава тридцать первая

Я дописала новый пост и уже начинаю клевать носом, как меня будит уведомление о входящей эсэмэске. Я нашупываю мобильный, надеясь увидеть сообщение от Эллиота, но мне пишет Ной:

Санта приходил?..

О да, мы с Беллой в 5.30 уже доставали подарки из носков!

☺

Поверить не могу, что ты рассматривала подарки без меня!

Жду тебя на кухне

Доказательства того, что Ной – моя вторая половинка:

1. Я могу плакать при нем;
2. Он может плакать при мне;
3. У нас много общего;
4. Мы как «два сапога пары» (Но куда как в более романтическом смысле!);

5. Когда он зовет меня на встречу рано утром, я не переживаю за отсутствие косметики и помятую прическу. Я спокойно надеваю леопардовый комбинезон и прямиком бегу к Ною.

Пахнет на кухне великолепно: папа и Сейди Ли на пару упражняются в поварском мастерстве. Ной сидит за круглым деревянным столом у стены. На нем футболка и спортивные штаны. Завидев меня, он улыбается глубокими ямочками на щеках и отодвигает соседний стул.

– Счастливого Рождества, Пенни! – поздравляет меня Ной. – Мильй наряд.

– Спасибо. Я решила, что костюм снежного леопарда отлично подойдет для рождественского утра, – смеюсь я. – Счастливого Рождества!

– Пенни! – хором приветствуют меня папа и Сейди Ли, оторвавшись от плиты. – Веселого Рождества!

Если бы мы снимали фильм про Рождество, то из сегодняшнего утра получилась бы отличная нарезка кадров жизни счастливого семейства. Под новогоднюю мелодию сменялись бы слегка размытые фото: все весело обсуждают подарки за завтраком; мы с Ноем лепим для Беллы «снежную принцессу» на заднем дворе; папа обстреливает нас снежками; мы с мамой помогаем Сейди Ли очистить миллион кочанчиков брюссельской капусты.

Чудесный день портит только молчание Эллиота. Я пытаюсь до него дозвониться, но попадаю на автоответчик, я посылаю ему четыре сообщения, но без ответа. В Нью-Йорке сейчас два часа дня, а в Лондоне, получается, уже вечер. Не понимаю, почему Эллиот за весь день не поздравил меня. Мы с Ноем накрываем стол, и я в который раз проверяю телефон.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Ной.

– Да, но я немного волнуюсь потому, что Эллиот мне сегодня не писал.

Я кладу телефон в карман и продолжаю выкладывать салфетки на стол.

– Может, он увлекся празднованием Рождества?

Я смеюсь.

– Только не в компании его родителей. Эллиот всегда говорит, что для них «веселье» – бранное слово.

Ной ставит в центр стола солонку и перечницу в виде фигурок Санта Клауса.

– Уверен, что он скоро тебе напишет.

И я вдруг понимаю, что за все время проведенное у Сейди Ли, я ни разу не видела Ноя с телефоном в руках.

– А почему ты никогда не проверяешь мобильный? – спрашиваю я, и мне тут же становится неловко за чрезмерное любопытство.

– У меня детокс перед Рождеством, – полуслучаю отвечает Ной.

Я вопросительно смотрю на него.

– Сетевой и мобильный детокс. Попробуй как-нибудь. Сразу почувствуешь себя свободнее.

С сомнением хмурю брови. Даже после путешествия в Ад в единорожьих трусах я не отказалась от Интернета и телефона.

– Попробуй, отложи свой телефон. Хочешь, на спор?

– Давай. Только если у меня начнутся судороги или другие симптомы ломки, я его снова включу.

– Идет. – На секунду лицо Ноя становится серьезным. – Знаешь, иногда я просто ненавижу Интернет.

Я застываю с салфеткой в руках.

– Почему?

Ной вздыхает.

– Дело в том...

– Вы закончили? – Мама входит в комнату с бокалом вина в руке. Ее волосы небрежно спадают на плечи, а лицо сияет. Как приятно видеть ее такой беззаботной.

– Почти, – отвечает Ной.

– Дорогу, дорогу индейке! – выкрикивает папа, занося в комнату огромную запеченную индейку на серебряном подносе.

Я выключаю мобильный и сажусь за стол.

Угощения такие вкусные, что мы решаем назначить денежный штраф за каждое восхищенное «Ммм!». Так иногда борются с нецензурной бранью: за каждое неприличное слово в специальную коробку складывают деньги, которые потом идут на благотворительность. Когда мы заканчиваем десерт (последний из четырех), в нашей «коробочке» лежит двадцать семь долларов.

– Время подарков! Время подарков! – голосит Белла, выскачивая из-за стола.

Остальные с сомнением переглядываются.

– Не думаю, что я способен двигаться, – говорит Ной, откидываясь на стуле. – У меня в животе будто не еда, а камни.

– И у меня, – вздыхает папа. Потом смотрит на маму. – Дорогая, донесешь меня на закорках до елки?

Мама прысает со смеху.

– Ну уж нет!

Но мы все же встаем и едва волоча ноги идем в гостиную, где Белла сидит под елкой и сортирует подарки.

– У меня гораздо больше подарков, чем у тебя, – сообщает мне Белла грустную весть. – Но ты не расстраивайся, я же ребенок, а по телевизору на днях сказали, что Рождество – детский праздник. Правда, бабуль?

Сейди Ли хохочет.

– Да, так и сказали.

– Если мне какой-нибудь из подарков не понравится, я тебе его отдам, хочешь? – Белла берет меня за руку и сжимает ее в своей ладошке.

– Ты такая добрая, – говорю я от чистого сердца. – Но не волнуйся, мне хватит и своих подарков.

Просиявшая Белла вприпрыжку бежит обратно к своей горе коробок.

Последними обмениваемся подарками мы с Ноем. Пока он разворачивает упаковку, меня терзают сомнения. Что, если ему не понравится пластинка? Что, если это совсем не тот подарок, что он ждал? Что, если Доходяга Дэниэлс ошибся, и я сделала ужасный выбор? Но по улыбке Ноя я понимаю, что с подарком не промахнулась.

– Откуда ты узнала? – удивленно спрашивает меня Ной. – Мне нравится его музыка, давно мечтал об этом альбоме.

Он с подозрением смотрит на Сейди Ли.

– Я ей ничего не говорила, – улыбается она.

Мы с Ноем обмениваемся взглядами, и я добавляю в свой список еще одно доказательство того, что мы созданы друг для друга: «Я верно угадываю, какой подарок он хочет на Рождество».

Рассмотрев и понюхав пластинку, Ной протягивает мне подарок, на котором скотча не меньше, чем упаковочной бумаги.

– Извини за скотч, – бормочет Ной. – Упаковка подарков – не мой конек.

– Ничего, – отвечаю я, пытаясь разорвать бумагу, но до нее не добраться из-за скотча. – А ни у кого нет ножа?

Наконец мне удается распаковать подарок при помощи острого конца штопора. Внутри – чудесная книга старых черно-белых фото Нью-Йорка.

– Я подумал, раз ты занимаешься фотографией и все такое...

Ной смотрит на меня с надеждой в глазах.

– Если тебе больше нравятся современные фото, я могу отнести книгу в магазин, ее поменяют. Я...

– Нет, все идеально. Я больше всего люблю черно-белые снимки, в них навсегда сохраняется история.

Наши взгляды встречаются, и мне снова кажется, что мы знаем друг друга всю жизнь. Мне нестерпимо хочется поцеловать Ноя. Если бы только мы были одни...

Словно прочитав мои мысли, Ной встает и спрашивает меня:

– Может сходим за напитками?

По крайней мере, мне кажется, что он говорит именно это. Я так жажду его поцеловать, что с трудом разбираю слова. Я согласно киваю и выхожу из комнаты вслед за Ноем. Все так увлечены разглядыванием подарков, что, слава богу, нас не замечают.

В коридоре Ной останавливается у старинных часов. Длинный маятник стучит в тakt моему сердцу.

– Пенни, я... – начинает Ной. Он заглядывает мне в глаза, но на этот раз я не смущаюсь и не отворачиваюсь.

– Пенни, – повторяет Ной и проводит рукой по моей щеке. Потом он целует меня, и тогда не только я, и но весь мир превращается в звездную пыль.

Глава тридцать вторая

Остаток дня мы с Ноем при каждой возможности целуемся украдкой, будто изобрали новую версию пряток: прятки с поцелуями. Спать я ложусь опьяненная счастьем. Это было лучшее Рождество в моей жизни, огорчает только... Я последний раз проверяю телефон – от Эллиота до сих пор нет вестей.

На следующее утро я просыпаюсь от тихого стука в дверь. Я спускаюсь по прикроватной лестнице и крадусь к двери, чтобы не разбудить Беллу, ангелочка с нимбом из кудряшек, уснувшую между Роузи и принцессой Осень.

В коридоре стоит Ной и широко улыбается.

- Собирайся на улицу, – шепчет он.
- Подожди... Сколько сейчас?
- Около семи.
- Утра?
- Да, утра! Одевайся потеплее и возьми фотоаппарат. Увидимся на кухне.

Я влезаю в джинсы и самую теплую из флисовых толстовок, надеваю сапоги и спускаюсь на первый этаж. На кухне головокружительно пахнет свежесваренным кофе. У буфета стоит Ной и укладывает в сумку два термоса.

- Порядок, можно выдвигаться, – говорит он, завидев меня.
- Но куда?
- Сегодняшнее утро – единственное в году, когда Нью-Йорк действительно спит, – поясняет Ной, оставляя на кухонном столе записку «Ушли гулять. Скоро вернемся. Н. и П.»
- Я подумал, что лучше времени для экскурсии по городу не придумать. – Он берет меня за руку. – Хочу показать тебе, откуда я родом, – тихо добавляет он. – И еще я решил, что тебе понравится идея поснимать Нью-Йорк, когда в кадр не будет попадать толпа народа.
- Здорово, – улыбаюсь я.

Утро просто волшебное. Свежевыпавший снег укрыл все вокруг, словно в мягкое одеяло, укутал город в удивительную тишину. Ной показывает мне свою бывшую школу и любимое кафе; магазин, в который он каждую субботу приходил вместе с мамой, чтобы потратить карманные деньги на комиксы и конфеты. Потом мы идем в ближайший парк. Кроме

нас и мужчины вдалеке, выгуливающего собаку, здесь никого нет, и только наша пара следов тянется по заснеженной дорожке. Ной садится на цепочные качели, и взгляд его устремляется куда-то вдаль.

– Мне папа в детстве говорил, что если сильно раскачаться, то можно улететь в открытый космос, – задумчиво произносит Ной. – И я верил! – Он смеется. – Я раскачивался до седьмого пота, чтобы улететь в небо. И почему мы верим во все, что говорят родители?

Я сажусь на соседние качели.

– Может, потому что мы их любим? Потому что хотим верить? Когда я была маленькой, мама говорила, что ночью, когда я сплю, игрушки окивают. Я каждый вечер старательно рассаживала кукол в своей палатке, и каждое утро находила их в других позах.

– У тебя была палатка?

Я смеюсь.

– Да, прямо на кровати из одеял палатку делали. Мне в ней очень нравилось играть. Там было так уютно и спокойно. Думаю, мама залезала ночью в мое укрытие и пересаживала игрушки. Здорово, что родители придумывают такие истории, они наполняют детство волшебством.

Ной кивает.

– Согласен. Но когда то, что они говорят не случается... – Ной сдвигает брови.

– Тогда надо найти другое волшебство и поверить в него.

Ной поднимает на меня глаза, и его лицо озаряет улыбка.

– Хорошая идея, – говорит он. – Я верю в тебя, Пенни. – Он проникновенно смотрит мне в глаза.

– И я в тебя верю.

Мы секунду смотрим друг на друга, потом Ной отталкивается от земли.

– Давай-ка проверим, как высоко сможем раскачаться!

В открытый космос мы не улетаем, но поднимаемся так высоко над парком, что получается увидеть крышу дома Ноя.

Мы спускаемся на землю, раскрасневшиеся и веселые.

Ной подбегает к качелям-доске, запрыгивает на них и пытается удержать равновесие, стоя по центру.

– Я царь горы! – выкрикивает он с таким счастливым видом, что я тут же достаю фотокамеру.

– Вот это кадр! – кричу я ему. – Ты такой смешной.

– Я вовсе не собирался быть смешным.

– Правда? – Я фотографирую. – И каким же ты думал быть?

– Ну не знаю. – Ной спрыгивает на землю. – Задумчивым? Загадочным? – Он подходит вплотную ко мне. – Таким парнем, которого хочется поцеловать?

У меня так бьется сердце, что кажется, даже грудная клетка дрожит.

– Ты именно так и выглядишь, – тихо говорю я.

– Серьезно?

– Да, – киваю я.

Снежная тишина окутывает нас. Ной убирает волосы с моего лица, наклоняется, чтобы поцеловать, и мне кажется, что на всей планете не спим да и вообще существуем только мы с Ноем.

Лишь под вечер мне приходит эсэмэс от Эллиота.

«С Рождеством. Надеюсь, твое удалось», – читаю я, и на душе становится тоскливо.

Я смотрю на экран. Неужели это все? Если нет ни восклицательных знаков, ни поцелуйчиков, то значит, что-то случилось. Надо срочно позвонить Эллиоту. Пока все смотрят «Волшебника страны Оз», я незаметно ухожу в комнату Беллы и взбираюсь на свою кровать. На этот раз Эллиот отвечает на звонок.

– Эллиот, что стряслось?

– Что значит «что стряслось»?

– Ты прислал сообщение. Такое угрюмое.

– Ну, если бы ты провела адское Рождество с родителями из преисподний, ты бы тоже ходила угрюмой.

Мне сразу становится легче: похоже, Эллиот злится не на меня, а на своих предков.

– Ты мог бы перезвонить или написать раньше.

Следует длинная пауза. Я даже проверяю, не оборвалась ли связь.

– Я не хотел быть помехой, – наконец выдает Эллиот.

– Помехой чему?

Снова тишина.

– Ты же обещала, что это курортный роман.

Вот теперь мой черед отмалчиваться.

– Но он... Я... Не знаю, что это.

– В блоге ты звучишь увереннее.

– Неправда. Именно поэтому я и написала в блоге: я ни в чем не уверена, я запуталась.

– Значит, ты предпочитаешь обсуждать свои сомнения с тысячей незнакомцев, а не со мной.

– Нет же! Просто... Тебя нет рядом.

- Нет. Меня нет.
- Ну прекрати, Эл.
- Знаешь, давай лучше все обсудим, когда ты вернешься.
- Ладно. Тогда увидимся на следующей неделе?
- Да, увидимся.

Я вешаю трубку, и глаза наполняются слезами.

Ну почему, почему не может все быть хорошо? Почему, когда случается что-то чудесное, обязательно должна приключиться какая-нибудь неприятность? Мы никогда раньше не ссорились с Эллиотом, а сейчас мне кажется, что я его теряю, сама не знаю почему. И тут на ум приходит ужасная мысль. Что, если Эллиот разорвет нашу дружбу, когда я вернусь? Ной будет очень далеко, меня бросит лучший друг – у меня никого не останется. Я прижимаю к себе подушку и захожусь рыданиями.

– Не грусти, – раздается тонкий голосок, и я подпрыгиваю от неожиданности.

Я поворачиваюсь: рядом с моей постелью парит принцесса Осень. Следом за ней появляется Белла и забирается ко мне в кровать.

– Если тебе грустно, надо подумать о трех вещах, которые делают тебя счастливой, – говорит Белла, усаживая куклу рядом с собой. – Мне так Ной сказал, когда я грустила по маме с папой.

– Он все правильно сказал.

– Тогда подумай о них.

– О ком?

– О трех вещах. Что тебя делает счастливой?

– Ты, – говорю я не задумываясь. – Я счастлива рядом с тобой.

Белла радостно смотрит на меня.

– Хорошо. Теперь номер два.

– Я счастлива здесь, в этом доме.

– Так, что еще делает тебя счастливой?

– Ной, – тихо говорю я, заливаясь краской.

– Он тоже счастлив с тобой.

– Правда?

– О да. Он такой противный был всю прошлую неделю, а как с тобой познакомился, сразу стал улыбаться.

– Здорово. – Мне очень хочется узнать, что же случилось с Ноем на прошлой неделе, но я стесняюсь лезть в его личную жизнь.

– И я с тобой тоже счастлива, – смущенно признается Белла.

– Спасибо.

– И принцессу Осень ты тоже делаешь счастливой. Правда ведь,

принцесса Осень?

Белла берет куклу.

– Да-да, – пищит Белла тонким голоском, размахивая куклой в воздухе. – Она сделала меня счастливой, хотя и забыла придумать мне имя.

Я смеюсь вместе с Беллой и думаю, что все будет в порядке. Я разберусь с Эллиотом, когда вернусь домой, а сейчас надо получить максимум удовольствия от общения с Ноем, и с Беллой, и с принцессой Осень.

* * *

31 декабря

Не место красит человека, а человек место

Однажды мы с семьей решили провести день в местечке под названием «Коровье кладбище». Но, как выяснилось, интересное у места только имя. Ничего, кроме нескольких домов, одного кафе (оно оказалось закрыто) и автозаправки, в деревушке не нашлось. Тогда пapa дал нам ценный совет. Он сказал, что не нужно думать о том, где ты, а нужно наслаждаться обществом того, кто рядом. Если хочется весело провести время, то не важно, куда ехать. Мы здорово отдохнули в «Коровьем кладбище»: играли в прятки в лесу неподалеку, познакомились со старушкой, которая позвала нас на чай.

Конечно, Нью-Йорк скучным никак не назовешь, но исследовать его с Бруклинским Парнем оказалось особенно интересно. А самое удивительное, что за всю неделю я не увидела ни одной туристической достопримечательности. Бруклинский Парень возил меня в свои любимые места. Вчера мы побывали на пляже в Нью-Джерси. Из-за погоды там не было ни души, но мы здорово провели время: выводили наши имена на песке, пили горячий шоколад из термоса, а я сделала несколько отличных снимков набережной (которую американцы называют променадом). И пережила дорогу (в обе стороны) без приступов паники!

На другой день мы пошли в художественную галерею «В рамках», потому что Бруклинский Парень узнал, что там проходит очень моднаяотовыставка. Ее темой была «Надежда», и все фотографы по-разному ее передали. Мне больше всего понравилось фото девочки, прижавшейся щекой к витрине игрушечного магазина. Мне особенно повезло, что я попала туда с Бруклинским Парнем. Оказалось, что он знаком с владельцем галереи, и нас пустили на выставку, когда вход для остальных был закрыт. (И я особенно радовалась, что никто не видел, как я запнулась о брошенную на полу веревку. Как выяснилось, эта веревка была инсталляцией под названием «Змея», но я бы это современное искусство переименовала в «Опасно для здоровья»).

Так что мой пapa был прав: важно не где, а с кем ты проводишь время. Бруклинский Парень показал мне закрытую для туристов часть

Нью-Йорка, куда бы я без него никогда не попала.

А у вас есть подобные примеры?

Расскажите, как место преобразилось от того, с кем вы были рядом?

Желаю всем мега-весело встретить Новый год с мега-веселыми людьми!

девушка Online уходит в offline xxx

Глава тридцать третья

Очень давно люди говорили о времени, как о живом человеке, и называли его «Отец-Время». Если верить Эллиоту, то Отец-Время был седовласым стариком с длинной бородой, который всюду носил с собой песочные часы. Мне кажется, что еще у него было очень своеобразное чувство юмора. Иначе как объяснить то, что на экзамене по алгебре, или в кресле зубного врача, или когда падаешь на сцене так, что каждому видно, что у тебя под юбкой, – каждая минута кажется часом. Но когда случается что-то фантастическое, например, первая в жизни любовь, время бежит так быстро, что целая неделя пролетает в мгновение ока.

Сегодня – утро тридцать первого декабря. Завтра мы улетаем. Завтра мы улетаем, а значит, я расстанусь с человеком, которого, кажется, полюбила. За проведенные вместе дни список доказательств того, что мы с Ноем родственные души, изрядно пополнился. Я не стала записывать новые пункты в своем блоге, чтобы больше не расстраивать Эллиота, но в мыслях добавила такие важные вещи:

- мы оба любим читать книги с неожиданным убийством в конце;
- Ной открыл для меня особенные места Нью-Йорка, о которых я сама никогда бы не узнала;
- я точно знаю, куда отведу его в Брайтоне, если он когда-нибудь туда приедет;
  - ему нравятся мои фото, и он считает, что я могу организовать собственную выставку;
  - когда он это говорит, я чувствую себя увереннее и талантливее;
  - мы оба ненавидим селфи;
  - нам обоим нравится арахисовое масло с кусочками орехов;
  - рядом с ним я не могу удержаться, чтобы не сказать: «Подумать только, нам обоим нравится арахисовое масло с кусочками орехов!»

А завтра мне придется с ним расстаться, улететь за океан, назад к моим лицемерным, так называемым друзьям и к играющему в молчанку Эллиоту. Я лежу на кровати, уставившись в потолок, и меня переполняет грусть.

Не в силах больше себя мучить, я вылезаю из постели и спускаюсь вниз. Проходя по коридору, я слышу доносящийся из кухни голос Сейди

Ли:

- Мне кажется, ты должен ей все рассказать.
- Нет! – голос Ноя звучит так категорично, что я встаю как вкопанная. – Не хочу все портить. Так было хорошо...
- Доброе утро, Пенни! – Я подскакиваю, заслышав голос папы, остановившегося на верхней ступени.

Мы слышим, как на кухне отодвигается стул, и в дверном проеме показывается Ной.

- Привет, Пенни. Привет, Роб. Будете блинчики?
  - Спрашиваешь! – отвечает папа и сбегает вниз по лестнице.
- Я через силу улыбаюсь Ною, размышая только о том, что случайно подслушала.

О чем они говорили? Если обо мне, то что Ной должен мне рассказать? Весь день этот вопрос не идет у меня из головы, только усугубляя волнение перед отъездом. Когда я берусь за непростое дело – укладывание вещей в чемодан – я начинаю прокручивать в голове события прошедшей недели и выискивать доказательства того, что Ной от меня что-то скрывает. За все время что мы живем у Сейди Ли, я ни разу не видела друзей Ноя. Никто ему не звонил. Правда, он сказал, что на время завязал с телефоном. Но я до сих пор не знаю, чем он занимается в свободный от учебы год. Он упомянул подработку в магазинчике в центре города, но говорил о ней в прошедшем времени. Я сажусь на чемодан и вздыхаю. Снова я выискиваю плохое вместо того, чтобы наслаждаться хорошим. Ной ведь сводил меня в художественную галерею. Представил там меня своим друзьям. Разве он поступил бы так, будь у него что скрывать? Я ведь даже не уверена, что Сейди Ли и Ной говорили обо мне. Правда в том, что мне осталось провести в Нью-Йорке всего пару часов. Нельзя омрачать их глупыми подозрениями.

Вечером мы все (кроме Беллы, расположившейся с куклами под столом) сидим на кухне и играем в американскую монополию.

– Ну что Пенни, наверное, ждешь-не дождешься вылазки на Таймс-сквер? – спрашивает папа, раздавая всем игрушечные деньги. Он всегда отвечает за банк, когда мы садимся за монополию, и всегда выигрывает. Не удивлюсь, если окажется, что эти вещи взаимосвязаны.

– Да, – отвечаю я безо всякого энтузиазма.

Мы идем на Таймс-сквер, чтобы встретить Новый год, но как только часы пробьют двенадцать, закончится год, в котором мы с Ноем встретились, и начнется год, в котором нам предстоит расстаться. Мне хочется плакать от обиды, и я решаю поискать разницу между британской и

американской версиями монополий, чтобы не разреветься. Но, когда сердце рвется на части, новость о том, что в этой игре «станции» называются «ж/д вокзалами», ничуть не отвлекает.

Под столом Ной берет меня за руку. Я смотрю на него и улыбаюсь.

– Ты в порядке? – беззвучно спрашивает он.

Я киваю.

– А я вижу, что вы держитесь за руки, – напевает Белла из-под стола.

Мы с Ноем переглядываемся и начинаем смеяться.

– Знаешь, я тут подумал, – обращается Ной к Сейди Ли. – Почему бы тебе не пойти со всеми на Таймс-сквер? Я бы приглядел за малышкой.

– Я не малышка! – возмущается Белла.

– Ладно, ты большая девочка, Белла, – соглашается Ной. – Ты тоже должна отдохнуть, ба.

Сейди Ли недоуменно глядит на Ноя. Я тоже непонимающе смотрю на него. Почему он хочет остаться с Беллой в наш последний совместный вечер?

– А как насчет Пенни? – уточняет Сейди Ли.

«*Да, как насчет меня?*» – так и хочется прокричать во весь голос.

– Я подумал, что Пенни согласится присмотреть за малышкой вместе со мной, – отвечает Ной и с надеждой глядит на меня.

Я расплываюсь в улыбке. Определенно, мне больше хочется провести вечер дома с Ноем, чем с толпой незнакомых людей на Таймс-сквер.

– Я не малышка! – взвизгивает Белла.

– Да, большая девочка, – поправляется Ной.

– Но неужели Пенни согласится пропустить праздник на Таймс-сквер? – Сейди Ли переводит на меня вопросительный взгляд.

– Я не против, – отвечаю я. – Мне так даже больше нравится.

– Правда? – Папа удивленно поднимает бровь.

Я молю о чуде у Покровителя Всех Наивных Родителей.

– Ты переживаешь из-за скопления народа? – взволнованно спрашивает мама.

Я с трудом верю в свою удачу – неужели мою просьбу о чуде так быстро рассмотрели?

– Да, – отвечаю я. И это даже не ложь: я и вправду не люблю большие скопления людей.

– Может, тогда нам всем стоит остаться дома? – предлагает мама. – Завтра рано вставать на самолет.

– Нет! – почти выкрикиваю я. Но тут же стараюсь успокоиться – нельзя выдавать себя. – Мне будет неприятно, если из-за меня все

останутся дома. Не волнуйтесь, я с удовольствием понянчусь с малышкой.

Белла вылезает из своего укрытия.

– Я не малышка! – заявляет она, уперев руки в боки.

Я смеюсь и сажаю ее к себе на колени.

– Я знаю, извини.

Белла прижимается ко мне, и я обнимаю ее.

– Скушать о тебе буду, Пенни, – говорит Белла.

– И я скучать о тебе буду, – отвечаю я, пародируя американскую речь.

Все смеются, а папа качает головой.

– Ладно, оставайся, если хочешь, – говорит он.

– Да, хочу, – подтверждаю я с улыбкой. Ничего в своей жизни я не хотела так сильно.

Когда мама, папа, Сейди Ли и ее подруга Бетти уходят на Таймс-сквер, Ной спрашивает Беллу, чем бы та хотела заняться.

Недолго думая, Белла предлагает:

– Может, поиграем в принцесс?

Ной смеется.

– И кем же я буду? Принцем Ноем?

Белла отрицательно качает головой.

– Нет, глупенький. Ты будешь популярным Рок-принцем.

– Хорошая роль, – убеждаю я Ноя.

– Ага. – Не похоже, что Ной впечатлен.

– Пенни будет принцессой Осень, а я – принцессой Беллой Третьей.

Ной смотрит на меня и изумленно поднимает брови.

– А что же случилось с Беллой Первой и Второй? – интересуется он.

– Их убила свинья-инопланетянин.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не расхохотаться.

– Иди за гитарой, – велит Белла брату.

Я думаю о том, что ни разу не видела Ноя с гитарой со дня нашего знакомства.

– А ты, Пенни, переоденься в принцессу.

– Боюсь, у меня нет королевской одежды.

– А как же платье? То самое, в котором ты была на праздновании свадьбы? – подсказывает Ной.

– А, точно.

Я поднимаюсь в комнату, где остановились родители, и нахожу платье в мамином чемодане. На этот раз я решаю не надевать туфли и повязку: остаюсь босиком и с небрежно спадающими на плечи кудрями.

Я спускаюсь в гостиную. Ной сидит на диване и настраивает стильную черную гитару с жемчужно-белым грифом.

– О, выглядишь очаровательно, – хвалит меня Ной.

– Спасибо, принц Рок-звезды.

– Пожалуйста, принцесса Осень.

Белла уже переоделась в роскошное атласное платье насыщенного фиолетового цвета. Завидев меня, она радостно хлопает в ладоши.

– Будет так весело! Ной, спой ей песню, – просит Белла.

– Какую песню?

– Ту самую, – Белла смотрит на брата исподлобья. – Ту, что ты написал для Пенни, – громко шепчет она.

Ной тут же краснеет.

– Нет, не могу, я ее еще не закончил. Может, что-нибудь из «Холодного сердца»? Белла этот мультик пересматривала семь миллионов раз, – весело жалуется мне Ной.

– Да! Спой «Отпусти и забудь». Пожалуйста! – Белла складывает ручки в молитве.

Ной берет несколько аккордов и начинает петь. Белла танцует по комнате с плюшевым мишкой в обнимку.

– Обожаю ее, – говорит она мне запыхавшись.

Я слушаю эту песню в исполнении Ноя и тоже в нее влюбляюсь. Ной поет очень красиво и проникновенно. Такой голос невозможно забыть. Я поднимаю на него глаза: он смотрит на меня. Неужели Ной посвящает песню мне? Хочет ли он сказать мне то же, о чем в ней говорится?

Когда Ной доходит до строчки о преодолении страха, то смотрит на меня так пристально, что по спине бегут мурашки.

– Потанцуй со мной, – просит Белла, поднимая меня с дивана.

Я беру ее за руки, и мы начинаем быстро-быстро кружиться. Нас словно несет голос Ноя, наполняющий меня силой, бесстрашием, свободой. Наполняющий меня любовью.

Глава тридцать четвертая

Спустя два часа песен, танцев и наполненной приключениями жизни красивых принцесс, рок-звездных принцев и злобных свиней-пришельцев, Белла валится с ног от усталости.

– Похоже, кое-кто сейчас заснет, – говорит Ной, откладывая в сторону гитару.

– Нет, – протестует Белла вполсилы и кладет голову мне на колени.

– Давай Пенни прочитает тебе сказку на ночь, а я пока здесь все приберу.

Белла тут же вскакивает.

– Ура!

– Не спеши, – обращается ко мне с улыбкой Ной. – Мне тут надо парочку дел закончить.

Я киваю и беру Беллу на руки.

– Пойдемте, принцесса Белла Третья.

Я кладу девочку в кровать и сажаю рядом с ней принцессу Осень.

– Мне будет так грустно, когда ты уедешь, – устало произносит Белла.

– Мне тоже будет очень грустно, – отвечаю я, приглаживая ее волосы. – Думаю, что принцесса Осень с удовольствием останется у тебя.

– Правда? – Белла широко распахивает глаза.

– Да, ей здесь будет гораздо интереснее.

– Я тоже так думаю. И тогда я буду с ней играть каждый раз, когда заскучу по тебе.

– Точно.

Я кладу принцессу Осень под одеяло к Белле, и под рассказ о том, как принцесса Кейт и принц Уильям спасали королеву Елизавету от свиней-инопланетян, малышка засыпает. Я целую посыпающую Беллу в лоб и уже собираюсь уходить, как входит Ной.

– Хорошая работа, – кивает он на спящую сестру. – Я пришел поцеловать ее перед сном. Спускайся в подвал, я скоро приду.

Я согласно киваю, и меня переполняют восторг и страх одновременно. Наконец-то мы с Ноем останемся одни.

Я спускаюсь в подвал и замечаю в дальнем углу мерцание гирлянд. Сначала я решаю, что там стоит елка, но очертания на нее совсем не похожи. Я подхожу к дивану и вижу, что свет идет от стола для тенниса. Правда, увешанный одеялами и гирляндами, он уже не похож на теннисный

стол. Я слышу шаги Ноя за спиной.

– Я построил для тебя палатку, – говорит он. – Мне запомнилось, как ты рассказывала, что ребенком больше всего любила играть в домике из одеял, таком уютном и... – Ной смущенно замолкает.

Глаза наполняются слезами.

– Плохая была идея, да? – спрашивает Ной. – Черт, ты плачешь. Точно плохая идея. Извини, я...

– Что ты, – останавливаю я Ноя. – Мне еще никто не делал такого замечательного подарка.

– Серьезно? – радуется Ной.

– Да. Спасибо, что слушал меня и запомнил мои слова.

– А с чего мне их забывать? – удивляется Ной. – Готовься удивиться тому, что увидишь внутри.

Ной берет меня за руку, и мы подходим к палатке. К одному из одеял прикреплено написанное от руки предупреждение:

Это палатка Пенни. Вход воспрещен! ...всем, кроме Ноя.

Ной приподнимает одеяло и движением руки предлагает мне войти. Я опускаюсь на колени и заползаю внутрь. На полу набросаны подушки всевозможных цветов, а по краям натянута гирлянда, то плавно гаснущая, то вновь зажигающаяся цветными огоньками. В одном углу стоит поднос с домашними пирожными-корзиночками от Сейди Ли. В другом – кувшин лимонада и два стакана.

– Очень здорово, – говорю я Ною, заползающему следом.

– Правда нравится?

Ной так внимательно смотрит на меня, словно пытается прочесть мои мысли, убедиться, что я говорю искренне.

– Да! Эта палатка во много раз лучше той, что я строила в детстве. Для начала, у меня никогда не было гирлянды.

Ной довольно улыбается.

– И уж тем более... – Я замолкаю на полуслове.

– Тем более?.. – Ной ждет моего ответа.

Он так близко, что я ощущаю его дыхание на моем лице.

– Прекрасного принца.

Я перевожу взгляд на подушки.

– Пенни?

– Да?

– Ты мне нравишься.

– И ты мне.

– Нет, ты мне действительно нравишься. Так сильно, что это похоже...

Я смотрю на него, в надежде услышать важные слова.

– ...любовь, – шепчет он.

Я беру его руку и смотрю на татуировку на запястье.

– Ты мне тоже нравишься так сильно, что это похоже на любовь.

– В фильмах никогда не бывает все так гладко! – улыбается Ной.

Я смеюсь.

– Никогда. Но можно было и почетче сказать.

Ной обнимает меня и притягивает к себе.

– Я так не хочу, чтобы ты уезжала, – шепчет он мне на ухо.

– Я тоже.

Я прижимаюсь к Ною и кладу голову ему на плечо.

– Но ведь это не конец?

Я подаюсь назад и смотрю на Ноя. Так и хочется протянуть руку к его волосам и убрать с лица непослушные завитки.

– Я обязательно придумаю, как выбраться к тебе в Англию, а ты можешь прилететь ко мне, когда захочешь. А пока будем общаться по Интернету. Ради этого я даже готов его снова включить, – с улыбкой говорит Ной.

– Я польщена.

– Так и задумывалось.

А потом я чувствую его губы. Он покрывает мою шею поцелуями, легкими, как крылья бабочки. Затем лицо, глаза, кончик носа, губы... Он целует меня так страстно, так чувственно, что мне хочется, чтобы наш поцелуй длился вечно. Но тут что-то начинает пикировать. Я отстраняюсь и взъерошенно смотрю на Ноя.

– Что это?

– Извини, это мои часы. Я завел будильник на двенадцать, чтобы мы не пропустили Новый год.

Ной снова прижимает меня к себе.

– Счастливого Нового года, Пенни!

– Счастливого Нового года, – отвечаю я, всем сердцем желая, чтобы год и вправду оказался счастливым.

Мы опускаемся на подушки и лежим в обнимку. Я мысленно молю Отца-Время сжалиться над нами и остановить все часы на свете, чтобы наши поцелуи никогда не кончались.

Глава тридцать пятая

Официально заявляю: Отец-Время, я тебя ненавижу! Ненавижу сильнее, чем школьных задир, экзамены и маринованный лук. Мы с Ноем провели вдвоем час, но он пролетел, как одна наносекунда. У меня есть только одно утешение. Когда я закрываю глаза и представляю Новый год в палатке, вспоминаю прикосновения Ноя, я будто снова оказываюсь в его объятиях. Мне было не под силу остановить бег часов, но я могу вернуть время, проведенное в палатке. И сейчас я переношуся в прошлое: пока мама и папа спускают свои вещи в гостиную, я сижу на чемодане с закрытыми глазами и вспоминаю, как Ной поправлял мои волосы, нежно гладил рукой по спине.

– О чём задумалась?

Я открываю глаза и вижу Ноя на другом конце комнаты.

– О палатке, – отвечаю я и чувствую, как горят щеки.

– Я тоже ни о чём другом думать не могу. – Ной подходит ко мне и берет за руки. – А давай ты спустишься вниз и спрячешься в ней? Я скажу, что тебя украли свиньи-пришельцы, и твоим родителям придется вернуться домой одним.

Я грустно улыбаюсь.

– Если бы все было так просто.

Ной обнимает меня, а я кладу голову ему на плечо. Мы идеально подходим друг другу. За что нам это?

– Все будет хорошо, – шепчет мне Ной. – Все будет хорошо.

Но будет ли? Как может все быть хорошо, когда мы живем так далеко друг от друга?

Мы едем в аэропорт, и я ощущаю, что печаль внутри меня разрастается, как злокачественная опухоль. Мама и папа едут с Беллой в машине Сейди Ли, а я – в пикапе Ноя. На этот раз его комментарии про грядущие повороты и светофоры мне ни к чему. Я так поглощена горем, что нет сил паниковать.

Ной занимает место на парковке у терминала и поворачивается ко мне:

– Послушай, Пенни. Ты не обидишься, если я останусь в машине? Не очень люблю публичные прощания. Лучше я все скажу тебе сейчас и здесь, наедине.

Меня окатывает волной разочарования.

Ной запускает руку во внутренний карман куртки и достает CD-

болванку.

– У меня есть для тебя кое-что. Я записал это для тебя.

Я беру диск из рук Ноя.

– На нем песня, о которой говорила Белла? – с надеждой спрашиваю я.

– Возможно, – ухмыляется он и густо краснеет. – Да, это та самая песня. Я записал ее на компьютере, так что качество не ахти, но я все равно хочу, чтобы ты ее послушала. Чтобы узнала, что я чувствую.

Я смотрю на магнитолу.

– Можно сейчас послушать?

Ной смеется и качает головой.

– Ни за что! Послушаешь его, когда прилетишь в Англию. Зайдешь домой, а привет от меня уже тут как тут.

Боль в душе начинает понемногу утихать. Я беру Ноя за руку.

– Спасибо тебе. Извини, у меня нет для тебя подарка...

– Ты и так мне много подарила. – Ной сжимает мою ладонь. – Ты даже представить себе не можешь, как много. Дело в том, что незадолго до нашей встречи у меня...

Рядом с нами паркуется Сейди Ли, и Ной замолкает.

– Неважно, – говорит Ной, вздохнув. Потом он проводит рукой по моему лицу. – Пенни, ты мне так сильно нравишься, что похоже, это любовь.

– И ты мне нравишься так сильно, что похоже, это любовь.

Мое сердце полно надежды. Говорят же, что любовь всесильна? И в песне поется, что «любовь побеждает». И если любовь побеждает, то она не исчезнет, даже разделенная Атлантическим океаном.

Я слышу, как открывается дверь машины Сейди Ли. Наше время подходит к концу. Ной обнимает меня, и мы целуемся.

– Я же говорила, что они влюбились! – громко заявляет Белла, стоя под окнами машины.

В самолете я держусь за наш с Ноем последний разговор, как за спасательный круг. Каждый раз, когда мне становится грустно, я напоминаю себе, сколько всего произошло с тех пор, как я улетела в Америку. Мне кажется, что домой я возвращаюсь совершенно иным человеком. На этот раз мне не нужно представлять себя кем-то, кем я не являюсь, мне больше не нужно альтер-эго супергероини, мне комфортно быть самой собой. Когда самолет попадает в зону турбулентности, я перебираю в голове все достижения последних дней: я худо-бедно научилась контролировать панические атаки, я побывала на американской

свадьбе в роли неофициального фотографа, сделала «отличный выбор» в музыкальном магазине Бруклина, встретила первое в жизни Рождество по-американски, влюбилась. Я влюбилась! Несмотря на то, что маленькая фигурка самолета на экране медленно удаляется все дальше от Америки, дальше от Ноя, я не переживаю. Почему-то я уверена, что расстояние не станет для нас преградой.

Мы приземляемся, и радость от спокойного перелета смешивается с моей новообретенной уверенностью в себе. Несмотря на усталость, я настроена решительно, как никогда. Я уложу отношения с Эллиотом. Я скоплю денег, работая у мамы во «Вместе навсегда», чтобы купить билет до Нью-Йорка. Мне больше нет дела до того глупого видео и до Меган с Олли тоже. Я сбросила прошлую жизнь, как старую кожу, и представляю, что она плавает сейчас где-то в Атлантическом океане.

Мы добираемся домой только за полночь. Все выглядит иначе. Кажется чужим. Рождественские украшения смотрятся блекло и уныло, а в доме нестерпимо холодно.

Мама и папа идут на кухню делать чай, а я направляюсь прямиком в спальню, чтобы послушать диск Ноя. Я забираюсь на кровать, и тут же раздается стук в стену. Эллиот! Затаив дыхание, я готовлюсь к расшифровке кода. Один удар, потом четыре, потом пять, что значит: «Я тебя люблю».

На сердце становится легко. Мы с Эллиотом не переписывались с самого Рождства. Раньше я никогда не прекращала общение с Эллиотом на такое долгое время. Не успеваю я ответить ему, как снова раздается стук: «Можно прийти?» Я мгновенно отбиваю код: «Да, приходи сейчас».

Диск можно послушать и позже, сейчас надо вернуть дружбу с Эллиотом. Я слышу, как хлопает входная дверь, и ложусь на кровать. Глядя в потолок, я прислушиваюсь к голосам папы и Эллиота, к шагам поднимающегося по лестнице друга. Моя жизнь возвращается на круги своя. Сейчас откроется дверь. Я отсчитываю секунды: одна, две, три, четыре...

– Пенни! – В комнату врывается запыхавшийся Эллиот. – Извини меня. Я так по тебе соскучился. У тебя... У нас... Все по-прежнему?

Я сажусь и дружелюбно улыбаюсь.

– Конечно, все в порядке.

– Ну слава богу! – Эллиот присаживается на край кровати. – Извини, что портил тебе настроение. Но ты не представляешь, каково мне было. Полнейший ад. Угадай, что родители подарили мне на Рождество?

Я пожимаю плечами.

– Абонемент на сезон регби. Регби! Они же знают, что я ненавижу эту игру. Всем сердцем ненавижу. – Эллиот в отчаянии взводит руки к небу. – Каким родителям в голову придет дарить единственному сыну вещь, которую он всем сердцем ненавидит? Ну каким? И они искренне думали, что сырное фондю станет лучшим блюдом на рождественском ужине. Совсем ку-ку! Им захотелось, видите ли, молодость вспомнить.

– Бедняга. – Я сочувствуяще качаю головой.

– Да, им уже не помочь, всякая надежда умерла. – Эллиот тяжело вздыхает. – Твоя очередь.

– Для чего?

– Расскажи мне о Прекрасном Принце.

– Правда хочешь послушать? – Я вглядываюсь в лицо Эллиота – убедиться, что ему и впрямь интересно.

– Конечно, – с улыбкой отвечает Эллиот.

Я обрисовываю события последней недели, не вдаваясь в подробности и отпуская самые интересные моменты, чтобы не расстраивать Эллиота. Закончив рассказ, я с волнением смотрю на друга. Прочитать эмоции по его лицу не получается.

– А что ты чувствуешь сейчас? Зная, что вы больше никогда не увидитесь?

– Все будет хорошо, мы что-нибудь придумаем.

Эллиот хмурит брови.

– Но он – в Нью-Йорке, а ты – в Брайтоне.

– Да, я знаю. – Мне все сложнее сохранять положительный настрой. – Но мы можем приезжать друг к другу в гости.

Эллиот кивает, но сомнение в его взгляде пробивает брешь в моей броне самоуверенности.

Мы оба молчим, и я жалею, что согласилась рассказать ему про Ноя.

– Ну, а фотографию его покажешь? – прерывает тишину Эллиот.

Я достаю из сумки камеру и пролистываю фото, сделанные в парке.

– Вот. Сфотографировала на утро после Рождства.

Эллиот разглядывает изображение, а я внимательно изучаю его лицо. Мне очень хочется, чтобы Ной ему понравился, чтобы Эллиот оценил мой выбор.

Эллиот коротко кивает.

– Симпатичный, – хвалит он Ноя, но я чувствую напряженность в его голосе. – Лицо знакомое. Скулы как у Джонни Деппа.

Эллиот возвращает мне фотоаппарат.

– Как ты смотришь на то, чтобы завтра выбраться в город? Мне надо

подобрать клетчатую рубашку к новой ковбойской шляпе.

Вот так обрывается наш разговор о Ноэ. Эллиот начинает болтать о том, что хочет перенять американский стиль одежды, а у меня в сердце нарастает разочарование.

Разве не должен мой лучший друг радоваться, что я начала встречаться с парнем? Разве не должен расспросить меня о нем во всех подробностях? Не понимаю, что творится с Эллиотом. Ведь сейчас я с ним, дома, в тысячах километров от Ноя.

Я сейчас в тысячах километров от Ноя...

Меня не успевает захлестнуть тоска – телефон уведомляет о пришедшем сообщении. Эллиот продолжает говорить, а я достаю мобильный и читаю эсэмэс.

Надеюсь, ты хорошо долетела.
Но лучше бы осталась со мной.
Скучаю по тебе, мой Переломный Момент.

Я довольно улыбаюсь.

– Может, мне пора? – спрашивает Эллиот и недвусмысленно кивает в сторону телефона.

– Что? – переспрашиваю я, сочиняя ответ Ною.

– Если хочешь, я могу пойти домой.

– А, ну да, я немного устала после перелета.

Эллиот встает.

– Ладно. Увидимся завтра.

– Обязательно.

Как только Эллиот уходит, я отправляю Ною ответное эсэмэс:

Долетела хорошо.
Сильно скучаю и тоже хочу к тебе.
Сейчас буду слушать диск xx

Я включаю гирлянду и зажигаю свечу с ароматом апельсина и корицы – подарок Сейди Ли на Рождество. Телефон снова сигнализирует о сообщении.

Уф, надеюсь, тебе понравится!

Я открываю коробочку, достаю диск и взволнованно замираю. Я представляла, что Ноэ написал мне любовную балладу, но что, если это –

глупая песня-шутка? Что, если она про мою любовь к арахисовому маслу с кусочками орехов? «Соберись!» – приказываю я себе и отправляю диск в плеер. Как оказывается, я зря нервничала. С первого гитарного аккорда я чувствую, что песня мне понравится. Я откидываюсь на кровать и замечаю небольшую записку,ложенную в бокс для диска. Я разворачиваю ее в ту секунду, когда раздается голос Ноя. На верху страницы написано «Девушка-Осень», название песни. А ниже – сам текст. Я читаю его в унисон с пением Ноя.

ДЕВУШКА-ОСЕНЬ

Девушка-осень,
Если кто спросит,
Почему зима золотом стала полна,
Я скажу, что в любовь окунулась она.

Когда я потерялся,
Помогла ты найти
Счастье вновь улыбаться,
Смысл по жизни идти.

Девушка-осень,
Если кто спросит,
Почему мне луна светит ярче огня,
Я скажу, что любовь изменила меня.

Ты сейчас далеко,
Где-то там, без меня.
Закрываю глаза —
Снова вижу тебя:
Кудри цвета заката,
Ясный свет твоих глаз.
Я мечтаю тебя
Обнять еще раз.

Девушка-осень,
Любовь изменила меня,
Любовь изменила меня,
Наша любовь изменила меня.

Я слушаю песню, и все мои сомнения тают, как свечка с ароматом корицы. Нои посвятил эти прекрасные слова мне. Они – про меня. Я хватаю телефон и пишу Ною сообщение. В конце я перебарщиваю с поцелуйчиками, но уверена, он не будет против.

Спасибо! Я в восторге! ☺ xxxxxxxx

Тут же приходит ответ.

Правда?

Да!!! Она замечательная xxxx

Как и ты

Я уже пишу ответ, но от Ноя приходит еще одна эсэмэска:

Самый замечательный переломный момент в истории переломных моментов

Сам такой xxx

Я ставлю песню на повтор и весь вечер слушаю голос Ноя. Я представляю, что мы снова сидим в палатке при свете мерцающих гирлянд, и Ной прижимает меня к себе. В эту ночь, впервые за долгое время, мне не снятся кошмары.

* * *

2 января

С Новым годом!

Привет!

Надеюсь, вы хорошо отпраздновали Рождество.

Итак, я снова дома. И раз новый год только начался, почему бы не посвятить этот пост планам на следующие двенадцать месяцев?

В журнальной статье, которую я прочитала в самолете, по дороге домой, говорили, что нельзя ставить перед собой больше трех целей на год. Если придумать еще, то шансы все выполнить, уменьшаются.

Как я согласна с этой статьей!

Мне всегда нравилась идея придумать план дел на год, и я всегда исписывала по несколько страниц, а уже в феврале понимала, что выполнила от силы один пункт из множества (и, увы, не тот, в котором обещаю есть поменьше шоколада). У меня сразу опускались руки, и я забрасывала эту затею.

Так что на этот год я напишу всего три цели. Будет здорово, если каждый из вас поставит перед собой три цели и запостит их в комментариях. Тогда мы сможем следить за тем, как у нас получается вычеркивать их из списка (как мы делали под постом о страхах).

Я начну. Вот мои три цели на наступивший год:

Цель первая: быть счастливой.

Цель вторая: побороть свои страхи.

Цель третья: поверить в себя.

Пока я печатала, мне вот какая мысль пришла в голову.

Если бы не Бруклинский Парень, то я ни о каких целях сейчас бы и не думала.

Честно говоря, он уже помог мне начать путь к их достижению.

Я по нему безумно скучаю, и без вашей поддержки в комментариях к предыдущему посту мне было бы совсем плохо.

Спасибо всем, кто написал, что у нас с Бруклинским Парнем все хорошо сложится.

Если бы я решила подписать в список годичных планов еще один пункт, то им бы стала цель «Верить в то, что у нас все сложится».

И еще спасибо всем, кто поделился историями о том, как веселые люди преобразили скучные места. С удовольствием все прочитала.

А всем, кто просит меня выложить фотографию Бруклинского Парня, отвечаю: есть вещи, которые должны оставаться в личном архиве. Надеюсь, вы меня поймете.

Еще раз с праздником! Уже не терпится прочитать о ваши планах на год!

девушка Online уходит в offline xxx

Глава тридцать шестая

Дописав новый пост, я сажусь перед туалетным столиком, чтобы подготовиться к прогулке с Эллиотом. Уже почти полдень. Мама с папой отправились в супермаркет, чтобы забить пустой холодильник, а Том вернулся и в попыхах доделывает заданную в университете домашку. Жизнь входит в привычную колею, будто Нью-Йорка вовсе не было. Все стало прежним, но только не я.

Я слушаю играющую фоном песню Ноя и всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Внешне я не изменилась: те же веснушки, те же рыжие волосы. Но теперь я смотрю на себя иначе. В фильмах иногда положительные герои вдруг оказывается коварными убийцами или наоборот. Нечто похожее произошло и со мной: внезапно выяснилось, что я вовсе не застенчивая дурнушка. А все, что я считала недостатками моей внешности, на самом деле делает меня похожей на осень и закат. Я больше не собираюсь замазывать веснушки тональным кремом или прятать слишком рыжие волосы в хвост. Наоборот, я буду распускать волосы и гордиться ими.

Я посмотрела на себя глазами Ноя и поняла, как на самом деле выгляжу. Я перевожу взгляд на фото Ноя, прикрепленное к зеркалу. Я напечатала его, как только проснулась, чтобы любоваться им, когда захочется. «Спасибо», – шепчу я улыбающемуся парню на снимке.

Когда я беру в руки расческу, телефон сообщает о пришедшей эсэмэске. Я ожидаю увидеть сообщение от Ноя, но, прочитав имя отправителя, я падаю – нет, просто обрушаюсь – духом. Это Меган.

Привет, Пенни! Уже вернулась? Давай увидимся хохо

Я смотрю на экран и понимаю, что пора действовать решительно. Если я и вправду изменилась, то самое время доказать это на деле: раз и навсегда разобраться с Меган. Я нажимаю «ответить» и печатаю сообщение:

Спасибо не хочется

Телефон сигнализирует о полученном ответе, и у меня сердце чуть не вырывается из груди.

Что?!!!

Глубоко вдохнув, я набираю:

Я не хочу с тобой видеться потому, что нам не о чём говорить.

Я барабаню пальцами по столу, ожидая, что ответит мне Меган. Представляю, как она откидывает назад волосы и надувает губы. Сейчас ее манеры кажутся мне детскими, даже глупыми. Такое чувство, что пролетев полмира, я стала смотреть на свою жизнь и на все, что должна в ней поменять, иначе, с высоты птичьего полета. Телефон пищит.

Поверить не могу, что ты такое написала!
После всего, что я для тебя сделала!

Что?! Я перечитываю сообщение, не веря своим глазам. После всего, что она для меня сделала? На этот раз, сочиняя ответ, я ни капли не нервничаю. Я закипаю от злости.

Что, например? Выложила то видео на фейсбук? Постоянно меня унижала? Обойдусь как-нибудь без такой дружбы, спасибо. Не пиши мне больше.

Я нажимаю «отправить». У меня трясутся руки, но я собой горжусь. И тут я понимаю, что разом достигла сразу трех целей, о которых писала в посте. Я поборола свой страх перед Меган, я поверила в себя и от этого стала поистине счастливой. Я обновляю страницу блога и вижу, что у меня уже два новых комментария.

Привет, Девушка Online,
С Новым годом!
Вот три моих цели:
1. Научиться с гордостью смотреть на свое отражение в зеркале;
2. Читать больше книг;
3. Есть поменьше сладкого.
Эмбер xx

Я тут же пишу ей ответ:

Спасибо, Эмбер, и удачи! Особенно с последним пунктом!

Xx

Я прокручиваю страницу до следующего комментария и, прочитав его, замираю.

У меня одна задача на этот год: никогда не ставить жизнь онлайн превыше реальной.

Мне становится тошно, но не от комментария, а от подписи «Уолдорф Уайлд». Эллиот написал мне, хотя раньше никогда этого не делал. Когда я начинала блог, то мы сразу договорились, что он не будет мне писать, дабы не разрушать анонимность. В этом комментарии он явно говорит обо мне. Я смотрю на экран и не понимаю, почему Эллиот оставил такое послание. Наверное, потому, что я снова написала про Бруклинского Парня. Но чего Эллиот ждал? Все-таки он слишком странно реагирует на мои рассказы о Ное. По крайней мере мои читатели поддерживают меня. И они хотят знать все об этой истории.

Я слышу, что внизу звонят в дверь. Эллиот должен прийти после часа. Во мне загорается огонек надежды. Наверное, он решил зайти пораньше. Наверное, он хочет извиниться.

До меня доносятся два мужских голоса: Том разговаривает с пришедшим, потом раздаются шаги на лестнице и стук в мою спальню. Я ставлю ноутбук на стол и, чтобы морально подготовиться, набираю полную грудь воздуха.

– Войдите!

Но даже самый глубокий вдох не смог бы меня подготовить к тому, что я вижу. Дверь распахивается, и в комнату входит Олли.

– Олли!

– Привет, Пенни. – Он переминается с ноги на ногу и поправляет свои взъерошенные светлые волосы. – Надеюсь, ты не против, что я вот так заявился. Твой брат сказал мне подняться.

– Аaa.

Еще несколько секунд я смотрю на Олли и не нахожу, что сказать. Почему он пришел ко мне в дом? Он выглядит таким смущенным и растерянным, будто и сам не знает, что здесь делает.

– Проходи, садись, – наконец говорю я, показывая на кресло.

Олли подходит к креслу и встает рядом. Он и правда выглядит растерянно. В руках он сжимает завернутую в рождественскую упаковку плоскую коробку. Заметив, что я ее разглядываю, он протягивает ее мне со

словами:

– Я тут... я тебе подарок принес.

– Мне? – Я не могу сдержать удивления. Беру из рук Олли подарок и кладу его на кровать. – Ты садись, если хочешь.

Олли присаживается.

– Ты изменилась. Здорово выглядишь. Не то, чтобы раньше ты выглядела не так здорово...

Да что, блин, здесь происходит?! Вдруг мне становится дурно. А что, если его подослала Меган? Неужели она решила мне так тонко отомстить за то сообщение? Нет, не может быть. Не могла она так быстро подговорить Олли сюда прийти. К тому же он очень искренне стесняется.

– Спасибо, – бормочу я.

– Ну как отдохнула, хорошо? – спрашивает Олли.

– Да, просто супер.

От одной мысли о Нью-Йорке и Ноэ на душе становится спокойно. Да, сейчас ситуация ужасно странная, но я не переживаю. Справлюсь.

– Хорошо. – Олли смотрит в пол. – Дело в том, что... Я пришел к тебе до начала учебы, чтобы сказать, что мне очень жаль.

– За что?

– За то, что произошло после спектакля. Не подумай, что это я выложил видео или что-то в этом роде, – быстро добавляет он.

Я киваю, вспомнив комментарий Олли под видео, в котором он сказал, что я милая.

– Мне очень жаль, что так случилось. И что тебе пришлось отсиживаться дома.

Я внимательно изучаю его лицо, чтобы заметить признаки лжи, но, похоже, Олли говорит искренне и на самом деле переживает.

– Дело в том, Пенни, что ты мне нравишься.

От изумления у меня челюсть отвисла – в прямом смысле, я понимаю, что стою с открытым ртом.

– Мне надо в туалет.

Не знаю, зачем я это говорю. Хотя, нет – знаю: мне просто нужно на секунду выйти и все обдумать, но «туалет»...

– Ну, да, давай. – Олли кивает и делает шаг в сторону.

– Сейчас вернусь, – выпаливаю я и пулей вылетаю из комнаты.

Запервшись в ванной, я начинаю расхаживать туда-сюда, что не очень-то просто делать в помещении в два метра длиной.

Олли сказал, что я ему нравлюсь. Стоп. Что он имел в виду? Он что, влюбился? О нет! Я шумно вздыхаю, вспомнив наш разговор с Ноем. Когда

я вернулась из Нью-Йорка, все действительно изменилось. Я столько лет мечтала, что Олли скажет мне нечто подобное. Столько ночей лежала в кровати и проигрывала в голове разные варианты признания Олли в любви. Но я и представить не могла, что это случится. И уж тем более я не могла предположить, что когда Олли скажет, что я ему нравлюсь, я почувствую... Ничего не почувствую. В моих мечтах все признания скреплялись страстным поцелуем. Но, встретив Ноя, я поняла, что не испытывала к Олли настоящих чувств. Я сама их себе нафантазировала.

Но сейчас я не в мечтах, а в реальности, и это признание тоже более чем реально, и мне надо что-то делать. Я ополаскиваю лицо холодной водой и смотрюсь в зеркало. «У тебя получится», – подбадриваю я себя.

Я возвращаюсь в комнату. Олли сидит на кровати с взволнованным видом.

– Только не говори, что ты тоже в него влюбилась, – просит он, кивая в сторону фотографии Ноя на зеркале туалетного столика.

– О чём ты?

– О Ное Флинне. Меган мне все уши прожужжала про него и его дурацкую песню «Мосты». Я ей сотню раз повторил, что он без памяти влюблен в Леа Браун, но Меган как не слышит.

Все замедляется, совсем как за секунду до автокатастрофы. Я берусь за спинку стула, чтобы устоять на ногах.

– Что ты сказал?

Олли снова кивает на портрет Ноя.

– Певец Ной Флинн. Ты тоже по нему с ума сходишь?

Глава тридцать седьмая

Я сосредотачиваюсь на лице Олли и пытаюсь прийти в себя. Не мог мир в одну секунду перевернуться с ног на голову и одновременно вывернуться наизнанку. Этому должно быть какое-то объяснение.

– Я... Я его знаю.

– Ну да. – Олли улыбается.

– Правда. Я познакомилась с ним в Нью-Йорке.

Я опускаюсь на стул, голова усиленно работает. Что Олли имел в виду, спрашивая, не втюрилась ли я? И почему он сказал, что Ной без памяти влюблен в Леа Браун? Леа Браун – очень известная поп-певица.

Олли поднимается и подается вперед с неподдельным интересом на лице.

– Серьезно?

Киваю.

– Bay! Меган тебе обзавидуется. Ну и как он? – Олли делает круглые глаза. Будто я ему только что сказала, что познакомилась с президентом.

– Он был... и до сих пор... очень милый. А что ты там про него и Леа Браун говорил?

– А, они встречаются. Думаю, одну из песен в следующем альбоме он посвятит ей.

Олли говорит это как бы между делом, и мне хочется рассмеяться. Слишком все нереально звучит. Но что, если это правда? На память приходит подслушанный разговор Ноя с Сейди Ли, и мне становится не по себе. Не об этом ли она просила Ноя мне рассказать? Не может быть. Это уж слишком. Если бы Ной был известным певцом, встречающимся со всемирно известной умопомрачительной красоткой, я бы об этом знала. Скорее всего, Олли обознался. Странное совпадение, вот и все.

– Ты уверен, что это он? – уточняю я.

Олли встает и подходит к фотографии.

– Да, точно он. По татуировке на запястье узнал. – Он удивленно поворачивается ко мне. – Почему ты спрашиваешь? Если ты с ним знакома, то почему сомневаешься, что это Ной Флинн?

– Да, я... – Я осознаю, что Ной ни разу не назвал мне свою фамилию. – Я... я плохо себя чувствую, – говорю я, опускаясь на постель.

– Сочувствую, – Олли кладет руку мне на плечо, и я невольно вздрагиваю.

– Думаю, тебе лучше уйти.

– Что? Но с тобой же все было нормально минуту назад.

– Да, а сейчас – не нормально, – отвечаю я, не задумываясь, что прозвучу грубо. Мне хочется, чтобы Олли поскорее оставил меня одну. Я должна все осознать.

– Эээ, ладно. Но я собирался… Хотел спросить…

Неужели Ной – известный певец? Бессмыслица какая. Но, если честно, это многое объясняло. Волшебный голос Ноя, песня, которую он написал для меня… Но почему он посвятил мне песню, если встречается с кем-то еще?

– Может, сходим пиццу поедим или еще куда?

– Чего? – ужасаюсь я.

– Не переживай, Пенни. Я знаю о твоих чувствах ко мне. Давно знаю. Меган мне все рассказала.

Так, теперь меня словно заперли в ужастике, события которого ухудшаются с каждой следующей сценой.

– И мне кажется… Мне кажется, что я в конце концов к тебе что-то подобное испытал.

В конце концов? Он это серьезно?

– Я хочу, чтобы ты ушел, – категорично говорю я.

– Ладно, но это значит «да»? – с надеждой спрашивает Олли.

– Нет! Это значит «нет». Извини. Ты не мог бы уйти?

Олли смотрит на меня, и на секунду повисает мучительная тишина.

– Ясно, – резко отвечает он. – Увидимся в школе.

– Да.

Я с трудом понимаю, что происходит, и буквально выпихиваю Олли за дверь.

Оставшись одна, я побегаю к ноутбуку, выхожу из блога, открываю Гугл и набираю в строке поиска «Ной Флинн». Это какая-то ошибка, не более. Уж не знаю с чего вдруг, но Олли просто обознался.

– О нет!

Я зажимаю рот рукой, увидев результаты поиска. Рядом со второй ссылкой – фото: Ной с гитарой в руках. Я перехожу на сайт, и у меня сводит живот. Читаю заголовок: «Интернет-сенсация Ной Флинн заключил контракт с Сони». Я открываю статью, превозмогая себя.

Оказывается, пару лет назад, Ной начал выкладывать свои песни на Ютуб, и его канал собрал больше миллиона подписчиков. А несколько месяцев назад звукозаписывающая компания «Сони» заключила с ним контракт. Меня берет гордость, когда я читаю слова представителя

компании о «врожденном таланте к музыке» у Ноя, и радуюсь, что они выпустят его первый альбом.

А потом я вспоминаю, что Олли сказал об отношениях Ноя и Леа Браун. Вот это точно не может оказаться правдой. Леа Браун – суперзвезда, из тех, что ездит только на лимузине, открывает фестивали и собирает стадионы, – не меньше. Том с друзьями видели ее на музыкальном фестивале на острове Уайт в прошлом году. Трясущимися руками я набираю в поисковой строке «Ной Флинн и Леа Браун». Загружается страница ссылок. В основном – на американские сайты со сплетнями о знаменитостях. Всем статьям немногим больше месяца, и во всех одна новость: «Ной Флинн и Леа Браун теперь вместе».

Я напряжена так, что едва дышу. На середине страницы поиска я вижу цитату из Твиттера Леа Браун:

Отдыхаем с @нойфлинн на Венис-Бич

Я кликаю по ссылке, сердце бешено бьется. Последний пост Леа Браун – пожелание фанатам счастливого Нового года, под ним – реклама нового сингла, а ниже... Меня передергивает, когда я читаю:

С Рождеством @нойфлинн Встретимся, когда вернусь из
Лос-Анджелеса Хо

Я прокручиваю страницу. Не могу остановиться, хотя и знаю, как будет больно читать дальше.

С моим любимым @нойфлинн на рождественской вечеринке
Сони Хо

К этой записи прикреплено фото: Леа Браун стоит за спиной у Ноя, обнимая его за шею. Запись сделана за день до моего знакомства с Ноем. Меня просто выворачивает наизнанку.

Я захожу на профиль Ноя, чтобы найти записи, доказывающие его предательство, но Ной сделал в Твиттере только три заметки, все – про его контракт с «Сони». Я смотрю на фото, прикрепленное к зеркалу, и от обиды глаза наполняются горячими слезами. Как мог Ной так со мной поступить? Как он мог врать мне так убедительно, так расчетливо, несмотря на то, что у него есть девушка? И не какая-нибудь простушка, а всемирно известная поп-звезда, по уши в него влюбленная. И почему Сейди Ли позволила ему

так меня обмануть?

Телефон сообщает о пришедшем эсэмэс. Я в ужасе замираю: вдруг оно от Ноя? Что я ему скажу? Что мне делать? Я дрожащими руками беру телефон. Сообщение от Эллиота.

Не в настроении гулять по городу.

Лучше останусь дома и сделаю домашку по алгебре х

Глазам не верю. Похоже, Эллиот не жалеет о том, что написал мне в блоге. Он даже видеть меня не хочет. Уверена, узнай он последние новости, то тут же пришел бы. Меня просто разрывает от злости. Вот и хорошо, что Эллиот не в настроении идти в город. Хорошо, что я ему ничего не расскажу и не увижу его злорадного лица. Внезапно мне кажется, что фундамент моей новой жизни рушится. Пропадает вся уверенность,озведенная мной за время поездки. Я забираюсь под одеяло и захожусь плачем. Я рыдаю и не могу остановиться, мысленно находя все новые и новые доказательства того, что Ной мне лгал. Та девушка, что не спускала глаз с Ноя, когда мы заходили в винтажный магазинчик за диадемой. Что она там по телефону сказала? «Точно он!» Кто «он»? Ной Флинн? А как она направилась к нам, когда увидела, что мы садимся в машину. И как Ной рванул с парковки. Наверное, он понял, что девушка его узнала. Но потом он отвел меня в картинную галерею и представил друзьям. Зачем он так поступил, если намеревался мне врать обо всем? Но и тут наверняка таится злой умысел. Когда женщина, что встретилась нам в коридоре, сказала, что гордится Ноем, она имела в виду его контракт с «Сони». Вовсе не девушку. Ной мне лгал и не краснел.

Меня трясет от обиды и стыда. Но я не могу остановить поток ужасных догадок. Вспоминаю, как Ной оборвал разговор с Антонио и поспешил увести меня на улицу. Я с содроганием вспоминаю, как радовалась тому, что Ной хочет провести со мной больше времени наедине. А он на самом деле боялся, что всплынет его ложь. Я вспоминаю, как он обнимал меня в темном коридоре, и моя обида сменяется гневом.

– Лжец! – выкрикиваю я, вскочив с кровати. Я хватаю с зеркала фото Ноя и разрываю его на кусочки.

– Лжец! Лжец! Лжец!

Я опускаюсь на пол и захожусь рыданиями. А я-то подумала, что с меня спало проклятье и я могу быть любима за то, какая я есть. Нет, эти отношения были построены на обмане и лжи. А я о них еще и в блоге написала. Рассказала всему миру, что влюбилась, встретила родственную

душу. О чём я вообще думала?

Следующие несколько часов я провожу в кровати. Не в силах пошевелиться, не в силах перестать рыдать в подушку. Слава богу, мама с папой думают, что я отсыпаюсь после смены часовых поясов, и меня не беспокоят.

С наступлением ночи я наконец решаюсь взглянуть на мир. По крайней мере, на свою спальню. Я высовываю голову из-под одеяла и смотрю в темноту. Я понимаю, что как бы не хотелось, вечно в кровати я прятаться не смогу. Надо взглянуть в лицо случившемуся. Я включаю мобильный телефон, и мне приходит сообщение от Ноя. По телу пробегает холодок.

Привет, Переломный Момент, ты как?

Я по тебе скучаю. И Белла скучает.

И Сейди Ли скучает. Напиши, как проснешься и захочешь пообщаться в скайпе.

Я смотрю на сообщение и не верю своим глазам. Как он может быть таким бессердечным? Как он может писать мне такие сообщения, если у него есть девушка? Но у меня не осталось сил злиться. Я выжата как лимон. Содрогаясь от рыданий, я печатаю ему ответ:

Не думаю, что у нас может что-то получиться.

Думаю, нам больше не стоит общаться. Извини

Я перечитываю сообщение. Почему я написала «извини» в конце? С какой стати я должна перед ним извиняться?! Я удаляю «извини» и отсылаю эсэмэс, пока не передумала.

Потом я отключаю телефон и снова ложусь в постель. Я забираюсь под одеяло и вспоминаю, что посоветовала мне Белла, когда я плакала из-за Эллиота: «Если тебе грустно, надо подумать о трех вещах, которые делают тебя счастливой». Я очень стараюсь что-нибудь придумать, и понимаю, что мой блог – единственное, что может подарить сейчас хоть капельку радости. Только там есть люди, которые меня понимают. Только там я могу быть собой, там меня все любят и поддерживают. Огонек надежды загорается в сердце. Утром я напишу в блоге о произошедшем. Не буду вдаваться в детали, просто скажу, что Бруклинский Парень оказался обманщиком. Мои читатели смогут подобрать нужные слова, скажут, что делать дальше. Они должны помочь мне с этим справиться. Должны

ПОМОЧЬ.

Глава тридцать восьмая

Я просыпаюсь затемно, и это сбивает меня с толку. Который сейчас час? Какой день недели? В какой я стране? А потом сильное волнение скручивает живот. Случилось что-то очень плохое, а я не могу вспомнить что. Отвращение подкатывает к горлу, и я вспоминаю: Ной. Я закрываю глаза и уговариваю себя уснуть. Без толку. Ужасные мысли заполняют голову. Ной мне лгал. Он ни о чем мне не говорил. Он – профессиональный музыкант. У него заключен контракт на запись диска. У него есть девушка. Девушка, которая раньше красовалась на стене у моего брата, не буквально, конечно, в форме плаката.

Все кажется таким странным, неправдоподобным. Я всего лишь школьница из Брайтона. До этого я приблизилась к знаменитости только однажды, когда мы с Эллиотом прошли мимо Фэтбой Слима в «Раю коллекционера». Я в тот момент чихнула, и жвачка вылетела у меня изо рта прямо ему на куртку. Мне чужды романтические отношения со звездами. Особенно с американскими Ютьюб-знаменитостями, которые к тому же встречаются с Леа Браун. Как такое вообще могло произойти со мной?

Я резко сажусь в кровати. Значит, все было обманом? Неужели Ной меня просто использовал? Может, я была для него развлечением на время разлуки с Леа Браун? Но зачем это Ною? Или он самый коварный в мире лжец, или всему есть какое-то объяснение. И тут я вспоминаю эсэмэс, которую послала Ною. Интересно, что он ответил? Я нахожу телефон и включаю его. Одновременно приходят эсэмэс – и мейл-уведомления. Я вспоминаю свой пост, поздравление с Новым годом, и поеживаюсь. Надо будет написать моим читателям, что Бруклинский Парень оказался обычным обманщиком. И от этой мысли меня передергивает еще сильнее.

Затаив дыхание, я открываю сообщения. От Ноя – два новых. Первую эсэмэс он прислал сразу же после той, в которой я написала, что нам не стоит общаться.

Что за бред? Это розыгрыш? Позвони мне!
Не могу до тебя дозвониться.

Второе сообщение было отправлено в пять тридцать утра – я смотрю время – меньше часа назад.

Не знаю, сколько тебе заплатили, но надеюсь, ты довольна. Очень верное решение – никогда больше не общаться. Я сменил номер и почту.

Не хочу ничего о тебе знать. Я тебе доверял.

Что за чушь? Я обновляю сообщение, чтобы убедиться, что мне не почудилось, но эсэмэс никуда не исчезает. Почему Ной так на меня взъелся? О каком доверии он пишет? Ведь не я оказалась лгуньей, не я скрывала, что у меня есть девушка. Но я слишком обозлена, чтобы ясно мыслить. Я печатаю ответ:

Это ТЫ мне доверял?! А как насчет моего доверия? Как ты мог мне так лгать? Думал, я не узнаю? Тебе что, совсем плевать на меня было?

Я нажимаю «отправить», и в голову ударяет адреналин. Почти сразу же приходит уведомление. Сообщение не доставлено. Я перечитываю последнее сообщение от Ноя. Он и *правда* сменил номер. Он оборвал все каналы связи со мной. Но почему? И тут я понимаю: он догадался, что я узнала о его обмане, и ретировался. Ого! Я валюсь на кровать, с ужасом понимая, насколько сильно я ошиблась в Ное. Он, похоже, заволновался, что Леа Браун обо всем узнает. Будто я запросто позвоню ей и скажу: «Привет, Леа. Вообще-то, ты меня не знаешь – я обычная школьница из Брайтона. Но пока тыправляла Рождество в Лос-Анджелесе, я крутила с твоим парнем в Нью-Йорке».

Возмущение и злоба ослабевают, и их место занимает печаль. Как это случилось? Как мы с Ноем могли так отстраниться друг от друга после нашего чудесного Нового года в палатке? Острая боль пронзает грудь, будто сердце разорвали на две части.

Чтобы отвлечься и не расплакаться, я захожу на электронную почту. У меня двести тридцать семь новых писем. На секунду становится радостно. Должно быть, подписчики блога делятся своими планами на год. Но добрая половина входящих писем – уведомления из Твиттера. Мне становится не по себе. Я завела Твиттер только ради блога и подписалась всего на нескольких любимых фотографов и парочку других блогеров. Мне никогда не приходит столько писем от Твиттера. Из любопытства открываю одно из них.

Меня тошнит от тебя @девушкаонлайн22

Что? Кликаю на следующее.

ВТФ?!! @нойфлинн изменил @леабраун с британской блогершей @девушкаонлайн22

Меня охватывает паника. Кто эти люди? Почему они пишут такие вещи? Откуда они все узнали?

Я перехожу на свой профайл и просматриваю все твиты. Несколько из них – от постоянных читателей моего блога с вопросами а-ля «Это правда? Неужели Ной Флинн и есть Бруклинский Парень?». Некоторые спрашивают, кто такой Ной Флинн. Но большинство твитов – от незнакомых мне людей, и они просто ужасны.

Омг @леабраун может не волноваться. @девушкаонлайн22 настоящая уродка

Дешевой славы захотела @девушкаонлайн22?

Ненавижу тех, кто о своих интрижках болтает @девушкаонлайн22 #выскочка

И это еще цветочки. Один из твитов – от американского сайта о знаменитостях «Следим за звездами».

Кот из дома – мыши в пляс: когда Леа Браун уехала на каникулы, Ной Флинн закрутил с британской блогершей @девушка-онлайн22

Я перехожу по ссылке на их сайт и с ужасом читаю статью.

Эксклюзивно для «Следим за звездами»!

Пока Леа Браун отдыхает с друзьями в Лос-Анджелесе, ее новый возлюбленный Ной Флинн целуется под омелой с британской блогершей Пенни Портер, более известной как Девушка Online.

Я испуганно смотрю на экран. Они знают, как меня зовут. Но откуда?

То, что Ной Флинн встречается с Леа Браун, не остановило Пенни, и она описывала в блоге свои отношения с Ноем, называя его «Бруклинский Парень». Похоже, некоторые готовы на все, чтобы обратить на себя внимание. Не хотели бы мы оказаться на месте Ноя, когда Леа вернется!

Под постом – пятьдесят шесть комментариев. Я проматываю к первому:

Какая мерзавка!

Кто-то ответил на этот выпад:

Не думаю, что она поступила так из-за денег. Мне показалось, она мило пишет. А вот он – мерзавец: изменил своей девушке, пока той в городе не было.

Возможно, но она же была в курсе, что у него есть девушка.

Откуда им знать, как я пишу? Я еще раз просматриваю заметку и вижу, что они прикрепили к ней ссылку на мой блог. Я кликаю по ней, открывается мой первый пост о Ноем. Теперь я знаю правду и с содроганием перечитываю свою заметку. Потом смотрю последние комментарии:

Ага, только Принц не был изменником, а Золушка – дешевкой.

В ужасе я прокручиваю страницу и читаю еще множество подобных высказываний. Следом – комментарии от нескольких моих постоянных подписчиков, которые спрашивают, правду ли написали в статье. А последним идет комментарий от Девушки-Пегаса:

Привет, Пенни.

Тебе, скорее всего, безразлично мое мнение, но промолчать я не могу. Брак моих родителей развалился, а мама стала пить из-за того, что папа сбежал с другой женщиной. Я очень радовалась за тебя, когда ты встретила подходящего человека и влюбилась. Но начинать отношения с чужим парнем – плохое решение, оно принесет много боли. Извини, что лезу не в свое дело, но ничего не сказать – выше моих сил.

Боюсь, я больше не смогу читать твой блог.
Девушка-Пегас

Снова приходит уведомление. Пять совершенно незнакомых людей упомянули меня в Твиттере.

Открываю один из твитов, но в глаза бросается «ненавижу», и я тут же закрываю окно.

Я сижу на краю кровати, с ужасом смотрю на телефон и представляю, как в разных частях света люди читают мой блог, пишут про меня гнусные комментарии. Люди, которых я совсем не знаю. Люди, которые меня никогда не видели. Но они знают, кто я. Знают, как меня зовут. Знают о моем блоге. Что, если они выяснят, где я живу? Что, если придут ко мне домой? Меня пробирает дрожь, по лицу катятся слезы. Что же мне делать? Завтра надо идти в школу. Как я буду смотреть в лицо одноклассникам?

Мне давит на горло. Я не могу глотать. Не могу вдохнуть. Я словно сжимаюсь. Становлюсь все меньше и меньше. Мне нужна помощь. Нужно, чтобы кто-нибудь мне помог. Но я не могу двинуться с места. Ноги тяжелые, будто каменные. Я смотрю на дверь. Она кажется недосягаемой. Она слишком далеко. Что делать? Я представляю, как толпа людей подходит к моему дому, размахивает плакатами с гневными надписями, кидает камни в окна. Нет на свете места, где я бы чувствовала себя в безопасности. Мои читатели меня возненавидят. Все меня возненавидят. Слезы градом текут по щекам. Мне никогда не было так страшно, я никогда не чувствовала себя такой одинокой. На голову давит, будто она зажата в тиски. Я ничего не вижу. Я не могу глотать. Я не могу дышать.

Глава тридцать девятая

– Пенни! Пенни! Что случилось? Что с тобой? – Мама вбегает в комнату и включает свет.

Я лежу, свернувшись на полу. Почему я на полу? Что произошло?

– Роб! Роб! Иди сюда! – кричит мама. Я чувствую, как она опускается на колени и сжимает мои руки. – Все хорошо, милая, все будет хорошо.

Я рыдаю. Я слышу свои всхлипывания, но словно со стороны, будто это не я, будто я всего лишь смотрю на свое тело.

– Попробуешь подняться? – заботливо говорит мама.

На лестнице раздаются торопливые шаги.

– Ты звала? – раздается папин голос. – О боже, Пенни, что с тобой?

Я чувствую, как папины крепкие руки обхватывают меня. Я нахожу в себе силы, чтобы приподняться и сесть, уткнувшись папе в плечо. Я плачу и не могу остановиться. Мне хочется плакать и плакать, пока я не превращусь в маленькую девочку, которой ни о чем не надо волноваться.

– Что с тобой? – аккуратно спрашивает папа во второй раз.

– Пенни?.. У тебя снова была паническая атака? – спрашивает мама. Я слышу, как она обходит меня, а потом чувствую, что мама кутает меня в одеяло.

Я киваю, не в силах говорить. Неудержимо стучат зубы.

– Что ее вызвало? Что стало причиной? Почему она повторилась? – спрашивает папа и крепче меня обнимает. Мне хочется сидеть так вечно, в коконе из одеяла и папиных объятий.

И что же я скажу родителям? Ной мне солгал, а весь мир меня ненавидит? Или возненавидит, когда всем станет известно о случившемся.

– Не знаю, – лепечу я. – Просто разболелась из-за возвращения в школу.

Я чувствую, как папа весь напрягается.

– Опять какие-то глупости вокруг этого видео? Если так, то я...

– Нет, дело не в видео. Пустяки, просто устала и от перелета еще не отошла, – начинаю придумывать оправдания.

Мама хмыкает, будто я ее не убедила.

Но я знаю наверняка, что не хочу выплескивать на них свое волнение. Я не хочу их расстраивать. Мне придется самой решать свои проблемы.

– Сделать тебе чаю? – предлагает мама.

– Да, спасибо.

– А как насчет завтрака? – спрашивает папа. – Поджарить тебе блинчиков?

Я соглашаюсь, хотя есть совсем не хочется.

Родители укладывают меня в постель, и я уверяю их, что чувствую себя гораздо лучше. Они спускаются на кухню, а я достаю ноутбук, захожу в свой блог и стираю все посты про Ноя. Потом я изменяю настройки, чтобы никто не мог оставлять комментариев. Мне сразу же становится легче, я будто закрыла дверь, отгородилась от злопыхателей.

Снова захожу на свою страницу в Твиттере. Мне успело прийти больше двадцати новых уведомлений, но я их не читаю. Я изучаю настройки и нахожу опцию «удалить профайл». Меня спрашивают, уверена ли я, что хочу все удалить, и я с силой нажимаю на «да». Еще одна дверь захлопнута.

Я удаляю страницу на Фейсбуке, снова игнорируя новые сообщения.

Потом закрываю ноутбук. Затуманенный во время приступа мозг начинает проясняться, и я стараюсь найти ответы на важные вопросы. Как это случилось? Кто рассказал про меня и Ноя в «Следим за звездами»? От кого они узнали про мой блог?

Первым делом я думаю на Олли. Он единственный, кто знал, что Ной – это Ной Флинн. Но я сказала ему только то, что познакомилась с ним Нью-Йорке. Я не говорила, что между нами что-то было. И Олли не в курсе, что я веду блог. Единственный, кто знает про мой блог – это Эллиот.

У меня сводит живот. Вряд ли Эллиот мог так поступить. Но он так странно себя вел, когда мы говорили о Ное, а вчера оставил в моем блоге очень резкий комментарий. Нет, Эллиот на такое не способен. И он не знал, кто Ной на самом деле. Или знал? Я вспоминаю, как, увидев фотографию Ноя, Эллиот сказал, что лицо кажется ему знакомым. Неужели он узнал Ноя Флинна, но смолчал? Не поэтому ли он так быстро сменил тему разговора? Только не это. Неужели Эллиот продал историю прессе? Сматря в одну точку на стене, я представляю, как Эллиот отсылает в «Следим за звездами» анонимное письмо. Как ни ужасно, но это похоже на правду. Эллиот очень ревновал меня к Ною, злился, что я пишу о нем в блоге. Потом он увидел фото и придумал, как на корню разрушить наши с Ноем отношения. Должно быть, вчера он не пошел со мной гулять по городу, потому что уже придумал этот план. И с тех пор Эллиот не выходил на связь. Прежний Эллиот за такое долгое время постучал в стену хотя бы раз. И он наверняка видит, что творится в сети. Когда Меган загрузила дурацкое видео с трусами, Эллиот меня тут же предупредил по эсэмэс и попросился зайти. А на этот раз – молчит.

Суровая правда обрушиается на меня. Такое чувство, что кто-то с размаху ударили в живот. Сначала предал Ной, теперь Эллиот. Но с Ноем мы, по крайней мере, едва были знакомы, и я могу списать все на неумение видеть людей. Но Эллиот? Эллиота я знаю всю жизнь. Он – мой лучший друг. Или был им.

Я не успеваю заплакать – в комнату входит мама. Она ставит чашку чая на прикроватную тумбочку и садится рядом со мной.

– Милая, тебя точно не тревожит ничего серьезного? Может, ты хочешь чем-то поделиться?

Я мотаю головой, опасаясь, что если заговорю, то не смогу сдержать слезы.

– Ладно, если передумаешь, я всегда тебя выслушаю.

Я киваю и из оставшихся сил изображаю улыбку. Мама уходит, а я сижу с закрытыми глазами, пока не входит папа с тарелкой блинчиков в руках.

– Вот, приготовил по фирменному рецепту Сейди Ли, – произносит он с улыбкой.

Становится больно от мысли, что мне безумно понравилась Сейди Ли. Но она – всего лишь еще один человек в списке предавших меня.

Папа уходит вниз, взяв с меня обещание кричать ему, если что-нибудь понадобится. Я отставляю тарелку блинов и смотрю в пустоту. Я так опустошена и измотана, что хочется одного: лежать в кровати и ждать, пока все не закончится. Если это когда-нибудь закончится.

Каждый раз, когда телефон пикирает о новом уведомлении, меня пронзает страх. В итоге я выключаю мобильный и прячу его вместе с ноутбуком на дно шкафа, засыпав сверху одеждой. На какое-то время мне становится спокойнее, кажется, что никто до меня не доберется. А потом я воображаю, как шкаф заполняют горы оскорбительных сообщений, готовых свалиться на меня, как только я открою дверцу.

И снова мной овладевает паника. Но на этот раз я помню, что надо делать. Я закрываю глаза и представляю страх внутри меня: большой черный шар заполняет грудную клетку. «Я волнуюсь, но это нормально», – говорю я ему и заодно себе. «Это нормально». И вместо того, чтобы паниковать и стараться не думать о страхе, я заставляю себя увидеть его внутри. Черный, густой, пугающий комок. Я делаю глубокий вдох через нос. И еще один. «Это нормально», – шепчу я вполголоса. И страх начинает съеживаться. И тогда я понимаю, что у меня на самом деле все нормально; страх меня не убьет. И еще одна мысль приходит в голову: нынешние события меня тоже не убьют. «Это нормально». Делаю глубокий вдох – и

страх уменьшается. Теперь он не больше теннисного мячика. Он бледнеет до серого, потом белого, золотого. Еще вдох. За окном кричит чайка. Я думаю о море, и на лице появляется слабая улыбка. «Это нормально». Я могу контролировать приступ. Я представляю, что сижу на берегу, и солнце наполняет мое тело золотым светом. «Это нормально».

Не меньше часа я сижу с закрытыми глазами, слушаю крики чаек и концентрируюсь на дыхании. Потом раздается стук в дверь.

– Пен, можно войти? – спрашивает Том.

Я открываю глаза и расправляю плечи.

– Входи.

Едва Том пересекает порог, я понимаю, что он все знает. Никогда раньше не видела его таким встревоженным.

– Я сейчас выходил в Интернет, – начинает он, присаживаясь в изножье кровати. – Это правда? Ты с Ноем Флинном?..

Я опускаю голову.

– Он что, тот самый Ной, о котором мама и папа все время говорят? Тот, у которого вы останавливались?

Я киваю и поднимаю глаза на Тома.

– Но я не знала, кто он. Честно. Я о Ноем Флинне раньше не слышала. А ты?

– Ага. Читал, что его продюсирует та же компания, что работает с Леа Браун. И что Ной и Леа встречаются. А он, что, тебе не сказал?

Я качаю головой.

– Нет! Я бы ни за что не связалась с парнем, у которого уже есть девушка.

– Выходит, он тебя обманул? – хмурится Том.

– Да. А ты откуда узнал об этом?

– Про вас везде пишут: на фейсбуке, в твиттере, тамблере и...

– Стоп, хватит.

– Ты читала, что люди пишут?

Я киваю, и слезы начинают жечь глаза.

– Том, я не знаю, что делать. Мне так страшно.

Том берет меня за руку.

– Не волнуйся, сестренка. Мы все уладим. Как этот сайт про вас узнал?

– Не представляю. Наверное, им кто-нибудь рассказал.

– Но кто?

Я пожимаю плечами. Я не могу указать Тому на Эллиота, пока сама не буду в этом абсолютно уверена.

– Ладно, сейчас уже неважно. Главное теперь – рассказать всем твою

версию случившегося.

У меня тут же начинается паника.

– Нет, я не могу. Я не хочу снова появляться онлайн. Ни за что.

Том смотрит мне прямо в глаза.

– Помнишь, когда я перешел в среднюю школу, парнишка по имени Джонатан Прайс стал меня донимать и распускать обо мне сплетни?

– Тот, что отнимал у тебя завтраки?

– Он самый. Помнишь, наверное, как я притворялся больным, чтобы мама с папой разрешили мне остаться дома?

– Да.

– А потом ты мне сказала... «Но если ты снова не начнешь ходить в школу, никто не поймет, что он про тебя врал», – цитирует меня Том высоким писклявым голоском.

– Я так сказала?

– Именно так.

– Не ври, я никогда не говорила, как Смурф.

Том улыбается.

– Говорила-говорила. Но ты была права. Мне тогда много чего советовали, но только к твоим словам я прислушался. Из-за них я снова стал ходить в школу.

– Правда? – удивляюсь я.

– Да, потому что ты была права. Если бы я продолжал прятаться ото всех в своей спальне, они бы поверили Джонатану. – Том ухмыляется. – И не узнали бы, какой я удивительный, талантливый и прекрасный человек.

– И скромный, – смеюсь я.

– Да, я такой. У тебя сейчас та же история. Если ты будешь прятаться и позволишь им писать про себя гадости, то лишишь их шанса узнать, какая ты классная.

– О, Том! – восклицаю я со слезами на глазах.

– Так и есть, ты классная. И знай, что я всегда на твоей стороне. Но, правда, тебе надо что-то написать. Расскажи им свою историю.

Тут Том делает яростное лицо, которое он всегда корчит, когда они с папой дурачатся, и добавляет:

– Потом ты дашь мне адрес Ноя Флинна, я разыщу его в Нью-Йорке – где угодно – и прикончу.

Я прыскаю со смеха.

– Я серьезно. В смысле про то, что ты должна рассказать свою историю.

– Хорошо, надо подумать.

– Ты не думай, а делай. Тебе сразу полегчает. Мне легче стало, когда я вернулся в школу и велел Джонатону Прайсу засунуть свои сплетни куда подальше.

Том обнимает меня.

– Я люблю тебя, сестренка.

– И я тебя. Только умоляю, не говори ничего маме с папой. Ты же знаешь, как у них с Интернетом. Не хочу, чтобы они волновались.

– Договорились. Я на пару дней отложу возвращение в универ, на случай, если понадоблюсь тебе здесь.

– Серьезно? А у тебя проблем не будет?

– Не, у меня не бывает проблем, – улыбается Том, и меня переполняет чувство благодарности.

Да, я потеряла Ноя и Эллиота, но со мной всегда будет моя семья. Лучшая семья на свете.

Глава сороковая

Как только Том уходит, я прячу ноутбук обратно в шкаф и включаю воду, чтобы набрать ванну. В коробке с шипучими шариками для ванн я нахожу бомбочку «Блаженство Расслабления». Я нежусь в теплой воде с приятным ароматом, и мне становится на удивление спокойно. Мне до сих пор обидно и грустно, но я больше не чувствую себя беспомощной. Я опускаю голову и ощущаю, как волосы колышутся на воде.

– Ты похожа на русалку, – эхом звучат в голове слова, произнесенные Ноем в «подводном» коридоре. Я резко сажусь и начинаю отжимать волосы, а в мыслях звучит хор из «почему»: *«Почему он казался таким славным и искренним? Почему он так легко мне солгал? Почему он так со мной поступил?»* Но усилием воли я перекрываю поток вопросов. Сейчас не важно, почему Ной обманул меня. Обманул и точка.

Я вылезаю из ванны и мажусь любимым увлажняющим кремом. Потом укутываюсь в самый уютный халат и возвращаюсь в спальню. Зажигаю гирлянду, но тут же ее выключаю – она напоминает мне о палатке, в которой мы с Ноем встречали Новый год. Я включаю настольную лампу и слышу, как за стеной хлопнула дверь в спальню.

Чтобы не предаваться грустным мыслям о Ноэ, я предаюсь гневным мыслям об Эллиоте. Он наверняка уже видел, что происходит в сети, но до сих пор не постучал, не позвонил и не написал мне эсэмэс. Только если он не пытался связаться со мной, пока я была в ванной. У меня появляется лучик надежды, и я иду к шкафу, чтобы отыскать телефон. Сообщений на мобильном нет, и надежда превращается обратно в злобу. Значит, это Эллиот меня предал. Я вспоминаю слова Тома и понимаю, что должна сделать. Нельзя прятаться в спальне, нужно выйти из нее, чтобы выяснить отношения с Эллиотом.

Свернув на дорожку, ведущую к дому Эллиота, я понимаю, что давно к нему не заходила. Я даже не вспомню, какую мелодию играет звонок на его входной двери. Я жму на кнопку, и раздается громкое «динь-дон». Меня сковывает волнение. Я слышу, как кто-то шагает по деревянному полу, и дверь открывается. Папа Эллиота смотрит на меня таким взглядом, словно я только что оторвала его от самого важного в мире дела. Он постоянно так на всех смотрит, даже на собственного сына.

– Да? – вопрошают отец Эллиота так, будто впервые меня видит.

– Скажите, пожалуйста, а Эллиот дома?

Он вздыхает.

– Секунду, – произносит он и прикрывает дверь, оставляя меня мерзнуть снаружи. – Эллиот! – кричит он. – Тут к тебе кто-то пришел.

Я слышу приглушенный голос Эллиота, но не могу разобрать слов. Дверь снова открывается, и снова передо мной стоит его отец.

– К сожалению, он не может вас принять.

– Что? Но...

– Всего доброго.

Дверь захлопывается. И больше ничего.

Я в ярости забегаю в дом и поднимаюсь в спальню. Жаль, что у нас с Эллиотом нет секретного кода для «Я тебя ненавижу, жалкий трус»! Мы не придумали ничего подобного, потому что никогда раньше не ссорились. Но это – раньше.

Я сажусь на кровать и в отчаянии оглядываю комнату. Как Эллиот мог так со мной поступить? Как он мог так подло поступить, а потом спрятаться от меня? Но у него не получится вечно скрываться. Может, установить слежку за домом Эллиота и напасть из засады, когда он выйдет за порог? Бред сумасшедшего. А что, если просверлить в стене дырку и тыкать через нее Эллиота спицей или длинным острым карандашом? Еще бредовее. В итоге я решаю написать эсэмэс. Я достаю телефон из шкафа и печатаю:

Поверить не могу, что ты так меня предал. Лучший друг называется!

Я нажимаю «отправить», и на меня опять накатывает грусть. «Я не одинока», – успокаиваю я себя мыслями о маме, папе и Томе. «Я не одинока». Но все, что я чувствую – это одиночество и боль утраты.

Я смотрю на телефон, ожидая ответа, но ничего не приходит. С каждой минутой я все больше расстраиваюсь. Ной и Эллиот сначала предали меня, а потом начали избегать. Как они могли? И тут я принимаю самое ужасное из возможных решений: достать из шкафа ноутбук и выйти в Интернет.

Сначала я проверяю, когда Эллиот последний раз писал в Твиттере. Не знаю, что я ищу: доказательство того, что Эллиот выходил в Интернет, или злорадный комментарий обо мне... Последний раз Эллиот написал 25 декабря:

Худшее Рождество всех времен.

Чтобы зайти на страницу Эллиота на Фейсбуке, надо активировать мой аккаунт, так что вместо этого я смотрю Инстаграм. Последнее загруженное Эллиотом фото было сделано в наше последнее совместное утро в Нью-Йорке. Сняли за завтраком селфи: мы с Эллиотом улыбаемся над бутылкой кленового сиропа. На секунду мне хочется вернуться в тот момент, когда было сделано фото, и не допустить того, что случилось. Но внезапно меня пробирает злость. Не только я стала причиной этих ужасных событий.

А потом я делаю совершенно глупую вещь: открываю Гугл и задаю поиск по Ною Флинну. Теперь все топовые новости про него связаны со мной. Замечаю новый заголовок от «Следим за звездами»: «Нервный срыв у Ноя Флинна после смерти родителей».

Трясущимися руками я щелкаю по ссылке.

Ной Флинн уже пожалел о том дне, когда решил связаться с британской блогершей Пенни Портер, известной как Девушка Online. В своем блоге она поведала, что у Ноя был нервный срыв после смерти родителей четыре года назад. Не с этим ли связан его более чем странный выбор компании на праздники? Когда уже Ной примирится с трагической потерей? Его представители отказались комментировать новости. От Леа Браун тоже никаких новостей молчит, несмотря на всю шумиху вокруг их пары. Девушка Online удалила все заметки про «Бруклинского Парня», но можно с уверенностью сказать, что она успела натворить бед.

В конце заметки – ссылка на статью «Девушка Online рассказала, где любит отдыхать Ной Флинн». Я не открываю ее. Не могу. Я слишком потрясена прочитанным. О чем они вообще? Какой нервный срыв? Как им наглости хватает сочинять такие вещи? И тут я вспоминаю свой пост о борьбе со страхами, в котором описала упражнение, что мне посоветовал Ной. Кровь ударяет в лицо. Но я ведь не писала, что у Ноя был нервный срыв. Просто сказала, что он потерял близких ему людей. Я смотрю на экран, не веря своим глазам. Как они смеют так переиначивать факты?

Терзаясь одновременно чувством вины и яростью, я возвращаюсь на страницу поиска. Я просматриваю список ссылок, пока не натыкаюсь на ту, от которой мне становится по-настоящему жутко: «И с этой девушкой Ной Флинн изменил Леа Браун. Да, это действительно она!»

Я перехожу по ссылке – открывается видео, на котором я падаю на сцене. Как они узнали? Но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы найти

запись, просто вбив мое имя в поисковике. Как ни обидно, но это дурацкое видео – мой единственный, кроме блога, след в Интернете. Теперь у видео тысячи комментариев. Я велю себе закрыть ноутбук, спрятать его в шкаф, но, словно решив поиздеваться над собой, я решаю их прочесть.

«Отвратительно» и «Ну и видок» – самые добрые из них. Остальные высказывания настолько ужасны, что я с трудом их читаю. Похоже, поклонники Леа Браун с особой ненавистью развернули травлю против меня.

– Пенни, спускайся ужинать, – зовет меня мама.

Я тяжело вздыхаю. Можно сказать, что я не голодна, но тогда родители забеспокоятся. Так что я тащусь вниз, размышляя об Эллиоте. Сильно же я его обидела, если он решил мне так отомстить и разорвать нашу дружбу. Я захожу на кухню и сажусь за стол.

– Ты в порядке? – спрашивает мама. Она, пapa и Том взволнованно смотрят на меня.

– Да-да. Я в порядке.

– Меня попросили организовать еще один праздник в Нью-Йорке, – говорит мама, подсаживаясь ко мне. – Бал на День святого Валентина, – радостно сообщает она. – Я пыталась дозвониться до Сейди Ли и предложить ей организовать банкет, но она не отвечает.

– Еще б она ответила, – бурчит Том себе под нос.

Я неодобрительно смотрю на него и качаю головой.

– Что? – мама удивленно смотрит на Тома.

– Ничего, – отвечает он, уставившись в тарелку.

Мама вновь обращается ко мне:

– Хорошая новость, правда? Мы опять можем поехать все вместе.

Мне так и хочется закричать: «Ужасная новость! Хуже просто не придумать. Если я покажусь в Америке, то линчевания мне не избежать». Но вместо этого я коротко киваю.

Пока мама и пapa обсуждают, как помогли американские заказы их бизнесу, я пытаюсь затолкать в себя немного лазаньи и не подавиться.

Забавно, но когда Меган выложила в Интернет видео с трусами, мне казалось, что день, когда его увидит вся школа, станет худшим в моей жизни. Но теперь это видео увидит весь мир. Спасибо тебе, Эллиот. Я точно превратилась в вирус. Сродни чуме или ветрянке. Обалдеть можно.

Впихнув в себя половину ужина, я понимаю, что мне необходимо укрыться в спальне. Хорошо, что мама и пapa слишком заняты обсуждением идей для бала, чтобы заметить оставленную на моей тарелке еду. Вернувшись в комнату, я тут же проверяю телефон. Но Эллиот мне так

и не ответил.

– Молчи дальше! – зло говорю я стене.

Ко мне вновь возвращается страсть к самоистязанию, и я начинаю просматривать фотографии на камере. Дойдя до портрета Ноя, я тянусь к кнопке, чтобы его удалить, но по какой-то непонятной причине не могу этого сделать. Я продолжаю листать фото, пока не дохожу до кадров, сделанных в отеле Уолдорф-Астория. Сначала мне кажется, что это был всего лишь сон, что я никогда там не останавливалась. Потом взгляд начинает цеплять значимые детали: одеяло на кресле, оранжевая луна, восседающая на подушке Принцесса Осень. Все это было. В действительности. Может, Ной мне и врал, но я была честна. Я была в этой комнате, сидела в этом кресле. Там я впервые поняла, что сама решаю, как мне жить.

У меня появляется идея. Я вынимаю карту памяти из фотоаппарата и вставляю ее в ноутбук. Выделяю фото, сделанные в номере отеля, и посылаю их в печать. Потом я обрамляю фотографиями зеркало туалетного столика. Я перевожу взгляд с фото на фото. Мои чувства в тот момент были лишь отчасти связаны с Ноем. Я осмелилась полететь в Нью-Йорк, я решила поверить в себя, сама доверились Ною и влюбилась всерьез. Я – хороший человек, несмотря на то, что про меня сочиняют в Интернете. И я знаю правду, потому что это – моя жизнь, а не их. Наша история любви оказалась неидеальной – и что с того? Это не значит, что я никогда не встречу настоящую любовь, однажды – обязательно встречу. Моя жизнь будет такой, как я решу. Главное – помнить, что это моя жизнь, а не их.

Я изучаю свое отражение в зеркале. На меня смотрит очень усталая девушка с красными заплаканными глазами. Я распускаю волосы и поправляю прическу. Мне до сих пор нравится их рыжий цвет, несмотря на то, что комплименты Ноя оказались обманом.

Я выключаю телефон и ноутбук и иду спать.

Глава сорок первая

Проснувшись на следующее утро, я первым делом сажусь за туалетный столик и рассматриваю фото, заряжаясь энергией от радостных воспоминаний. Спустя десять минут я готова выйти из комнаты. Том уже проснулся и сидит за столом.

– Я тебя сегодня подвезу, – сообщает он, едва завидев меня. – И весь день буду ждать в машине у школы, на случай, если понадобится моя помощь.

– Да ладно. Серьезно?

– Вполне.

– А ты со скуки не умрешь?

– Есть вероятность, – ухмыляется Том. – Я возьму с собой ноутбук и буду доделывать задание, которое нам дали в университете.

– Спасибо, – улыбаюсь я брату.

Том кладет руку мне на плечо.

– Ты справишься, я уверен.

Входя в школу, я твержу про себя напутствие Тома как мантру «*Ты справишься. Ты справишься*». Такое чувство, что у меня над головой горит неоновая надпись «ТИХО». Все, мимо кого я прохожу, тут же замолкают. А я и не против тишины. Всяко лучше, чем оскорблений, которые сыпались на меня вчера. Меня даже несильно задевает, когда ребята подталкивают друг друга локтями и начинают таращиться на меня во все глаза. Очень странное чувство: все школьные годы я была невидимкой, всегда оставалась в тени Меган, пользовавшейся всеобщим вниманием. Теперь все иначе. Куда бы я ни пошла, люди меня замечают. Даже ученики помладше, похоже, меня узнают. Подходя к классу, я думаю, что на улице, в папиной машине сидит Том. Хорошо, что я не уговорила его вернуться домой.

Как только я вхожу в кабинет, все замолкают и впиваются в меня взглядом. Но я держусь. Прогулка по школьному коридору меня подготовила к такой реакции. К тому же я не увижу с Меган и Олли до урока по актерскому мастерству – они сейчас занимаются в другой подгруппе. Я подхожу к столу, стоящему рядом с партой Киры и Амари.

– Привет. – Я вкладываю в голос всю свою уверенность и спокойствие.

– О, привет, – отвечает Амара. – Ты как? – Кажется, она и впрямь за меня волнуется.

– Нормально, – говорю я и сажусь.

– Точно? – спрашивает Кира, поворачиваясь в мою сторону.

Я киваю и закусываю губу, чтобы не расплакаться от их искренней заботы. Заметив, что все на нас смотрят, я густо краснею.

Кира разворачивает стул ко мне и спрашивает:

– Это правда? Что ты?..

– Нет. – Я качаю головой.

– Неправда? – шепчет Амара. Они с Кирой переглядываются.

– Нет. Кто-то рассказал этому сайту много вранья.

– Значит, Девушка Онлайн – это кто-то другой? – спрашивает Амара.

– Нет, это я. Я была ей. Но все остальное – выдумка. Все было не так, как они написали.

– Поверить не могу, что ты – Девушка Онлайн. Я люблю ее блог, – говорит Кира с улыбкой. – Нашла его, когда вбила в поисковике «Рай коллекционера». Знала бы ты, сколько раз я перечитывала твой пост про ямы!

– Мне он тоже понравился, – поддакивает Амара, оживленно кивая.

– Честно?

Значит, не все потеряно. Девочки меня совсем не осуждают.

Двойняшки пододвигают стулья к моей парте.

– Значит, Бруклинским Парнем был не Ной Флинн? – спрашивает Кира.

Я глубоко вдыхаю.

– Ной. Им был и остается Ной Флинн, но... – Я едва перебарываю стыд. – Я не знала, кто он на самом деле. Ной не говорил, что он музыкант. И я о нем до этого и не слышала.

– Я тоже, – говорит Амара.

Кира качает головой и вздыхает.

– Выходит, он тебя обманул?

Я киваю. Интересно, когда я научусь без содрогания принимать этот факт?

Амара тянется через стол и берет меня за руку.

– Это так ужасно.

Я слатываю подступивший к горлу ком. Самое важное – сдержать слезы. Сейчас, когда все на меня смотрят.

– Мы не поверили, когда узнали, – говорит Кира. – Я сразу сказала Меган, что ты на такое не способна. И в то, что ты – Девушка Онлайн, я тоже поначалу не поверила. А потом об этом написали в Интернете, и...

– Так, бездельники, каникулы закончились. Садитесь на места.

Мы дружно поворачиваемся на стоящего в дверях мистера Моргана, нашего учителя.

Двойняшки пододвигают стулья обратно к своей парте и достают тетради. Я же сижу неподвижно, повторяя мысленно слова Кирры: «Я сразу сказала Меган, что ты на такое не способна. И в то, что ты – Девушка Онлайн, я тоже поначалу не поверила. А потом об этом написали в Интернете... А потом об этом написали в Интернете...»

Весь урок я задаюсь одним вопросом: «Как могла Меган узнать о моем блоге до того, как о нем написали в сети?» Олли мог рассказать Меган, что я познакомилась с Ноем, но он ничего не знал про блог. На секунду я предполагаю, что Эллиот рассказал Меган обо всем, но это уж точно не похоже на правду. Но раз Меган знала про блог и нас с Ноем до того, как информация просочилась в Интернет, то может, это она все и рассказала? Время до перемены тянется бесконечно долго. Когда наконец раздается звонок, я пулей подлетаю к столу двойняшек.

– Когда Меган рассказала вам про блог?

– Во вторник вечером, – отвечает Кира, складывая вещи в сумку. – Мы сидели в кофейне, и она показала нам твою страницу с телефона. Она не знала, что мы твои подписчики.

– Надеюсь, ты продолжишь писать в блог, – говорит Амара. – Ну, когда все успокоятся. Мне нравится читать твои посты.

Я слабо улыбаюсь.

– А что она сказала про Ноя?

– Она сказала, что он изменил Леа Браун с тобой.

– Я сразу встала на твою защиту, – говорит Кира, смущенно улыбаюсь. – Сказала, что ты не могла так поступить. По крайней мере, специально точно не могла.

Я улыбаюсь ей в ответ.

– Спасибо.

– Честно говоря, – продолжает Кира. – Мне Меган больше ни капли не нравится. Поверить не могу, что она выложила на Фейсбук то видео с тобой.

Мне очень хочется обнять Киру, но я сдерживаю свой порыв, потому что боюсь разрыдаться у нее на плече.

– Поторопитесь, девочки. У вас будто уроков больше нет! – кричит нам мистер Морган из другого конца класса.

– Увидимся в обед? – спрашивает Амара.

Я киваю.

– Не переживай, мы тебя в обиду не дадим, – говорит Кира.

– Да, ты же Девушка Онлайн, – добавляет Амара. – Мы твои самые большие фанаты.

Хорошее настроение после разговора с двойняшками длится около двух минут – столько мне нужно, чтобы дойти до класса, где будет проходить занятие по актерскому мастерству. Я подхожу к кабинету, и у меня скручивает живот при мысли, что я сейчас встречусь с Меган и Олли. Я немного задержалась, и все уже зашли, но Меган и Олли среди учеников я не нахожу.

– Пен! – выкрикивает «Зовите меня Джейф». – Как ты?

Сразу видно, что мистер Биконсфилд обо всем знает. Я чувствую, как меня сверлят двадцать пар глаз, и представляю номер в Уолдорф-Астории. Напоминаю себе, что это – моя жизнь, а не их; я знаю правду.

– Я в порядке, – отвечаю учителю и, садясь на свое место, понимаю, что я и правда почти в порядке.

К обеду мне становится еще легче. Меган и Олли на больничном, а все, чьей реакции я опасалась, проявляют неожиданный такт. Возможно, они просто не знают, как реагировать, а может, Леа Браун у нас не так популярна. Кира и Амара меня поддерживают, а остальные не пристают. После обеда я выбегаю на улицу к Тому. Он спит, положив голову на руль. Стучу в окно, чтобы он проснулся.

– Что стряслось? – спрашивает Том, встрепенувшись.

– Все хорошо, можешь ехать домой.

Том трет глаза.

– Уверена?

– Да, все будет хорошо. Правда. Поезжай домой. Поспи по-нормальному в кровати.

Том хмурит брови.

– Ну ладно. Но я оставлю телефон включенным. Если что случится – звони, и я мигом приеду.

– Обязательно, – улыбаюсь я.

Я провожаю взглядом отъезжающую машину и иду обратно в школу. В кармане блейзера вибрирует телефон. Я достаю мобильник, и сердце уходит в пятки, когда я вижу, что мне пришло сообщение от Эллиота.

Только не злись на меня. Папа конфисковал мой телефон и ноутбук, я только сейчас их вернул. Ты зашла в самый разгар моего скандала с родителями, поэтому я к тебе и не захотел выйти.

П.С: Я сбежал!

Я перечитываю сообщение, стараясь найти в нем доказательства того, что через Эллиота моя история просочилась в Интернет. Не увидев ничего подобного, я решают задать вопрос «в лоб»:

Это ты рассказал тому сайту про мой блог и про наши с Ноем отношения?

Какому сайту? Нет. Но мне ужасно стыдно за комментарий, который я оставил у тебя в блоге.

У меня были проблемы с домашними, я совсем не соображал.

П.С: Я СБЕЖАЛ! СБЕЖАЛ ИЗ ДОМА!!

Значит, это не Эллиот. Он ничего не рассказывал журналистам с сайта. Я радуюсь, что Эллиот меня не предавал, но мне стыдно, что я подумала на него.

Как это сбежал? Ты сейчас где?

На пристани.

Ты сбежал на пристань??!

Нет!!! Я сбежал из дома, а сейчас стою на пирсе. Мне надо с тобой увидеться xxx

Я иду по дороге от школы и печатаю на ходу:

Я тоже хочу с тобой увидеться! Xxx

Приходи ко мне на пирс? Пожалуйста!

Я даже готов сыграть в дурацкого однорукого бандита...

Уже иду.

Глава сорок вторая

Застав своего лучшего друга увлеченно играющим в автоматы, я понимаю, что случилось неладное. На Эллиоте дутая куртка бордового цвета, огромные зеленые резиновые сапоги и меховая шапка-ушанка – в очередной раз ему удалось создать интересный ансамбль.

– Что случилось? – спрашиваем я и Эллиот одновременно.

– Счастье мое! – выкрикиваем мы почти хором и через секунду отчаянно смеемся. Потом Эллиот обнимает меня, и его хохот сменяется слезами.

– Дышать нечем, – бормочу я, пытаясь высунуть нос из необъятной куртки Эллиота.

– Извини, извини. – Эллиот отступает назад. – О, Пенни, прости меня.

– За что? – мои недавние подозрения возвращаются.

– За тот глупый комментарий под твоим постом о планах на новый год. Я вел себя как дурак. Но дома на меня столько навалилось... Я должен тебе все объяснить.

– Ты действительно убежал?

Эллиот уверенно кивает.

– Боюсь, что так. На эту ночь я – человек улицы, еще одна пропавшая душа без места жительства.

– Сейчас ведь середина зимы. Ты замерзнешь.

– Поэтому я так и оделся. – Эллиот показывает на свой необычный наряд. – Думаешь, я в шутку вырядился бедным русским рыбаком? Нет, чтобы переохлаждения не было.

– Но почему ты ушел из дома?

– Папа сказал, что отречется от меня, если узнает, что я встречаюсь с парнем.

Эллиот отворачивается и смотрит на автоматы. Мигающие огни играют светом на его лице.

– Да ты что! – ужасаюсь я.

Эллиот поворачивается в мою сторону. В его глазах блестят слезы.

– Он сказал, что ни за что не станет жить под одной крышей с... – Эллиот жестом изображает кавычки, – «практикующим гомосексуалистом». А вчера утром обстановка так накалилась, что отец забрал у меня мобильный и ноутбук.

– Но почему?

– Он вбил себе в голову, что я встретил кого-то в Америке, и хочет, чтобы мы с ним перестали общаться.

– С чего он вообще это взял?

– Помнишь, я собирался испортить родителям Рождество?

Я киваю.

– Хэнк из клуба «Ангелов ада»?

– Ага, эта шутка мне вон как аукнулась.

– Ужас.

– Я сказал папе, что отбирать у подростка выход в Интернет – все равно, что лишать его воздуха.

– А он что ответил?

– Он же юрист. Стал один за другим цитировать разные законы, пока у меня желание жить не пропало. И в этот момент зашла ты. – Эллиот хмурится. – Почему ты не постучала в стену? И чего такое раздраженное эсэмэс прислала? Из-за того комментария в блоге? Из-за него ведь? Извини меня. Я так обзавидовался, просто жуть.

Я недоуменно смотрю на Эллиота.

– Обзавидовался? Кому?

– Ною. И тебе.

Эллиот смущенно отводит взгляд.

– Но почему ты мне завидовал?

– У тебя все так просто получилось – ты встретила парня, который тебе нравится, а твои родители только этому и рады. Сразу такие: «Ой, а давай с ним вместе отпразднуем Рождество!» Ты нашла своего человека и будешь с ним жить долго и счастливо, как Золушка. А если я встречу прекрасного принца, от меня отрекутся родители.

– О, Эллиот, – я заключаю его в объятья, и на глаза наворачиваются слезы.

Все это время мне и в голову не приходило, что Эллиота мучают такие мысли, что ему *настолько* тяжело.

– Я ненавижу себя за то, что сорвал на тебе гнев, – всхлипывает Эллиот у меня на плече. – Ты мой лучший друг, единственный настоящий друг. А я не мог за тебя порадоваться. Но мне было так страшно, Пен. Я боялся, что он заберет тебя у меня.

Я иронически усмехаюсь на его последние слова.

– Ты чего? – Эллиот сводит брови.

– Можешь больше не бояться меня потерять.

– Почему?

Эллиот вытирает слезы и внимательно изучает мое лицо.

Я вздыхаю.

– Так ты не знаешь, что творится?

– Где?

– В Интернете.

– Нет. Говорю же тебе, я только что вернул свои вещи. Я пробрался в кабинет папы, пока он на работе, и выкрад нутбук с мобильником.

– Выяснилось, что Ной – музыкант.

Эллиот никак не реагирует.

– Известный музыкант. По крайней мере, в Америке, а еще... – я замолкаю, с трудом находя в себе силы произнести это. – Еще он встречается с Леа Браун.

У Эллиота отвисает челюсть.

– Что? С Леа Браун, лидером музыкальных чартов?

– Да.

– С той Леа Браун, что исполняет хит «Хочешь попробовать мою конфетку»?

Я снова киваю, а глаза застилают слезы.

– Просто бред какой-то!

Я смотрю на Эллиота и не замечаю на его лице ни капли радости, только потрясение и ужас. Мне опять становится неловко, что я в нем усомнилась.

– О господи, Пенни. Но как ему удалось все от тебя скрыть?

Я рассказываю Эллиоту о странностях, на которые вовремя не обратила внимания. Девушка у антикварного магазина, подслушанный обрывок разговора Ноя с Сейди Ли, тот факт, что Ной почти не появлялся со мной на публике.

Эллиот без устали качает головой.

– Но как же твои записи в блоге? О том, что он – твоя родственная душа?

– Я ошибалась, – всхлипываю я. – А теперь весь мир знает о нас потому, что кто-то все рассказал сайту о знаменитостях. И все знают о моем блоге.

– Но откуда? Ты что, рассказала о блоге Ною?

– Нет. Я никому, кроме тебя, о нем не говорила.

Эллиот смотрит на меня, слегка оторопев.

– Погоди-ка. – Он достает из кармана телефон и открывает сообщения. – Ты на меня думала!

– Только потому, что ты единственный знал про блог. Ну, я так считала...

– Кто еще мог знать?

– Меган.

Глаза Эллиота становятся размером с блюдца, а брови поднимаются почти до линии роста волос.

– Меган? Ты ей что, сама рассказала?

– Нет. Но, может она что-то увидела, когда оставалась у меня с ночевкой, или...

– Или что?

– Или ей рассказал Олли.

– Откуда Олли-то знать про блог?

– Он приходил ко мне во вторник... был в моей спальне. Он мог увидеть блог на экране ноутбука.

Глаза Эллиота становятся еще больше, хотя это и кажется невозможным.

– Так, с этой секунды будь готова, что все мои комментарии будут начинаться с «Какого черта»!

Я смеюсь и согласно киваю.

– Какого черта Ходячий Селфи делал в твоей спальне?

– Он пришел со мной повидаться и вручить подарок на Рождество.

– Подарок? И что он тебе подарил?

– Честно сказать, не знаю. Руки не дошли его открыть. Именно Олли сказал мне, что Ной – музыкант. Он увидел его фото у меня на зеркале и узнал его.

– Какого?... Но... боже мой... – Эллиот берет меня за руку. – Извини, но этот разговор невозможно продолжать стоя. Я в обморок упаду, если мы не присядем за стол с двумя шоколадными коктейлями.

– «Шоккивоккидуда»? – одновременно предлагаем мы. – Счастье мое!

Я беру Эллиота под руку, точнее пытаюсь ухватиться за необъятную дутую куртку, и мы идем в сторону набережной. Несмотря на промозглый ветер, мне становится гораздо теплее на душе. Все мои вчерашние страхи оказались безосновательными. Я вовсе не одинока. У меня есть моя семья, двойняшки, и ко мне вернулся мой лучший друг.

Глава сорок третья

По пути в кафе мне становится еще спокойнее. Ни один из ужасных сценариев, которые я вчера просчитывала, не воплотился в жизнь. Когда мы шли по центру города, меня никто не узнавал и не выкрикивал оскорблений в мой адрес. Если удастся избегать Интернета год-другой, у меня точно все наладится.

Мы заказываем молочные коктейли и занимаем столик в конце зала. Обычно я люблю сидеть лицом к двери, чтобы рассматривать заходящих в кафе посетителей. Сегодня я инстинктивно сажусь спиной к залу, на всякий случай.

— Знаешь что, Пенни? Ной многое потерял, — говорит Эллиот, расстегивая куртку. — Ты со временем придешь в себя и начнешь двигаться вперед, а он, если и впрямь такой обманщик, никогда не станет понастоящему счастливым.

Как бы я хотела поверить в слова Эллиота.

— Спасибо, Эл. Я так счастлива, что у меня есть ты. И знаешь что? Не важно, что случится в будущем: даже если в один прекрасный день я встречу подлинного принца, никто не сможет заменить мне тебя.

Я радостно смотрю на Эллиота, но он хмурится.

— Так-так-так, — произносит он, поджав губы, как всегда это делает, если чем-то недоволен.

Сначала мне кажется, что он смотрит на меня, но потом я убеждаюсь, что его взгляд направлен на что-то у меня за спиной. Я поворачиваюсь и вижу, что к прилавку подходят увлеченно беседующие Меган и Олли. У меня начинается паника. Что им сказать? Что мне делать? Но выясняется, что мне не нужно что-либо делать: Эллиот уже поднялся из-за стола.

— Эй, Мега-дрянь! — окликает он Меган.

Меган и Олли поворачиваются в нашу сторону, и я тут же понимаю, что именно они стоят за Интернет-скандалом. Когда они меня замечают, их лица принимают виноватое выражение.

— Не хочешь к нам присесть? — продолжает Эллиот.

— Ой, нет, спасибо... Мы уже уходим, — отвечает Меган немножко взволнованно.

— Ну надо же. Могу поклясться, что вы только что вошли. — Эллиот направляется в их сторону. Я вскакиваю и иду за ним.

— Привет, Пенни, — бормочет Олли себе под нос, не осмеливаясь

встретиться со мной взглядом.

– Это ты рассказала про меня в Интернете? – спрашиваю я, испепеляя Меган взглядом. Но она тоже не смотрит мне в глаза, предпочитая разглядывать пол. Я приближаюсь к ней еще на один шаг.

– Я спросила, ты ли рассказала про меня в Интернете.

– Что я про тебя могла рассказать? – шипит Меган. – Что ты кое с кем кое-кому рога наставляла?

– Никому я рога не наставляла, – шиплю я в ответ. – Я не знала, кто он. Не знала, что он с кем-то встречается.

– Ага, конечно, – язвительно говорит Меган. – Что же ты в своем блоге об этом написала, если не хотела, чтобы все про вас узнали.

– Это анонимный блог. Ну, или был анонимным, пока ты не узнала, что я его веду. – Я поворачиваюсь к Олли. – Ты заметил его на ноутбуке у меня в комнате, да?

Олли не отвечает, но его лицо багровеет. Я с разочарованием смотрю на него.

– Так ты у меня в компьютере рылся?

– Окно блога было открыто, – оправдывается Олли. – Я только хотел его пролистать, пока ты в ванной сидела.

– По-моему, ты, Пенни, сейчас не вправе судить других, – надменно произносит Меган.

– Признайся, Меган, – обращается к ней Эллиот, – ты на вечерние курсы для стерв ходишь или это у тебя в крови?

– Мне не о чем с тобой разговаривать, – ядовито отвечает она.

– Отлично, потому что мне есть, что тебе сказать, и лучше тебе не перебивать. – Эллиот подходит вплотную к Меган. – Ты – самый стоечесовый (посмотришь по словарю), самый тщедушный (по словарю проверь), самый безмозглый (ну это должна понять) человек из всех, что мне встречались. И, если бы ты не обидела мою подругу, я и джоуля энергии (поищи в справочнике) не стал тратить бы на разговор с тобой.

Меган бросает вопросивающий взгляд на Олли.

– Ты что, позволишь ему *так* со мной разговаривать?

Олли недоумевающе смотрит на Меган, и Эллиот усмехается:

– Да брось ты. Он, наверное, размышляет, не пора ли сделать селфи. – Повернувшись к Олли, он говорит:

– Если хочешь мое мнение – не пора. Так, на чем я остановился? – Эллиот переводит взгляд обратно на Меган. – И я ответственно, без малейшей тени сомнения заявляю, что человека, безобразнее тебя, нет на свете.

Меган отступает назад.

– Фальшь и злоба сочатся у тебя из каждой поры, как гной.

Меган ахает.

В эту секунду из кухни выходит официантка с нашими коктейлями на подносе.

– Ой, – вырываются у официантки, когда она замечает, что мы переместились к прилавку.

– Все в порядке, мы выпьем их здесь, – обращается к ней Эллиот. – С нашими друзьями.

Я смотрю на Эллиота, и он мне незаметно подмигивает. Официантка ставит поднос на стойку и возвращается на кухню.

– Готова? – тихо спрашивает Эллиот, когда мы поворачиваемся, чтобы взять стаканы.

– Готова, – шепчу я.

Мы берем коктейли, разворачиваемся и выливаем их на Меган и Олли. Если бы на Олимпийских играх соревновались в синхронном выплескании коктейлей, нам бы присудили золото. Меган с Олли стоят, открыв рты от изумления, а по их лицам стекает коричневая молочная жижа.

– А вот сейчас, – обращается Эллиот к Олли, – самое время делать селфи. Думаю, нам пора, – добавляет он, повернувшись ко мне.

– Ага.

Но перед тем, как уйти, я наклоняюсь к Меган и шепчу:

– Ты – посредственность, и не я одна так считаю.

Потом мы с Эллиотом разворачиваемся и бежим из кафе.

Мы замедляемся только у железнодорожной станции. Я останавливаюсь, хватаюсь за бок и пытаюсь восстановить дыхание.

– С ума сойти! Это было эпично! – вырываются у Эллиота. – Мои самые смелые планы мести и близко не стояли.

– Ты придумываешь планы мести?

– Еще бы, но до такого я раньше не додумался.

Внезапно Эллиот мрачнеет.

– Что с тобой?

– Я совсем забыл, что ушел из дома. – Наши взгляды обращаются к бездомному, спящему у входа на станцию. Его одежда и лицо дочерна испачканы в грязи.

– Я не позволю тебе спать на улице. Ты пойдешь ко мне. Уверена, что мама с папой не будут против, если ты переночуешь у нас. Они только вчера говорили, как соскучились по тебе.

– Правда?

– Да. А потом убедим моего папу поговорить с твоими родителями. Ты знаешь, как он справляется с критическими ситуациями. Он все уладит.

Папа действительно знает, как все уладить. Когда мы приходим домой и рассказываем, что произошло, он разрешает Эллиоту жить у нас столько, сколько понадобится, а потом идет к его родителям. Оказывается, мама Эллиота места себе не находила, прочитав прощальную записку сына (как я поняла, записка была не меньше пяти страниц А4, так что правильнее будет сказать «прощальное эссе») и обещала серьезно поговорить с мужем, когда тот вернется с работы.

Весь вечер мы едим пиццу и смотрим старые серии «Друзей». Каждые несколько минут кто-нибудь шепчет «С ума сойти, молочные коктейли!», и мы сдавленно хихикаем. Как приятно снова вернуться в такую нормальную жизнь. Но все же я чувствую, что в глубине души затаилась ноющая грусть, которую не заглушит никакое количество пиццы и смеха.

Около восьми заходит отец Эллиота и предлагает ему поговорить. Пока они беседуют на кухне, я жду в гостиной. Но громких голосов не доносится, и они даже один раз смеются. Наконец выходит Эллиот, взволнованно улыбаясь.

– Я возвращаюсь домой, – шепчет он. – Папа сказал, что я могу оставить себе ноутбук и телефон.

– А что насчет?.. – Я намекающе смотрю на Эллиота.

– Похоже, папа решил обратиться за «консультацией», – Эллиот изображает кавычки. – Чтобы ему помогли примериться с моими «предпочтениями».

– Ого, он и впрямь старается.

Эллиот смеется.

– Да, очень старается! – Он сжимает меня в объятьях. – Люблю тебя, Пен.

– И я тебя люблю.

Попрощавшись с Эллиотом, я завариваю себе чашечку ромашкового чая и поднимаюсь в комнату. Да, выдался денек. Я вспоминаю, какие эмоции терзали меня вчера, и облегченно выдыхаю. Том был прав: мне стало гораздо легче, когда я вернулась к жизни и дала отпор Меган и Олли.

Я опускаю глаза и замечаю на полу нераспакованный подарок от Олли. Интересно, что там? Я разворачиваю бумагу. Внутри – рамка с фотографией... самого Олли. Одной из тех, что я сделала на пляже. Я хохочу до упада. Ну кто догадается подарить свое собственное фото? Я тут же вспоминаю Ноя и то, что он мне дарил: принцессу Осень, альбом с

фотографиями, песню. Все его подарки были связаны не с ним, а со мной – такими подарки и должны быть. Снова меня мучают обида и сомнение. Ной казался таким искренним, таким внимательным.

Я выкидываю фото Олли в мусорку и подхожу к CD-плееру. Мне многое не понятно, но это уже не имеет значения. Что случилось, то случилось, и я должна с этим смириться. Я достаю болванку и кладу ее в бокс вместе с написанным от руки текстом песни. Я собираюсь выкинуть диск, но не могу разжать руку над корзиной и вместо этого закапываю его среди одежды в ящике.

В попытке запрятать диск как можно дальше, я натыкаюсь на свой ноутбук. Могу ли я утверждать, что вернулась к жизни, если мне так страшно выйти онлайн? Я достаю ноутбук и с секунду смотрю на него. «Давай, у тебя получится», – подбадриваю я себя, думая об Оушен С特朗г.

Забравшись с ноутбуком на кровать, я проверяю почту. Я деактивировала аккаунты на Твиттере и в Фейсбуке и запретила оставлять комментарии в блоге, так что у меня фактически нет писем. Но зато мне написали из «Следим за звездами». У меня сводит живот, когда я открываю письмо.

От: jack@celebwatches.com

Кому: girlonline22@gmail.com

Тема: ОТЛИЧНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕРВЬЮ – ЭКСКЛЮЗИВ

Привет!

Ты, должно быть, уже знаешь, что мы недавно писали про ваши отношения с Ноем Флинном. Мы очень надеемся, что ты поделишься своим взглядом на эту историю с нашими 5,3 миллионами читателей. Мы готовы заплатить \$20 000 за эксклюзивное интервью, которое несомненно во много раз повысит посещаемость твоей страницы, не говоря уже об интересе спонсоров к твоему блогу.

Я таращусь на экран, не веря своим глазам. После всей лжи, что они про меня написали, они просят рассказать «мой взгляд на эту историю»? Они что, всерьез думают, будто я захочу их деньги после всего, что они сделали? Я собираюсь написать гневный ответ, но мне приходит идея получше. Я выхожу из почты и логинюсь в блоге.

* * *

4 января.

От сказки до кошмара

Привет.

Как вы все, наверное, уже знаете, последние пару дней к этому блогу и ко мне было ОЧЕНЬ много внимания. Крайне неприятного внимания.

Несколько дней подряд незнакомые люди писали про меня в Интернете выдумки и гадости.

А сайты, посвященные жизни знаменитостей, сочиняли обо мне статьи, не позаботившись проверить информацию.

Все эти люди меня не знают.

Никто из вас меня не знает.

Никто не знает, что на самом деле случилось.

Но при этом каждый считает, что имеет право высказывать свое мнение и оскорблять меня.

Я всегда была предельно честна в этом блоге. Для этого он и создавался: чтобы у меня была возможность быть собой.

Все, что я здесь писала, – правда.

Возможно, правда, которую мне навязали.

Я и понятия не имела, кем на самом деле был Бруклинский Парень. Я знала, что его зовут Ной и что ему нравится музыка, но я и представить не могла, что у него контракт на запись альбома, и уж тем более я не знала, что он с кем-то встречается.

Если бы я знала, то не стала бы с ним общаться.

Меня обманули.

Мне разбили сердце.

А потом, будто мне мало досталось, кто-то узнал про «Девушку Online» и рассекретил мой блог.

Когда это случилось, мне показалось, что жизнь кончена.

Долгое время блог был моим надежным пристанищем – единственным местом, где я могла делиться самым сокровенным и не бояться, что меня осудят.

Но за последние дни я увидела, насколько зыбок онлайн-мир.

Это мир, в котором люди без зазрения совести прячутся за экранами компьютеров и выдуманными именами, чтобы поливать грязью людей, которых они совсем не знают.

И даже такие крупные сайты, как «Следим за звездами», считают нормальным публиковать статьи, не убедившись, правда ли в них говорится.

Сегодня «Следим за звездами» впервые вышли со мной на связь.

Хотели узнать, соглашусь ли я дать эксклюзивное интервью об «отношениях с Ноем Флинном».

Сказали, что заплатят мне за это \$20 000.

Написали, что это повысит посещаемость моего блога.

Так вот – я не стану лгать ради популярности.

Я ни за что не стану продавать чужие тайны, особенно тех, кого

люблю.

Даже если меня обидели.

Хочу закончить последний пост на этом сайте следующей мыслью:

Каждый раз, когда выкладываете что-то в Интернет, помните – у вас есть выбор.

Вы можете увеличить уровень счастья на земле, а можете – уменьшить.

Когда я начинала блог «Девушка Online», я надеялась что-то добавить ко всеобщему счастью.

И какое-то время я была уверена, что мне это удается.

Так что в следующий раз перед тем, как писать комментарий, добавлять или пересылать новость, спросите себя: сделает ли это наш мир лучше?

И, если ответ отрицательный, пожалуйста, удалите запись.

В нашем мире и без того много зла. Не надо его тиражировать.

Я прекращаю писать в этом блоге.

Всем читателям, помогавшим мне стать счастливее, хочу сказать – спасибо! Я вас не забуду...

Пенни Портер, она же Девушка Online xxx

Глава сорок четвертая

Следующим утром я просыпаюсь от того, что Эллиот барабанит в стену код, спрашивая: «Можно зайти?».

Я стучу «Да» в ответ и тру глаза. На будильнике только шесть тридцать. Сердце екает. Что там опять случилось? В полудреме я спускаюсь вниз, чтобы впустить Эллиота.

– Ты вроде говорила, что не будешь писать в блоге?

– Что прекращаю, – поправляю я его.

– Да. Не будешь, прекращаешь – как скажешь, – отзыается Эллиот, радостно размахивая телефоном. – У меня есть кое-что, на что ты обязана посмотреть.

– Это как-то связано с Ноем? Если да, тогда – нет, мне не надо смотреть.

Эллиот загадочно улыбается.

– Немного связано, но новость хорошая. Правда.

Я вздыхаю.

– Ладно, посмотрю. – Я беру у Эллиота мобильник. На экране – его страница в Твиттере.

– У тебя теперь собственный хэштег! – тараторит Эллиот.

– Да ну? – Я смотрю на твиты. У всех в конце – хэштег #МыЛюбимТебяДевушкаОнлайн.

– Есть еще #ВернитеДевушкуОнлайн и #НамНужнаДевушкаОнлайн, – с гордостью заявляет Эллиот. – Все с ума посходили после твоего вчерашнего поста.

Я читаю твиты. Все пишут, что скучают по мне, что мне не стоит обращать внимания на недоброжелателей. Одна из записей – от пользователя @ДевушкаПегас.

Извини, что осудила тебя. Пожалуйста, возвращайся
#НамНужнаДевушкаОнлайн

– Ну разве не здорово? – вопрошают Эллиот.

– Да. Нет. Не знаю.

А я и вправду не знаю. Недавние события породили во мне такой страх перед онлайн-миром, что я сомневаюсь, нужно ли мне туда возвращаться. Особенно теперь, когда я не смогу прикрываться анонимностью Девушки

Онлайн.

– Ты говорила, что виртуальный мир далек от реальности, но в чем-то он – настоящий, – говорит Эллиот. – Как твой блог. – Он показывает новости в Твиттере. – Как они. Они по-настоящему тебя любят.

Всю пятницу и субботу я раздумываю, как поступить с блогом, а Эллиот периодически рассказывает мне новости про хэштеги.

В воскресенье утром я встаю с первыми чайками и решаю, что собраться с мыслями мне поможет только одно: прогулка с фотоаппаратом. Перед выходом я забегаю на кухню и встречаю там папу.

– Ты куда-то собралась? – удивляется он.

– Да, хочу немного пофотографировать на пляже, пока там никого нет.

Я беру банан из блюда с фруктами и запихиваю его в карман.

– Ты надолго?

– Не знаю. На час, может на два.

Папа хмурит брови.

– Хорошо, а потом? Сразу домой?

– Да, а что?

– Просто хотел узнать, когда начнем воскресный завтрак, – отвечает папа и прячется за газетой.

Я направляюсь к выходу, когда на кухню заходит мама.

– Пенни, почему ты встала так рано?

– Не спалось, – отвечаю я насупившись. – А ты-то почему так рано? Ты помнишь, что сегодня воскресенье?

По воскресеньям мама не просыпается раньше десяти утра, это единственный день недели, когда она может повалиться в постели.

– Мне тоже не спалось.

Я пожимаю плечами.

– Ладно, увидимся позже.

– Когда позже? Ты куда-то идешь? – спрашивает мама.

– На пляж, хочу немного пофотографировать. До обеда вернусь.

– Если решишь куда-нибудь еще пойти, сообщи нам, ладно? – просит папа, выглядывая из-за газеты.

– Сообщу. Пока.

Только выйдя на улицу, я понимаю, что родители еще очень переживают из-за моего недавнего приступа паники. Я отсылаю папе эсэмэс:

Иду к старому причалу.

Надеюсь, он будет меньше волноваться, точно зная, где я.

На пляже – ни души. Сегодня один из тех безрадостных январских дней, когда все кругом раскрашено в оттенки серого. Но надо признать, мне это по душе. Мне хорошо наедине с собой и с морем, пляж словно принадлежит мне одной. Я сажусь на большой валун и смотрю, как набегают на берег волны. И внезапно меня накрывает грустью. Теперь, когда я освободила голову от лишних мыслей – о блоге, школе, Меган и Олли, – их место заняли воспоминания о Ное. Я сижу, перебирая в памяти все, что было. Я больше не злюсь, только грущу. Наконец я уговариваю себя подняться. Надо подумать о чем-то другом, что не причиняет боли. Я беру камеру и иду к старому причалу.

Мне нравится старый брайтонский причал. Его полуистлевшие, покерневшие балки словно попали сюда из старого фильма ужасов. Сегодня тут и правда можно снимать кино: ветер гуляет по уцелевшим перекрытиям, волны с плеском разбиваются о сваи. У меня за спиной раздается свист, будто кто-то подзывает собаку.

Я опускаюсь на колено и настраиваю зум, представляя, как мне в кадр попадет кружашее над старым причалом привидение. До меня опять доносится свист, на этот раз – долгий и настойчивый. Наверное, у кого-то пес потерялся или убежал плавать в море. Я поворачиваюсь, но никого не вижу. Вдруг я замечаю яркое пятно на том камне, где я сидела. Рыжее пятно. Я не раздумывая навожу на него камеру и приближаю изображение.

– Что за?..

Я промаргиваюсь и снова смотрю в объектив.

На камне восседает Принцесса Осень. Но этого не может быть. Я оставила ее Белле, в Нью-Йорке. Я подхожу ближе, под ногами хрустит галька. Этому должно быть объяснение. Наверное, просто похожая кукла. Но чем ближе я подхожу, тем сильнее убеждаюсь, что не ошиблась. Я узнаю синее бархатное платье, фарфоровое лицо и рыжие волосы, развевающиеся на ветру.

За пару метров я останавливаюсь и смотрю по сторонам. Наверное, это розыгрыш. Но кто его устроил? И как? И зачем? Может, это мама с папой забрали куклу? Это они ее сюда посадили? Но для чего? Бессмыслица какая-то. Я внимательно просматриваю приморскую полосу пляжа, но никого не вижу. У меня за спиной шуршит галька, и я резко поворачиваюсь.

– О боже!

Рядом с камнем стоит Ной. Наверное, он прятался за валуном. На Ное кожаная куртка, черные джинсы и поношенные ботинки, на голову наброшен капюшон толстовки.

– Белла сказала, что Принцесса по тебе соскучилась, – говорит Ной, кивая в сторону куклы.

У меня нет слов. Я уверена, что это – галлюцинация, что этого не может быть.

Ной шагает в мою сторону, и я автоматически делаю шаг назад.

– Мне надо с тобой поговорить, – серьезно произносит Ной.

– Но... я не понимаю... – Порыв свежего ветра ударяет мне в лицо, и я возвращаюсь в реальность. – Почему ты... Почему ты меня обманул?

Ной смотрит себе под ноги.

– Извини. Я хотел рассказать тебе правду, но боялся разрушить наши отношения.

Что?! Удивление сменяется злостью.

– Да уж, новости о том, что у тебя есть девушка, могли привести к такому эффекту.

Ной прячет руки в карманы джинс.

– У меня нет девушки. И не было.

– Вот это да! – Теперь я разозлилась не на шутку. – Так ты проделал такой далекий путь, чтобы снова мне голову морочить?

– Нет... я... я правду говорю.

– Ты врешь! Я в Интернете читала. Все эти твиты, статьи, и...

– Это все фикция.

– Да? И даже записи Леа Браун про тебя?

– Да! Особенно они.

Я сверлю Ноя глазами. Как он может так нагло врать мне в лицо? И неужели он думает, что я ему поверю?

– Что значит «особенно они»?

Ной наконец решается на меня посмотреть.

– Ее последний альбом провалился. Все в компании звукозаписи переполошились. И когда они подписали со мной договор, то рекламщики предложили раздуть романтическую историю. Сказали, что это повысит продажи наших альбомов. Я не хотел в этом участвовать, но они сказали, что от меня понадобится всего пару постановочных фото и твитов. Но я не смог себя заставить их писать. Мне было противно в этом участвовать. Я даже хотел отказаться от записи альбома, но контракт уже был подписан – меня связали по рукам и ногам. Потом я остыл, ведь на самом деле мне не приходилось встречаться с Леа. А потом появилась ты.

Я смотрю на Ноя, пытаясь осознать все, что он только что сказал.

– Так вы с Леа – не пара...

– Нет! Никогда ей не были.

– И она не расстроилась из-за случившегося?

Ной смеется.

– Нет. Сначала она злилась и говорила, что я выставил ее идиоткой, но потом продажи ее альбома взлетели до небес, потому что всем стало ее жалко. Так что Леа быстро пришла в себя.

– Не верится, что компания звукозаписи заставила тебя пойти на такое.
Ной разводит руками.

– Понимаю. Но, похоже, это для них в порядке вещей.

Я чувствую, как злоба начинает отливать от сердца.

– Почему ты мне сразу все не рассказал?

– Я собирался, – вздыхает Ной. – И Сейди Ли просила тебе открыться, но я боялся.

– Чего?

– Потерять тебя. – Ной смотрит на море. – Кто захочет встречаться с парнем, у которого есть подставная подружка? И так сложно найти человека... который не хочет за счет тебя засветиться.

Я смеюсь, и в душе зарождается надежда. Ной рядом, в Брайтоне, в полукилометре от меня. У него нет девушки, нет отношений с Леа Браун, никогда не было. Но...

– Почему ты на меня обозлился? Почему сменил номер телефона?

Ной переминается с ноги на ногу.

– Я подумал, что ты продала журналистам нашу историю. Что все было ради раскрутки твоего блога.

– Но я даже не знала, кто ты. У нас в Англии о тебе вообще никто не слышал... ну, кроме моего брата. Но он вечно слушает какую-нибудь странную музыку.

– Ну спасибо.

– Нет, я хотела сказать...

Ной расплывается в улыбке, и при виде его ямочек на щеках, у меня в животе порхают бабочки.

– Ничего. Я не знал, что мне думать, вот и психанул. А когда они написали, что у меня был нервный срыв после смерти родителей, а потом рассказали о местах, в которых я отдыхаю... Я ведь не публичный человек, а тут на меня все набросились.

– Понимаю, что ты чувствовал.

Ной тут же делает взволнованное лицо.

– А как ты все перенесла?

– Ну, нормально. После того, как начала Интернет-детокс.

Ной смеется.

– Значит, ты не видела мое новое видео на ютюбе?

Я качаю головой.

– Хочешь посмотреть? Иди сюда.

Я внезапно смущаюсь. Ной – рядом. Рукой подать. И все оказалось иначе, чем я думала. Все хорошо, наверное. Мы садимся к валуну, и Ной достает телефон, заходит на Ютюб и включает видео. На экране появляется маленькое изображение Ноя, который говорит следующее:

«Последнее время про меня писали много ерунды, и поскольку я не любитель твитов, я высказуюсь привычным способом. Эта песня – первый сингл моего нового альбома. Она называется “Девушка-Осень” и посвящается единственной девушке, которую я любил».

Потом он поет песню. Мою песню!

Ной ерзает на гальке и, откашлявшись, бормочет:

– Извини, я тебя не предупредил.

– Все в порядке.

– Правда? – Он поворачивается и заглядывает мне в глаза.

– Да, – отвечаю я, не отводя взгляда.

– Когда я прочитал твой последний пост, то почувствовал себя таким идиотом!

– Почему?

– Потому что предположил, что ты рассказала про меня журналистам.

Когда все вышло из-под контроля, я запаниковал и придумал черт знает что.

– Я тоже.

– Иии?..

– Иии?

Он берет мою ладонь. У него теплые и сильные руки.

– Попробуем начать с начала?

– Как друзья?

Ной мотает головой.

– Как переломные моменты.

– Хорошо, – смеюсь я.

– Я не всем девушкам говорил, что они нравятся мне так сильно, что это похоже на любовь, – улыбается Ной.

– А как же Леа Браун? – подсмеиваюсь я над ним.

– Ей – никогда!

Он пододвигается ближе.

– Можно тебя поцеловать?

– Да, пожалуйста.

– До чего же в Британии вежливые девушки!

Ной нежно берет в ладони мое лицо и целует. Осторожно, с опаской.

– Как ты сюда попал? – спрашиваю я Ноя.

– Прилетел.

– Я про пляж.

– А, твой папа подвез.

– Они что, знали, что ты прилетишь?

– Ага, – кивает Ной. – Я сказал им, что хочу сделать тебе сюрприз.

– У тебя получилось.

Ной взволнованно смотрит на меня.

– Твои родители все знают. Я сначала попросил Сейди Ли им ничего не говорить. Но потом, когда я успокоился и осознал, что произошло, то позвонил твоему папе. Я попросил его о встрече с тобой, и тогда все открылось. Извини, я думал, что они в курсе.

– Ничего. Главное, что все наладилось. Так ведь?

– Да. Может, прогуляемся немного?

– С удовольствием.

Но, как только я встаю, то теряю равновесие, поскользываюсь и перелетаю прямо через камень. Если бы я снималась в приключенческом фильме, полном трюков, то сцена получился бы очень эффектной, но в нынешней романтической обстановке я выгляжу комично.

– Ты в порядке? – спрашивает Ной.

Я поднимаюсь, вся красная от стыда.

– Офигенный трюк. Надо тоже попробовать.

Он делает шаг назад, перепрыгивает через камень, врезается в меня, и мы валимся на землю. Мы хохочем от всей души, и последние следы напряжения исчезают сами собой.

– Я так скучал по тебе, мой Переломный Момент, – шепчет Ной.

На этот раз мы целуемся без тревоги, и я чувствую, что вернулась домой.

Благодарности

Хочу поблагодарить всех в издательстве «Penguin», кто помогал писать мою первую книгу. Особенно Эми Элворд и Сиобан Курхэм, которые были рядом на всех этапах ее создания.

Огромное спасибо моему менеджеру Дому Смейлсу (Дамблдору), чьи поддержка и забота придавали мне уверенности; кто прошел со мной весь путь со всеми его взлетами и немногочисленными падениями.

Также хочу сказать спасибо моему идейному менеджеру Мэдди Честер и руководителю проектов Натали Лукъянос, которые со всей добротой помогали мне управляться к дедлайнам, несмотря на мою плохую организацию и медлительность.

Хочу поблагодарить Алфи Дейса за то, что он не ругался, что я столько ночей не спала, сочиняя и перечитывая книгу, и крепко обнимал меня, когда я волновалась.

Хочу упомянуть мою семью: маму, папу и брата, моих любимых тетушек и деда, которые поддерживали меня и принимали каждое мое решение с искренней улыбкой на лице. Надеюсь, они мной гордятся.

Спасибо всем моим друзьям, давним и новым, онлайновым и офлайновым. Они все помогают мне изо дня в день заниматься любимым делом, и я очень рада, что они есть в моей жизни.

Хочу сказать спасибо болтушке Луиз, которая не давала мне грустить все четыре года этого сумасшедшего пути, была рядом во все времена.

Меня поддерживало очень много людей, и я обещаю однажды обнять каждого из вас и каждому сказать, как он мне дорог (пускай это и займет уйму времени).

С ЛЮБОВЬЮ, Зои Сагг

---

notes

Примечания

1

William Shakespeare – weakish speller. – *Здесь и далее примеч. ред.*

2

«Желаем вам веселого Рождества».

3

Энди Маррей – британский профессиональный теннисист, олимпийский чемпион.

4

Бэнкси – псевдоним легендарного английского уличного художника граффити, чья личность до сих пор не установлена.

5

Саша Фирс (*Sasha Fierce*) – fierce (англ.) – неистовый, яростный.

6

Savage (*англ.*) – дикарь, варвар.

7

Confident (*англ.*) – уверенный в себе.

8

Игра слов: *thing* (англ.) – предмет, факт в общеупотребительной лексике и нецензурное ругательство на сленге.

9

От англ. *wild* – дикий.

10

«Как прекрасен этот мир», песня Луи Армстронга.

11

Биг Билл Брунзи – американский блюзовый певец, гитарист, автор-исполнитель.